

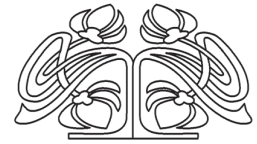

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Научный журнал
2013 Том 13

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

Издается с 2001 года

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Луконин Д. Е.** Антистасов: нововременская конструкция образа противника 3
Назаров В. В. Воспоминания неонародников как исторический источник 10
Кочуков С. А. Неизвестный корреспондент известной войны (военный корреспондент князя Л. В. Шаховской на балканском фронте Русско-турецкой войны 1877–1878 годов) 15
Варфоломеев Ю. В. К вопросу о создании представительных органов власти императорской России: первая фаза конституционного цикла (декабрь 1904 года – август 1905 года) 20
Васильченко М. А. Советская власть и ЧСНС накануне мятежа Чехословацкого корпуса (март–май 1918 года) 27
Симонов А. А. Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) 31
Герасимов В. Л. Состояние авиации военно-морского флота накануне Великой Отечественной войны 38

Всеобщая история и международные отношения

- Блосфельд Е. Г.** Заметки о некоторых проблемах исторической науки 44
Лапырёнок Р. В. Земельный закон Гая Семпрония Граха в письменных и эпиграфических источниках 46
Болдырева И. И. Проповедь Элфрика Эншемского на ветхозаветную книгу «Эсфирь» в контексте исторических реалий Англии его времени 51
Феллер В. В. Метафизический историзм Фрэнсиса Бэкона 57
Эльфонд И. Я. Французская средневековая литература в исторической концепции гуманиста Э. Пакье 61
Креленко Д. М. Отдельные аспекты реализации испанского нейтралитета в Первой мировой войне 67
Цыплин В. Г. Поиск новых векторов внешней политики России в Европе в начале 1920-х годов 75
Старков О. А. Политическая программа Герта Вилдерса в контексте развития ультраправого движения Нидерландов 81
Афоница Е. А. Деятельность USAID в Центрально-Азиатском регионе в период администрации Б. Клинтона 85

Региональная история и краеведение

- Малов Н. М.** Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы 89
Беляков А. В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань 92
Рабинович Я. Н. Первые воеводы города Саратова (1590–1608) 98
Полозова И. В. Иргизские и Черемшанские монастыри и их роль в жизни саратовского старообрядчества 102
Панькин П. В. К вопросу об экономическом положении уральского казачьего войска в начале XX века 109

Критика и библиография

Представляем книгу

- Киясов С.Е.** Рецензия на кн.: Погосян В. А. В окружении историков (сборник статей и рецензий). Ереван: Изд-во «Эдит Принт», 2011. 264 с. 113

Приложение

Хроника

- Кочукова О. В.** 90 лет со дня рождения Игоря Васильевича Пороха (1922–1999) 116

Сведения об авторах

119

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
 Аксеновская Людмила Николаевна
 Аникин Валерий Михайлович
 Балаш Ольга Сергеевна
 Бучко Ирина Юрьевна
 Вениг Сергей Борисович
 Волкова Елена Николаевна
 Голуб Юрий Григорьевич
 Дильнов Геннадий Васильевич
 Захаров Андрей Михайлович
 Комкова Галина Николаевна
 Лебедева Ирина Владимировна
 Левин Юрий Иванович
 Макаров Владимир Зиновьевич
 Монахов Сергей Юрьевич
 Орлов Михаил Олегович
 Прозоров Валерий Владимирович
 Федотова Ольга Васильевна
 Федорова Антонина Гавриловна
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Шатилова Алла Валерьевна
 Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна
 Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
 Голуб Юрий Григорьевич
 Креленко Наталия Станиславовна
 Мезин Сергей Алексеевич
 Монахов Сергей Юрьевич
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Чолахян Вачаган Альбертович
 Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
 Свидетельство о регистрации СМИ
 ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 20.03.13.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,81 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 12.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2013

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Lukonin D. E.** Antistasov: Construction of Adversary's Image in the «Novoe Vremya» 3
Nazarov V. V. Reminiscences of Neo-populists as a Historical Source 10
Kochukov S. A. Unknown Correspondent Known War (War Correspondent Book. L. Shakhovskoy on the Balkan front, the Russian-Turkish War of 1877–1878) 15
Varfolomeev Yu. V. On the Establishment Representative Bodies of the Power of Imperial Russia: the First Phase of the Constitutional Cycle (December, 1904 – August, 1905) 20
Vasilchenko M. A. Soviet Power and CHSNS before the Rebellion of the Czechoslovak Corps (March–May 1918) 27
Simonov A. A. Commander in Chief M. A. Muraviev and Creation the East Front (june – july 1918) 31
Gerasimov V. L. The State of USSR Navy Aviation Before the Beginning of the Great Patriotic War 38

World History and International Relations

- Biosfeld E. G.** Remarks about Separatly Problems of the Historical Science 44
Lapyrionok R. V. The Agrarian Law of Gaius Sempronius Gracchus in Narrative and Epigraphic Evidence 46
Boldyreva I. I. Ælfric's Homily on the Old Testament «Esther» in the Historical Context of Late Saxon England 51
Feller V. V. The Bacon's Metaphysical Historism 57
Iyelfond I. Ya. French Medieval Literature in Historical Concept of Humanist E. Pasquier 61
Krenenko D. M. Spanish Neutrality During the First World War: Selected Aspects 67
Tsyplin V. G. The Search of the New Vectors of Russian Foreign Policy in Europe at the Beginning of 1920s. 75
Starkov O. A. Political Program of Geert Wilders in the Context of Development of the Extreme Right in Netherlands 81
Aphonina E. A. The USAID Activities in the Central Asian Region During the Clinton's Administration 85

World History and international Relations

- Malov N. M.** Studying the Bronze Age Monuments in the Lower Volga Region: 1900–1917 89
Belyakov A. V. A Trip of Tsarevich Murad Geray to Astrakhan 92
Rabinovich Ya. N. The First Saratov's Voivodes (1590–1608) 98
Polozova I. V. Irghiz and Cheremshany Monasteries and Their Role in Saratov Old-believers' Life 102
Pankin P. V. About the Economic Situation of the Ural Cossack Army in the Early Twentieth Century 109

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Kiyasov S. E.** Review of the book: *Pogosyan V. A. Surrounded by historians* (the collection of articles and reviews). Yerevan: Publishing House «Edith Print's», 2011. 264 p. 113

Appendices

Chronicle

- Kochukova O. V.** Igor Vasilievich Poroh's (1922–1999) 90th birthday anniversary 116

Information about the Authors

119

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470–89)«18»+929(Стасов)

АНТИСТАСОВ: НОВОВРЕМЕНСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ПРОТИВНИКА

Д. Е. Луконин

Саратовский государственный университет
E-mail: Lukonin@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу образа В. В. Стасова, выдающегося русского художественного критика, созданного его противниками на страницах газеты «Новое время». Рассматривается полемика, развернувшаяся в отечественной периодической печати по поводу произведений В. В. Верещагина, И. Е. Репина, М. М. Антокольского, деятелей «новой русской школы». Эти произведения, представленные Стасовым как воплощение «русского направления», подверглись грубой критике «Нового времени». В статье представлен «образный ряд», используемый авторами «Нового времени», дана историческая оценка позиции сторон.

Ключевые слова: В. В. Стасов, «Новое время», русская художественная интеллигенция, «новая русская школа», В. П. Буренин, антисемитизм.

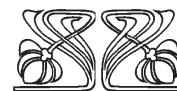
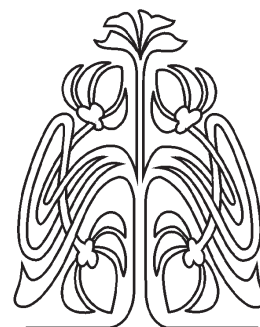
Antistasov: Construction of Adversary's Image in the «Novoe Vremya»

D. E. Lukonin

This article is devoted to the analysis of the image of Stasov, outstanding Russian art critic, from the direction of his enemies in the newspaper «Novoe Vremya» («New Time»). There is distinguished the polemics, which is developed in the national periodical press as regards the productions of V. V. Vereshchagin, I. Ye. Repine, M. M. Antocolsky and «The New Russian School» leaders. This productions, presented by Stasov as picture of «the Russian direction», were roughly criticized by the «Novoe Vremya». The article gives a series of images, which were lives on the pages of «Novoe Vremya» and historical estimate of the changing positions of the sides.

Key words: V. V. Stasov, «Novoe Vremya», Russian art intellectuals, «The New Russian School», V. P. Burenin, anti-Semitism.

Владимир Васильевич Стасов, выдающийся русский художественный критик, неоднократно выступал оппонентом газеты «Новое время». Объектом его критики в разное время становились мнения и взгляды А. С. Суворина, М. М. Иванова, А. А. Дьякова, некоторых других авторов и, в особенности, В. П. Буренина. Широко известны полемические образы, созданные Стасовым для своих противников по печати. «Тормозы нового русского искусства», «уморительный музыкальный критикан», «укус клопа неопасен, только вонь от него отвратительна», – все эти крылатые наименования и приговоры стали хрестоматийными и разошлись на цитаты еще в XIX в. В советской историографии неоднократно повторялось и тиражировалось официальное мнение, согласно которому «в борьбе с реакционной прессой» В. В. Стасов расчищал от «грязи и навоза» дороги нового русского искусства¹. В начале нынешнего столетия появились голоса в пользу переоценки наследия критика. И если В. Б. Валькова склонна была связывать негативные элементы стасовского образа скорее с их «искажением и профанированием» в рамках «советского мифа»², то С. В. Фролов обратил открытые упреки в адрес самого автора. Согласно его мнению, Стасову присущ «не менее значительный комплекс поступков и их последствий», с которым он вошел в историю «со знаком минус», среди них «скандальность поведения, истеричный пафос борьбы, вкусовщина, тенденциозность, опрометчивость» и некоторые другие³.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Не так далеко еще ушли те времена, когда оппоненты В. И. Ленина изучались по его работам. Сквозь призму подобного изучения фигура вождя выглядела поистине колоссальной. Однако более корректные оценки удалось поставить с помощью весьма нехитрого приема, – изучения «обратной стороны» политической полемики. Исходя из этих соображений, кажется, что и в случае с В. В. Стасовым необходимо обратить внимание на его оппонентов, какими бы ни были их убеждения и взгляды. Такая задача выглядит вполне обоснованно и совсем небезынтересно. Ни в коей мере не претендуя на ее исчерпывающее решение, в рамках данной статьи хотелось бы остановиться лишь на отдельных элементах негативного образа, созданного Стасову его противниками и отличавшегося отнюдь не меньшей скандальностью, однозностью и истерией.

Первый обмен «любезностями» между В. В. Стасовым и А. С. Сувориным произошел, как известно, в 1880 г. и был связан с выставкой картин В. В. Верещагина в России и широким общественным резонансом, произведенным ею⁴. Следует отметить, что упреки, прозвучавшие в адрес Стасова, не обладали правом первенства, так сказать, с «исторической» точки зрения. Еще в 1869 г., работая (как и Стасов) в газете «Санкт-Петербургские ведомости», А. С. Суворин высказал известные замечания своему «собрату» по печатному органу: «Недостаток произведений г. Стасова заключается, главным образом, в слишком большом возношении одних и слишком большом унижении других. Он человек крайний...»⁵ Однако в то время Суворин делал обязательную оговорку, что высказывает подобные замечания, так сказать, по-дружески, в адрес «хороших знакомых». 1877–1879 гг. стали годами особенно тесного сотрудничества А. С. Суворина и В. В. Стасова. Статьи последнего регулярно появляются на страницах «Нового времени», там впервые увидели свет такие работы, как «Вреден ли технический прогресс», «Французская книга о русском искусстве», «Друг русского искусства», «Новая эстетика», «Письма из чужих краев» и др. Со страниц «Нового времени» Стасовым велась печально известная полемика по поводу концертов Н. Г. Рубинштейна на Всемирной выставке в Париже 1878 г.⁶ В конце 1879 – начале 1880 г. В. В. Стасов подготавливает русскую выставку картин В. В. Верещагина, публикуя в «Новом времени» ряд статей о творчестве художника. Различные позиции, занятые Стасовым и Сувориным в споре о выставке, разводят их на два лагеря непримиримых публичных противников и кладут конец сотрудничеству Стасова с «Новым временем».

В ответ на критическую оценку полотен художника, высказанную А. С. Сувориным и В. П. Бурениным, Стасов публикует в газете «Голос» быстро разнесшуюся по столице работу под названием «Оплеватели Верещагина», первые строки которой прозвучали следующим образом: «В 1874 году, когда Верещагин открыл

свою туркестанскую выставку, у нас был всего один Тютрюмов⁷. Теперь их налицо целых два. Оба в «Новом времени». Годы даром не прошли – трихины живо плодятся...»⁸ Последнее слово было произнесено не случайно. Образ «трихин» в образованном русском обществе ассоциировался с романом «Преступление и наказание»: «...Эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные»⁹.

13 марта 1880 г. «Новое время» публикует написанную А. С. Сувориным статью «Снисходительный ответ», в которой В. В. Стасов предстает перед читателем в черед сменяющихся друг друга негативных образов:

1. «Веселый теленок». «У г. Стасова всего две ноты: нижнее “до” и верхнее; устроенный так странно голос его, не имеющий средних нот совсем, дал ему особенную физиономию ругателя и восхвалителя. И то и другое он делает иногда весьма недурно. Если он приходит в восторг, то этот восторг телячий поистине: он носится по полю, задрав хвост, ничего не видя и ничего не понимая; если он видит, что другие этого восторга не разделяют, он начинает ругаться с тем бешенством, которое приводит в изумление даже самых близких ему людей»¹⁰.

2. «Услужливый дурак». Критикуя стасовское словечко «оплеватели», Суворин находит, что подобный образ невыгоден, в первую очередь, самому Верещагину, так как он, в конечном итоге, оказывается «оплеванным», что само по себе малоприятно. «Кто же это меня оплевал, Владимир Васильевич? – задает Суворин вопросом устами Верещагина. – Я вовсе не такой человек, чтобы кому-нибудь это позволить, да ничего подобного и не было: ни одного плевка я на себе не вижу, и это заглавие, как хотите, а напоминает басню «Пустынник и Медведь»¹¹.

3. «Лжец и фарисей». Пользуясь своим положением издателя газеты, А. С. Суворин как бы приоткрывает «тайну» статей Стасова, опубликованных «Новым временем» и предвещающих выставку картин Верещагина. Оказывается, европейские триумфы художника были сильно преувеличены «услужливым другом». «...Вы же выбирали из отзывов английских и французских газет, присылаемых вам Верещагиным из Лондона и Парижа, наилучшие, наиболее лестные, – обращается Суворин к Стасову, – и печатали их со своими комментариями в “Новом Времени”, помещая даже целые столбцы из таких газет, как “Figaro”. Вы знаете также, что в Лондоне были такие отзывы, что печатать их в России было совсем не лестно для таланта г. Верещагина. Говорите об этих нежных “восторгах Европы” тем, кто не знает правды, но не говорите о них тем, которые ее знают превосходно»¹².

Спустя три дня «Новое время» публикует антистасовскую работу второго «фигуранта» верещагинского дела – В. П. Буренина. Критик очерчивает тактику, которой затем будет пользоваться в спорах со Стасовым с завидным постоянством и регулярностью, – тактику «симметричного ответа». «В. В. Стасов крикнет мне, желая меня выбрать: “вы, Тютрюмов!” я ему отвечу: “А вы – худ. Ледаков”; если он обзовет меня “трихиной”, я обзову его “грегариной”...»¹³ Значительного развития в ближайшие годы под пером Буренина достиг и образ «услужливого друга». Характеризуя, к примеру, биографический очерк Стасова «М. П. Мусоргский», появившийся в 1881 г. в журнале «Вестник Европы», Буренин нападает на такие детали биографии, как подробное описание внешности героя в юности, сообщение имен «никому не ведомых» друзей и т. п. Исходя из ложной посылки, что «даже в биографии всемирного гения подробные описания прически, выхолненных рук и “вывороченных ножек” были бы, мне кажется, излишними.<...> А тут по отношению к русскому талантливому, но отнюдь не всемирно-гениальному человеку, такие подробности просто кажутся забавными»¹⁴, – Буренин полагает, что Стасов оказывает сомнительные услуги защищаемым друзьям и направлению в искусстве. Наконец, представляя Стасова апологетом эстетического натурализма в его самой разнузданной и грубой форме, Буренин создает образ противника, который можно было бы объединить под названием «Носы и сапоги».

Еще в рамках верещагинской полемики 1880 г. Буренин высказал свои претензии к работе художника «Великий Могол в своей мечети в Дели». Главным недостатком картины, по мнению критика, является то, что на «колоссальном холсте» размещено «десять небольших фигур», на переднем же плане – «несколько пар туфель». Такая композиция, как полагал Буренин, свидетельствует о том, что художник преследует «коммерчески», а не «истинные цели искусства», о «фокус-покусничестве, направленном на ошеломление зрителя внешней громадностью художественного труда, под которым скрыта его незначительность»¹⁵. Создавая в своем воображении обобщенный образ такого подхода, критик конструирует вымышленную картину «Купанье крестьян на берегу Волги» (от которой пришел бы в восторг В. В. Стасов), представляющую собой четырехсаженное полотно с песочной отмелью и частью реки в углу картины, несколько десятков плавающих в ней крестьян, а на первом плане – четыре пары лаптей или сапогов, принадлежащих купающимся.

Двумя годами позднее, критикуя одну из крупнейших работ В. В. Стасова, «Двадцать пять лет русского искусства», вышедшую в «Вестнике Европы», Буренин высмеивает высказанную Стасовым мысль о превосходстве нового искусства над классическим. Делает он это, комически про-

тивопоставляя творчество Брюллова (на примере «Последнего дня Помпеи») и творчество Репина («Протодиякон»): «Положим даже, что этот протодияконовский нос есть перл реалистического искусства, последнее слово новой русской школы, положим, что на нем, на этом носе выписаны необыкновенно живо и точно все жилки, волдыри и угри, появляющиеся на носгах иных протодияконов от беспробудного и неумеренного пьянства. Но неужели г. Стасов полагает, что Брюллов при его неоспоримой художественной технике не смог бы написать столь же живо, как и г. Репин, подобного рода нос? Ах, поверьте, г. Стасов, он мог бы написать, даже живее бы написал... И, право, большой еще вопрос: лучше ли для русского искусства, что прежде его “торжествующей песнью”, было, например, изображение в “Последнем дне Помпеи” той женщины, упавшей с колесницы, об удивительно живом изображении которой говорит Гоголь, а теперь его “торжествующей песнью” является угреватый, пропитанный спиртом протодияконовский нос, которым г. Репин так безоговорочно пленил В. В. Стасова»¹⁶. Эти гипертрофированные лапти (сапоги) и угреватые (?) носы станут затем на протяжении десятка лет предметом постоянных насмешек Буренина над (сконструированным) предметом якобы восхищений Стасова.

Наиболее резонансной антистасовской статьей, опубликованной когда-либо газетой «Новое время», следует признать, безусловно, «Таран художественной критики». Образ, заключенный в самом названии этой работы, был быстро растиражирован печатными органами и надолго закрепился в критической литературе. Немало способствовал этому и сам В. В. Стасов¹⁷. Следуя тактике «симметричного ответа», В. П. Буренин подобрал нечасто встречающееся в лексиконе литературного критика словечко «таран», противопоставляя его столь же «дикивинному» по меркам середины XIX в. названию «Тормозы нового русского искусства», большой критической работы В. В. Стасова, появившейся в «Вестнике Европы» зимой-весной 1885 г.¹⁸ В отличие от прямолинейного смысла стасовского названия, буренинский заголовок (что достаточно характерно) имел грязный двойной подтекст¹⁹. Залихватски поигрывая рифмой «таран – баран», Буренин представляет противника в образе тупого всесокрушающего орудия. «И вот именно подобным римским тараном, в виде огромного бревна с металлической бараньей головой, мне и представляется почтенный В. В. Стасов...»²⁰ ... Кого-кого не задел, в кого не стукнул этот таран своей бронзовой бараньей головой... Мы, обыкновенные смертные, должны только трепетать, трепетать и изумляться, как это мы, поражаемые бараньей головой тарана, остаемся до сих пор не только живы, но и невредимы»²¹. Здесь же возникает еще один образ, неоднократно повторенный Бурениным впоследствии²², – деревянного флюгера-петушка, своим громким криком

сотрясающего окрестности. Образ петуха Буренин возводит к крыловской басне «Осел и соловей», комически противопоставляя критические взгляды А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя взглядам «нашего петуха», В. В. Стасова²³.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. В. П. Буренин продолжает регулярную полемику с В. В. Стасовым. Поводами для его полемических выпадов становятся работы И. Е. Репина, М. М. Антокольского, белаяевские концерты в Париже²⁴ и др. Буренин, по-видимому, с совершенной серьезностью принимает на себя роль не только «вершителя судеб»²⁵, но и арбитра морали. В данной совокупной роли он достигает вершин поистине ницшеанского «сверхчеловека» и со своих сверхчеловеческих вершин не считает себя обязанным стесняться никакими нормами приличий и уважения. Так, рецензируя воспоминания И. Е. Репина о И. Н. Крамском, Буренин находит их «просто возмутительными» и требует от художника сохранять «оттенок благородства»²⁶. Ответную статью, получившую название «Непростительная фальшь» и опубликованную в «Новостях и биржевой газете», В. В. Стасов начинает хрестоматийной фразой: «Что дальше, то все ниже и ниже спускается Буренин. До чего он однажды дойдет и чем кончит – мудро предвидеть»²⁷. Гораздо менее известно, что, пользуясь тактикой «симметричного ответа», и образом «флюгера-петуха», буквально через два дня Буренин так отвечает Стасову: «Что дальше, то все выше и выше возносится г. Стасов. До чего он однажды дойдет и чем кончит – мудро предвидеть. Может быть, он поднимется на шпиль Петропавловского собора и, ставши там взамен ангела, начнет кричать уже не только с крыши, как говорят французы, а даже с колокольни»²⁸.

Что же касается критики деятельности М. М. Антокольского, которую В. П. Буренин вел с позиций махрового антисемитизма, используя абсолютно неприемлемые с моральной точки зрения лексика, так и содержание, то здесь литературный критик «Нового времени» полностью оправдал прогноз своего оппонента и нашел-таки путь к «спуску ниже». Перигеем, так сказать, полемического противостояния следует считать ту точку, в которой Буренин создает образ Стасова-еврея: «У почтенного Владимира Васильевича просто какое-то влечение, род недуга к г. Антокольскому: кажется, он в нем столько же любит гения, угодившего вполне стасовской грубости и стасовскому безвкусию, сколько и еврея. Еврейство вообще г. Стасову любезно, потому что в его собственной натуре есть нечто еврейское: именно склонность к пышной и громогласной лжи, к неотесанной наглости и антиэстетичности в искусстве. Есть даже шутники, которые уверяют, что сам г. Стасов происходит от коренных израильтян, что один из его не особенно далеких предков носил чисто еврейскую кличку Стасик, которая с течением времени преобразилась и приобрела

русское окончание. Может быть, эта выдумка шутников более близка к истине, чем предполагают ее насмешливые авторы»²⁹.

Третьим критиком, внесшим значительный вклад в создание антистасовского образа, являлся музыкальный обозреватель «Нового времени» М. М. Иванов, десятилетиями публиковавший в подвале второй страницы свои работы под общим названием «Музыкальные наброски». В сравнении с вопиющими образами, созданными В. П. Бурениным, позицию М. М. Иванова можно охарактеризовать скорее как умеренную, оговорившись, однако, что умеренность эта определяется исключительно рамками «Нового времени». М. М. Иванов признавал некоторые заслуги В. В. Стасова, в частности, в области соствления биографических очерков, отрывки из которых он не стеснялся цитировать на страницах своей газеты³⁰. Тем не менее, в итоговой работе «История музыкального развития в России»³¹, вышедшей в свет уже после смерти В. В. Стасова, М. М. Иванов дал уничтожающую оценку вкладу выдающегося критика в развитие русской музыкальной культуры³². «Писал он решительно обо всем и делая всякие промахи, которыми никогда не смущался. О нем говорили, что музыканты считали его критиком по живописи, живописцы – по художники – критиком по музыке, археологи – по литературе (он ведь “исправлял” слог Тургенева!), а невежды – энциклопедистом. <...> Его неумеренно хвалебные отзывы принесли немало вреда тем, к кому они обращались... <...> Задорный, грубый без надобности тон, явившийся в русской художественной печати и надолго в ней утвердившийся – всецело дело рук Стасова. Сколько было возбуждено бесполезной розни, вражды, взаимного презрения... Дурное влияние Стасов оказал на целый период нашего искусства и счастливы были те художники, которые ушли от его непрошеной и назойливой опеки»³³.

Возможно, к этим словам стоило бы прислушаться и хотя бы попробовать статью на позицию Иванова, если бы не одно обстоятельство. В продолжавшийся несколько десятилетий спор между Ивановым и Стасовым давно уже вмешалась сама история. М. М. Иванов (что было так некстати для его поприща профессионального критика) обладал поразительным отсутствием дара футуристического предвидения, говоря резким языком В. В. Стасова, «не видел дальше собственного носа». Его негативная оценка «Могучей кучки» в целом, Мусоргского как таланта, не умеющего себя выразить, увлечения Дебюсси Мусоргским (уже предвещающее во времена Иванова восхождение русского гения) как «случайного и временного», уничижительная оценка творчества Пуччини³⁴ и многое другое заставляют сомневаться в способности М. М. Иванова к взвешенному суждению вообще и к исторической оценке деятельности В. В. Стасова, в частности. Было бы достаточно наивно считать, что критик,

в подавляющем большинстве случаев делавший из своего материала ошибочные выводы, в одном конкретном высказывании (и притом при характеристике собственного непримиримого оппонента) наконец «попал в цель».

В заключение стоит остановиться еще на одном аспекте антистасовского образа, представленного читателю газетой «Новое время». Это Стасов как прототип персонажей «сатирических поэм», написанных все тем же В. П. Бурениным, чаще всего за подписью «граф Алексис Жасминов». Буренинская критика на страницах «Нового времени» соседствовала и перемежалась с жасминовскими сатирами, что способствовало созданию комплексного образа литературного противника, наиболее полному и безжалостному его высмеиванию. В череде образов, развивающих заданную А. С. Сувориным парадигму «веселого теленка», в «господине Экстазове», «Вавиле Барабанове» и, наконец, в «Мамае Чингисхановиче Хайло» читатель легко узнавал «почтенного» критика в тех его характерных чертах, которые так настойчиво обыгрывались / конструировались нововременскими сотрудниками.

Господин Экстазов – это громадного роста человек, с длинной бородою и седыми волосами, «великий критик», постоянный посетитель драматических представлений, который непременно в каждом антракте «кричит через всю залу громовым голосом». Он не выносит Шекспира, Мольера, Пушкина, Рафаэля и Брюллова, без умолку понося их творчество как «ложь, фальшь, шумиху, пустой блеск, натяжку, наперсток, отсутствие правды и клевету на действительность». Пристрастия же его сводятся ко всему «новому» и «реалистичному», в первую очередь в двух областях – музыке и живописи. В музыке он предпочитает творчество композитора Дикобразова, автора опер «Холера» и «Сидорова коза» (сатира написана в 1885 г. уже после смерти М. П. Мусоргского). В первой его восхищает «Хор одержимых дизентерией» и увертюра «с аккомпанементом ста сквород и двухсот тарелок, по которым скребут ножами»³⁵, во второй же – «изумительнейшее» ариозо «Василиса, нос (sic) твой красен, подбородок твой в угрях». Из всех современных художников господин Экстазов сходит с ума от «шедевров нашего несравненного, бесподобного Мазилова», автора картин «Опорки (sic) утонувшего пролетария на песочном берегу» и «Гипертрофия носа (sic) пьяницы»³⁶.

Вавила Барабанов появляется на страницах «Нового времени» в сатирах «графа Алексиса Жасминова» и предстает в образе критика, дающего интервью редакции газеты «Новые пейсы»³⁷. Вавила Барабанов пропагандирует творчество Гаврилы Какофонова (собирает образ композитора-кучкиста), который, по его мнению, на данный момент является «первым из русских и всемирных композиторов». Музыка Гаврилы настолько сильна, что «если бы в настоящее время воскресли Малюта Скуратов, палач Томила и

Шишковский и если бы они были допущены в качестве пыточных экспертов к оценке этой, величайшей из всех симфоний, они признали бы, наверное, что подобной, небывалой, первой во всем свете пытки для ушей не снилось им в самых пылких застеночных грезах»³⁸. Гаврила Какофонов неистощим на выдумку в области новых приемов оркестровки: в одном из его произведений катают немазаную телегу, в другом скребут ножами по тарелкам и долбят по ступкам пестиками, в третьем – воспроизводят «вой тысячи белуг, когда из них вырывают вязигу»³⁹. Все это приводит в восторг Вавилу Барабанова.

Несколько позднее Барабанов выступает в качестве персонажа серии «рассказов и комедий во вкусе findesiècle», объединенных В. П. Бурениным под заглавием «Пипа и Пуся». «Великий художественный критик» предстает перед читателем стоящим «во весь свой рост» между двумя своими протеже, – скульптором Вараввой Малахаем и художником Саввой Дикобразовым. Варавва плохо говорит по-русски (Буренин неоднократно упрекал жившего в основном за границей М. М. Антокольского в якобы неправильности его литературного языка). Выражается он приблизительно так: «И я шпустился с небешныхвышот и сел прямо на толкучку, где торгуют штарьем. И я увидел там грязную штарую Ривку, дочь Шлемы. И она торговала пэхом. И я был любопытен сощдать моим вышокохудозештвенным резцом грязную Ривку. И я сощдал Ривку»⁴⁰. Савва же предстает как автор реалистичной картины «Трудовые мозоли». Разумеется, следуя логике В. П. Буренина, на ее первом плане должны были бы быть расположены сапоги (они же туфли, лапти или опорки). Но Буренин настолько ироничен в показе абсолютной пустоты реалистического направления, что даже сапоги исчезают с воображенной им картины, – «работник-труженик пропил сапоги», – и теперь на картине, изображающей «грудь отвратительно-грязных лохмотьев», видны только «две голые подошвы ног»⁴¹. С восторгом рассказывая о своих протеже, Вавила Барабанов выдвигает свою основную задачу в области искусства: «Пихаю, пихал и буду пихать как можно дальше, на самые новые, непроторенные, незасиженные пути»⁴². При этом голос его гремит так, что дрожат люстры в гостиной.

В более поздней, «реально-фантастической» поэме «Хвост», также из номера в номер публиковавшейся в «Новом времени», образ Вавилы Барабанова претерпевает трансформацию. Теперь это композитор, глава музыкального кружка «могучих барабановцев» и нового направления в музыке, – «барабановщины». Помимо Вавилы в кружок входят также Навуходоносор Тля, автор «великолепнейшего романа» (при жизни Цезарь Кюи был особенно известен своими романами), Какофон Какофонович Дубина, написавший «чудеснейшую восточную симфонию «Грузинские шальвары» (отцом А. П. Бородин был грузинский

князь Л. С. Гедианов (Гедеванишвили) и Федот Раздери-Уши, автор «истинно-народной» оперы «Моченая брусника» (двойная фамилия также должна была вызвать ассоциации с одним известным русским композитором)⁴³. Вавила Барабанов обладает носом, «подобном картофелине и к тому же красно-сизым, точно налитым вином», он любимец баронессы Сантименталии Фридриховны Крикс-фон-Визглау, написавшей о нем брошюру. Итак, поздний Барабанов является у Буренина собирательным образом. Музыка «барабановцев», исполняемая ими на рояле, представляет собой, как и положено, «неподобные звуки, как будто под декой была засажена сотня котов, которым ущемляют хвосты, в сообществе с сотней белуг, из спины которых вытягивают визигу»⁴⁴.

Защищает «барабановское» направление «почтенный и уважаемый» Мамай Чингисханович Хайло. Он – «статский генерал»⁴⁵, который любит наряжаться в красную рубаху и в таком виде быть изображенным на художественном полотне, он не то, чтобы даже кричит, а «просто-таки орет» и «грохочет» на всех углах о своих эстетических взглядах и, разумеется, поносит при каждом удобном случае, а также в отсутствие оно, всех Шекспиров, Микеланджело, Рафаэлей, Дантов и Бетховенов как по отдельности, так и вместе взятых. Он поддерживает евреев, подвизающихся на поприще искусства, в особенности же скульптора Мордохая Микву.

Сквозной линией через все сатиры Буренина проходит отношение к «новому реалистическому искусству». Помимо полной бессодержательности, – пустоты на картинах и основанной только на инструментовке музыки, – автор постоянно подчеркивает физиологичность восприятия «реалистических» произведений. От воспоминаний А. В. Верещагина о войне, пропагандируемых господином Экстазовым, «трупам воняет, солдатскими шинелями несет». На «Ривку», изваянную Вараввой Малахаем, «невозможно смотреть без отвращения: одних зрителей тошнит уже от самого сюжета, другие плюют». От звуков «Ратклифа» Ц. А. Кюи или «Хованщины» М. П. Мусоргского у И. С. Тургенева, по уверениям Буренина, «просто схватило живот», а вымышленная баронесса Крикс-фон-Визглау «почувствовала припадок холерины». Наконец, слушатели, присутствовавшие при исполнении «барабановцами» музыки на рояле, «сперва почувствовали головокружение, тошноту и начали быстро затыкать уши, но потом, видя, что этим горю не поможешь и не спасешься от нечеловеческих мотивов, выбиваемых кулаками (sic) двух барабановцев, впали в полное изнурение и отчаяние»⁴⁶. Почти всегда с моментом представления «нового искусства» связан момент апофеоза в сатирах.

Итак, в 1880 – начале 1890-х гг. большинство крупных работ В. В. Стасова получало немедленный негативный отклик на страницах «Нового времени». Наиболее усердный вклад в этом на-

правлении был внесен В. П. Бурениным. Сравнивая себя в роли критика со своим оппонентом, он писал: «...Когда я умру, то меня будут поминать вот так: “а ведь покойник Буренин хотя и был резок, хотя и ошибался и увлекался, но все-таки имел критический вкус, нередко говорил правду, разоблачал разную ложь в литературе и в искусстве, не стесняясь фальшивым либеральным лицемерием, невзирая на лица, чуждаясь кумовских и практических расчетов”. А вот когда г. Стасов умрет, то о нем не так скажут, а иначе: “а ведь покойник Владимир Васильевич постоянно кричал всякий преувеличенный вздор, целый век врал и расточал дутые и пустые фразы о музыке, живописи, скульптуре, в которых он мало смыслил, и при этом руководился не критическим вкусом, которого он не имел, а то пристрастным кумовством, то мнимо-либеральным лицемерием”». Если фамилии в данном отрывке переставить местами, то мы окажемся гораздо ближе к истине, уже произнесенной судом истории. И пересматривая сегодня критические работы В. В. Стасова, критикуя их за резкий, пристрастный и грубый слог, не следует забывать, что писались они в условиях господства наглой, развязной и по большому счету бездарной критики, глумящейся над выдающимися произведениями русского искусства.

Примечания

- 1 См. напр.: *Лебедев А. К., Солодовников А. В.* В. В. Стасов. М., 1982. С. 53.
- 2 См.: *Валькова В. Б.* Стасов и три модели музыкальной критики в России // Музыкальная академия. 2005. № 2. С. 155–156.
- 3 *Фролов С. В.* Еще раз о том, за что Салтыков-Щедрин невзлюбил Стасова // Музыкальная академия. 2005. № 2. С. 116.
- 4 См., напр.: *Лебедев А. К.* В. В. Верещагин : Жизнь и творчество. 1824–1904. М., 1972. С. 199.
- 5 *Суворин А. С. (Незнакомец).* Недельные очерки и картинки // СПб ведомости. 1869. № 149 (1 июля). С. 2–3.
- 6 См.: *Луконин Д. Е.* Лики национализма : В. В. Стасов и «Новое время» // Власть : Общественно-полит. журн. 2008. № 10 (октябрь). С. 129–132.
- 7 Критик творчества В. В. Верещагина, высказавший в его адрес ряд резких и необоснованных замечаний.
- 8 *Стасов В. В.* Оплеватели Верещагина // Стасов В. В. Избр. соч. : в 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 98.
- 9 Позднее Максимилиан Волошин изложил эту мысль Достоевского стихотворным языком: «Исполнилось пророчество: трихины / В тела и в дух вселяются людей / И каждый мнит, что нет его правей». Образ «зараженного, больного проказой» еще не один раз будет всплывать в творчестве В. В. Стасова. Так, одну из первых выставок «Мира искусства» он охарактеризует резонансным наименованием (заимствованным у Гюго) – «Подворье прокаженных».
- 10 *Суворин А. С. (Незнакомец).* Снисходительный ответ // Новое время. 1880. № 1451 (13 марта). С. 2. В

- ответной статье, опубликованной «Голосом» 15 марта, Стасов так отреагировал на образ «Веселого теленка»: «...Кража, г. Суворин, кража: это уподобление – Герцена; напрасно брать у других чужое добро: лучше выдумывайте что-нибудь свое». (*Стасов В. В.* Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1894. Т. 2 : Художественные статьи. Отд. 3 : Критика художественных изданий и статей. Стб. 479).
- 11 Там же. Хотя услуга нам при нужде дорога, / Но за нее не всяк умеет взяться. / Не дай бог с дураком связаться! / Услужливый дурак опаснее врага.
- 12 Там же.
- 13 *Буренин В. П.* Литературные очерки // Новое время. 1880. № 1454 (16 марта). С. 3.
- 14 *Буренин В. П.* Литературные очерки : Услуги г. Стасова покойному Мусоргскому, новой музыкальной школе и проч. // Новое время. 1881. № 1864 (8 мая). С. 2–3.
- 15 *Буренин В. П.* Литературные очерки // Новое время. 1880. № 1454 (16 марта). С. 3.
- 16 *Буренин В. П.* Критические очерки : Кое-что из новых воспоминаний о г. Стасове. Нечто о носе протодьякона // Новое время. 1882. № 2410 (12 ноября). С. 2.
- 17 В ответной статье, опубликованной «Новостями и биржевой газетой», В. В. Стасов принял присвоенную ему Бурениным кличку: «...г. Буренин величает меня “тараном”, бьющим с великой силой в “тормозы” русского искусства. Его бы устами мед пить. Я ничего так не желаю, как уничтожения всех тормозов нового русского художества, и считал бы себя совершенно счастливым, если б мог хоть капельку помочь этому делу. Но, мне кажется, против г. Буренина не нужны “тараны”. Что он за крепость, что за твердыня? С него будет и метлы да корзинки, которыми убирают грязь и навоз с улицы». (*Стасов В. В.* Избр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 23).
- 18 Несколько страниц данной работы было посвящено критике позиции «Нового времени» (в лице А. С. Суворина и В. П. Буренина) по поводу искусства В. В. Верещагина. (См.: *Стасов В. В.* Избр. соч.: в 3 т. Т. 2. С. 627–630).
- 19 На данную особенность полемики между Стасовым и Бурениным обращалось внимание еще при жизни обоих критиков. Так, в начале XX в. под одной из карикатур на них была опубликована следующая подпись: «...Но Стасов безоружно / Ведет войну с собратом, / Жасминов [псевдоним В. П. Буренина. – Д. Л.] же, как нужно, / Вооружен... ушатом». (*Лебедев А. К., Солодовников А. В.* Указ. соч. С. 51).
- 20 Эпитет «почтенный» Буренин ставит рядом с фамилией Стасова с завидной регулярностью, намекая на солидный возраст противника (в 1885 г. Стасову было уже за шестьдесят) и его высокий, «генеральский» чин.
- 21 *Буренин В. П.* Таран художественной критики // Новое время. 1885. № 3275 (12 апреля). С. 2.
- 22 Среди заголовков его статей встречается, к примеру: «Опять Стасов кричит». (Новое время. 1888. № 4466 (5 августа)). «...Возбудить крик г. Стасова не особенно трудно. Случалось, что почтенный критик увидит саженное полотно, на котором изображены в ракурсе смазные сапоги, или розвальни с бабой, ополоумевшей от дикого фанатизма [речь идет, разумеется, о картине «Боярыня Морозова» В. И. Сурикова. – Д. Л.], и вдруг он начинает в неистовом восторге кричать, что эти сапоги, и эти розвальни, и баба – все это величайшее, небывалое в мире произведение: преклонитесь перед ним все языцы земные... Случалось, что где-нибудь какой-нибудь молодой зодчий построит курятник с выпильным (sic) русским полотенцем и петухом на фронтоне и г. Стасов, узрев этот курятник, просто себя самого превосходит в крике...» («Новое время». 1887. № 4143 (11 сентября)).
- 23 *Буренин В. П.* Таран художественной критики. С. 2.
- 24 Полемика по поводу беляевских концертов освещена в статье: *Луконин Д. Е.* Лики национализма : В. В. Стасов и «Новое время».
- 25 В одном из стихотворений о самом себе он так характеризует себя: «С улыбкой на устах, / Нахмутив грозно лоб, / Одной пародией кладешь поэтов в гроб; / То прозой строгою, суровой и серьезной, / Твердишь как критик суд, неумолимо-грозный». (Новое время. 1888. № 4571 (18 ноября)).
- 26 Новое время. 1888. № 4376 (6 мая). С. 2. По этому поводу В. В. Стасов совершенно справедливо восклицает: «О, Боже мой! Буренин учит кого-то благородству!» (*Стасов В. В.* Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания : в 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 224).
- 27 *Стасов В. В.* Статьи и заметки... Т. 1. С. 221.
- 28 *Буренин В. П.* Критические очерки // Новое время. 1888. № 4383 (13 мая). С. 2.
- 29 *Буренин В. П.* Опять г. Стасов кричит // Новое время. 1888. № 4466 (5 августа). С. 2.
- 30 См., напр.: *Иванов М. М.* Музыкальные наброски : об опере «Князь Игорь» Бородина // Новое время. 1890. № 5260 (29 октября). С. 2–3. Высокую оценку биографическим очеркам Стасова дает он и в «Истории музыкального развития России» (Т. 2. С. 379).
- 31 Работа эта получила неоднозначную оценку современников. Так, С. К. Булич назвал ее «компилятивной и лишней объективности» (Русский биографический словарь. Статья: «Иванов М. М.»). Напротив, В. С. Баскин полагал, что М. М. Иванов «обнаруживает в своем труде редкую эрудицию и начитанность... Это плод обширного исследования, богатого проверенными данными, основанного на всестороннем знании предмета; тут нет повторения чужих мыслей» (Исторический вестник. 1910. Т. 122, декабрь. С. 1154–1157).
- 32 М. М. Иванов не скрывал, что негативное отношение к Стасову сложилось у него во многом в результате работы в Художественном отделе Императорской публичной библиотеки, который до этого в течение 30 лет возглавлял Стасов. По словам Иванова, он застал этот отдел в «хаотическом беспорядке» и приложил «много труда», исправляя положение. (*Иванов М. М.* История музыкального развития России : в 2 т. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1910–1912. Т. 2. С. 378).
- 33 Там же. С. 378–379.
- 34 Наиболее популярную в настоящее время оперу «Богема» Пуччини (которая удерживает абсолютное лидерство по количеству регистраций в грамзаписи, обгоняя

даже «Травиату» Верди) Иванов характеризовал как «пустоту литературную, сценическую и музыкальную... ценность ее – абсолютный ноль». (Новое время. 1900. № 8615 (21 февраля). С. 2).

- ³⁵ Насколько получили распространение конструкции, создаваемые критиками «Нового времени», можно судить, например, по тому, что, описывая белые концерты в Париже на выставке 1889 г., корреспондент совсем другой газеты В. Дедлов (В. Л. Кигн) использовал образы, заимствованные из буренинских сатир. (Дедлов В. Франко-русские впечатления. Письма с парижской выставки. СПб., 1890. С. 154).
- ³⁶ Буренин В. П. Критические очерки : Господин Экстазов. «На войне г. А. Верещагина» // Новое время. 1885. № 3242 (8 марта). С. 2.
- ³⁷ «Новости и биржевая газета» О. К. Нотовича, еврея по происхождению. Нотович и Стасов были излюбленной мишенью бесконечных острот В. П. Буренина.

- ³⁸ Буренин В. П. (Алексис Жасминов). Обмен мыслей между редакцией «Новых пейзажей» и интеллигентными читателями // Новое время. 1890. № 5217 (7 сентября). С. 2. Образ «пытки» также позднее был использован в публицистике В. Л. Кигна.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Буренин В. П. (Алексис Жасминов). Пипа и Пуся. или Горе от любви : Рассказы и комедии во вкусе finde siècle. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1894. С. 100.
- ⁴¹ Там же. С. 103.
- ⁴² Там же. С. 101.
- ⁴³ Буренин В. П. (Алексис Жасминов). Хвост : Реально-фантастическая поэма. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1891. С. 138.
- ⁴⁴ Там же. С. 146.
- ⁴⁵ В. В. Стасов состоял в чине тайного советника по Императорской публичной библиотеке.
- ⁴⁶ Там же.

УДК 947

ВОСПОМИНАНИЯ НЕОНАРОДНИКОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В. В. Назаров

Саратовский государственный университет,
Балашовский институт (филиал)
E-mail: nvv1975RSB@mail.ru

В статье исследуются воспоминания лидеров и наиболее заметных членов неонароднических партий: В. М. Чернова, Б. В. Савинкова, А. В. Пешехонова, Е. К. Брешко-Брешковской, Г. В. Гершуни, В. М. Зензинова. Исследование источников личного происхождения важно для более полного и глубокого понимания исторических событий и процессов.

Ключевые слова: воспоминания, неонароднические партии, социалисты-революционеры, народные социалисты.

Reminiscences of Neo-populists as a Historical Source

V. V. Nazarov

In the article we study the reminiscences left by the leaders and most prominent members of neo-populist parties, such as V. M. Chernov, B. V. Savinkov, A. V. Peshkhonov, E. K. Breshko-Breshkovskaya, G. V. Greshuni, V. M. Zenzinov. The research of private sources is important for deeper and more profound understanding of historical events and processes.

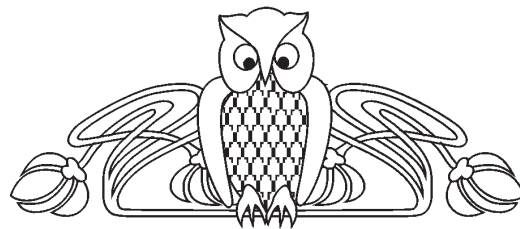
Keywords: reminiscences, neo-populist parties, socialist-revolutionaries, national socialists.

Важным источником, несущим в себе свидетельства эпохи, являются, безусловно, воспоминания. Неонароднические партии имеют богатую историю и являются предметом многочисленных научных исследований отечественных и зарубежных историков¹. Но несмотря на всестороннюю изученность темы, введение в научный оборот множества опубликованных и неопубликованных

источников², всегда остается место для субъективных моментов, эпизодов из жизни участников событий, которые могли быть известны только им или близким им людям, но которые важно знать для более полного и глубокого понимания исторических событий и процессов.

Воспоминания занимают видное место и среди источников по истории неонароднических партий. Они принадлежат перу людей, которые стояли у истоков зарождения своих партий, играли в них значительную роль, прошли через горнило политической борьбы и преследования властей. В рамках данной статьи мы рассмотрим мемуары лидера партии социалистов-революционеров В. М. Чернова, лидера народных социалистов А. В. Пешехонова, а также эсеров Б. В. Савинкова, Г. В. Гершуни, В. М. Зензинова, Е. К. Брешко-Брешковской.

Виктор Михайлович Чернов (1873–1952), лидер и теоретик партии социалистов-революционеров, принадлежит к числу крупнейших российских политиков начала XX века. После Февральской революции 1917 г. он занимал пост министра земледелия во Временном правительстве, председателя Учредительного собрания. В. М. Чернов проявил себя как публицист, экономист, философ, литературный критик³. В своих мемуарах В. М. Чернов отразил основные вехи своей биографии и политической истории России конца XIX – начала XX в.

В раннем детстве Виктор потерял мать. Отец женился вторично, но мачеха не уделяла должного внимания воспитанию своих пасынков и падчериц (у Виктора был старший брат Владимир и три сестры – Ольга, Софья и Надежда). Отец большую часть времени проводил на службе. Вспоминая о детских годах, Виктор Михайлович писал: «Я рос в значительной мере беспризорным, неприемчивым, своевольным бродягой... город был искони душно-тесен и неприятен, семейный дом – более чем наполовину чужой... Я был сознательным бегуном от них»⁴.

Определенное влияние на формирование мировоззрения будущего политика оказал отец. Это влияние носило косвенный характер: через образ мысли, суждения, высказывания. «Я никакого религиозного воспитания в церковно-православном духе не получил, – вспоминал Виктор Михайлович, – Завалившийся от кого-то из старших детей учебник ветхозаветной истории я воспринял как сборник волшебных сказок»⁵.

В конце 80-х гг. Чернов близко познакомился со старым народником В. А. Балмашевым, после возвращения из сибирской ссылки поселившимся в Саратове и заведовавшим библиотекой Коммерческого собрания. С его помощью Виктор впервые познакомился с произведениями Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Н. К. Михайловского и работами некоторых зарубежных авторов. С этого времени он активно участвует в гимназических сходках, посещает разные кружки, частные квартиры, где собирались представители радикально настроенной интеллигенции. На одной из таких сходок Виктор познакомился со старым народником М. А. Натансоном и народовольцем А. В. Сазоновым, поселившимися в Саратове после ссылки⁶. С этого времени жизнь В. М. Чернова будет неразрывно связана с революционным движением.

На страницах своих воспоминаний лидер эсеров описывает свою учебу в Дерптской гимназии и Московском университете, свое возвращение в Саратов. Наиболее ценным в мемуарах Чернова является изложенный им опыт личного общения и взаимодействия с выдающимися политическими деятелями своего времени: Н. К. Михайловским, П. Н. Милюковым, М. А. Натансоном, Г. В. Плехановым, А. В. Пешехоновым, В. А. Мякотинным, Б. В. Савинковым, Е. К. Брешко-Брешковской и многими другими.

Особое внимание мемуарист уделяет истории создания и деятельности партии социалистов-революционеров: от организации первых неонароднических кружков до ликвидации партии при большевиках. Для историков неонародничества крайне важен взгляд человека, стоявшего у истоков и возглавлявшего партию эсеров, связавшего с ней значительную часть своей жизни. В. М. Чернов не обошел своим вниманием и трагическую страницу в истории партии социалистов-революционеров, связанную с предатель-

ством Е. Ф. Азефа, и преследования со стороны властей (как царских, так и советских).

Воспоминания лидера партии народных социалистов Алексея Васильевича Пешехонова (1867–1933) также представляют определенный интерес для исследователя революционного движения в России. А. В. Пешехонов родился в 1867 г. В начале своей деятельности работал народным учителем, затем земским статистиком. В 1899 г. он поселился в Петербурге и стал вести внутреннее обозрение в журнале «Русское Богатство», позже стал членом редакции. После образования Союза Освобождения (1903) был одним из его активных членов, питал симпатии к деятельности социалистов-революционеров. Летом 1906 г. стал одним из основателей партии народных социалистов, состоял членом ее комитета.

После Февральской революции 1917 г. был назначен членом исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Занимал пост министра продовольствия в правительстве А. Ф. Керенского. После прихода к власти большевиков состоял в «Союзе возрождения России», был представителем союза в Добровольческой армии. В 1922 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности Пешехонова выслали за границу. Жил в Риге, Праге, Берлине. С 1927 г. выполнял функции консультанта торгпредства СССР в Прибалтике. Умер в Риге в 1933 г.⁷

Воспоминания А. В. Пешехонова посвящены событиям Февральской революции 1917 г. Ему удалось передать атмосферу эпохи, показать изнаночную сторону революции – невозможность властей контролировать ситуацию, разгул преступности и бандитизма, неизвестность и неуверенность в завтрашнем дне. Пешехонов пишет о том, как в непростых условиях революционного Петрограда приходилось организовывать местное самоуправление, обеспечивать порядок.

Говоря о неэффективности организации власти Временным правительством, он, в частности, отмечал: «Отсутствие надлежащей связи между различными ступенями складывающейся власти сыграло <...> очень важную роль и явилось одной из причин, почему эта власть ни вверху, ни внизу не смогла утвердиться. Центральная власть при этих условиях оставалась без опоры и не могла даже проявить себя на местах. Местные власти, не получая поддержки, оказывались не в силах противостоять напавшему на них самоуправству и своеволию»⁸. Основную причину неудач Временного правительства А. В. Пешехонов видит в неспособности создать вертикаль власти, в крайне низкой скорости принятия управленческих решений, чем в итоге и воспользовались большевики.

Одной из наиболее заметных фигур в истории неонародничества является Борис Викторович Савинков (1879–1925). Его биография напоминает приключенческий роман: дворянин по происхождению, он с юности по-

святил себя революционной борьбе, руководил Боевой организацией эсеров, принимал участие в подготовке и в убийстве министра внутренних дел В. К. Плеве, великого князя Сергея Александровича, а также во многих других террористических актах.

Савинков обладал незаурядным литературным талантом: писал стихи, прозу. Его перу принадлежит ряд произведений, посвященных революционным событиям 1905–1907 гг.: роман «То, чего не было», повесть «Конь бледный». Как писатель он был достаточно широко известен среди читающей публики России под псевдонимом Ропшин.

Выданный полиции Азефом, Савинков совершил побег из тюрьмы и несколько лет провел в эмиграции. После Февральской революции вошел в состав Временного правительства в качестве управляющего военным и морским министерством при министре А. Ф. Керенском, занимал пост военного генерал-губернатора Петрограда. После Октябрьской революции вступил в открытую борьбу с советской властью. Свою жизнь Б. В. Савинков окончил в 1925 г. при невыясненных обстоятельствах в застенках ВЧК⁹.

«Воспоминания террориста» посвящены деятельности Боевой организации эсеров. В них нашли отражение события, связанные с подготовкой и убийством министра внутренних дел В. К. Плеве и генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. Б. В. Савинков участвовал в организации многих террористических актов, очень хорошо знал их исполнителей. Для историка в «Воспоминаниях террориста» наибольший интерес представляют не столько конкретные факты, которые в любом случае нуждаются в тщательной проверке, сколько личностные характеристики, данные автором воспоминаний некоторым членам Боевой организации.

Так, например, о Каляеве он пишет: «К террору он пришел своим особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву. Он не отрицал, конечно, значения мирной работы и с интересом следил за ее развитием, но террор он ставил во главу угла революции. Эсер без бомбы уже не эсер»¹⁰.

Доре Бриллиант Савинков дает следующую характеристику: «Террор для нее, как и для Каляева, окрашивался, прежде всего, той жертвой, которую приносит террорист. Вопросы программы ее не интересовали. Террор для нее олицетворял революцию, и весь мир был замкнут в боевой организации»¹¹.

В отношении Егора Сазонова мемуарист отмечает: «Революционер старого, народовольческого, крепкого закала, Сазонов не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему “не убий”»¹².

«Воспоминания террориста» – глубоко личное произведение. В нем в большей степени раскрывается внутренний мир автора, а не документальная фиксация событий. Мемуары представляют определенный интерес для специалистов в области психологии истории, социальной психологии, конфликтологии, террорологии.

Одним из выдающихся организаторов и лидеров партии социалистов-революционеров является Григорий Андреевич Гершуни (1870–1908). Выходец из мещан, не окончив гимназии из-за недостатка средств, Гершуни сдал экзамены на аптекарского ученика и в 1895 г. поступил на фармацевтические курсы Киевского университета. В 1896 г. Гершуни был впервые арестован за связь с участниками студенческого движения, но быстро освобожден. Получив профессию провизора, Гершуни работал в Москве в Институте экспериментальной медицины, а в 1898 г. переехал в Минск, где организовал лабораторию для бактериологических исследований. В это время Гершуни уже становится активным участником революционного движения: принимает участие в организации культурно-просветительской работы, устраивает мастерскую станков для подпольных типографий, создает бюро изготовления нелегальных паспортов. Вместе с Е. К. Брешко-Брешковской Гершуни организовал транспортировку нелегальной литературы из-за границы. Он был одним из создателей Боевой организации эсеров, организовал убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина, уфимского губернатора Н. М. Богдановича, покушение на харьковского губернатора И. М. Оболенского. Революционер неоднократно арестовывался, был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Умер в эмиграции в 1908 г. от саркомы¹³.

Перу Г. А. Гершуни принадлежит книга воспоминаний «Из недавнего прошлого», изданная в 1908 г. в Париже Центральным комитетом партии социалистов-революционеров. В мемуарах нашли отражение события, связанные с арестом Гершуни и следствием по делу о его принадлежности к Партии социалистов-революционеров и Боевой организации, об участии в убийстве министра Д. С. Сипягина и губернатора Н. М. Богдановича, о покушении на обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева. Для историка неонародничества определенный интерес представляет описание техники конспирации революционеров, приемы и средства жандармов, тактика следственных органов. Как и мемуары Б. В. Савинкова, они достаточно глубоко раскрывают психологию российского революционера, его этические принципы: стойко переносить тяготы подпольной жизни и тюремного заключения, не давать показаний следственным органам в отношении своих товарищей. Приговоренный к смертной казни Г. А. Гершуни так описывает свои переживания: «Тускло и уныло на душе. Давит одиночество: “на миру и смерть красна”... Да, на миру красна! Но

как сера она здесь, на задворках, вдали от всего живого! Как мучительно хочется видеть близкое лицо! Один хоть сочувственный взгляд – как он поднял бы настроение! Как завидуешь старым бойцам, имевшим счастье умирать открыто, оставляя одним любовь, другим кидая презрение! А теперь!.. Ночью выведут на двор. Палач, несколько жандармов... Задушат и бросят тут же в яму... Горькая судьба русского революционера!»¹⁴

Справедливости ради следует отметить, что, посвящая себя революционной деятельности, революционеры в большинстве своем были готовы на такие жертвы. Жертвенность выступала одним из неотъемлемых условий успешности того или иного политического акта. Она придавала деятельности революционера совершенно особый смысл, граничащий с пониманием жертвы в религиозном смысле.

Невозможно обойти вниманием воспоминания Владимира Михайловича Зензинова (1880–1953) – видного деятеля партии социалистов-революционеров. По окончании в 1899 г. московской классической гимназии В. М. Зензинов обучался в университетах Берлина, Галле и Гейдельберга. Вступил в партию социалистов-революционеров, где вскоре стал членом Центрального комитета и Боевой организации. Неоднократно подвергался арестам, ссылкам, где успешно занимался орнитологией и этнографией. Результатом стали несколько серьезных научных исследований. Бежал из мест заключения. Был избран членом Учредительного собрания, входил в Комитет членов Учредительного собрания в Самаре, ведущий вооруженную борьбу с большевиками; на Государственном совещании в Уфе, в сентябре 1918 г., был избран во Временное Всероссийское правительство. После поражения белого движения был вынужден эмигрировать. Умер Зензинов в Нью-Йорке в 1953 г.¹⁵

Книга воспоминаний В. М. Зензинова с лаконичным названием «Пережитое» была издана в Нью-Йорке в русском «Издательстве имени Чехова» в 1953 г. Автор, обладая незаурядным литературным талантом, раскрывает перед читателем всю свою насыщенную событиями жизнь. В воспоминаниях последовательно описываются детские, юношеские годы, учеба в университете, работа в партии социалистов-революционеров, многочисленные аресты, тюремное заключение, ссылки, жизнь в эмиграции. Судьба сталкивала В. М. Зензинова с большим числом людей, и многим из них нашлось место в его воспоминаниях. Яркие образные характеристики позволяют посмотреть на некоторых персонажей глазами автора воспоминаний, узнать о них многое с неожиданной для современного исследователя стороны¹⁶.

К числу выдающихся деятелей российского революционного движения принадлежит Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934). Она прошла долгий и тернистый путь от «хождения в народ» 1874 г. до членства в

Центральном комитете Партии социалистов-революционеров. Е. К. Брешко-Брешковская была активной участницей революции 1905–1907 гг. и Февральской революции 1917 г., многократно подвергалась ссылкам, тюремному заключению, приговаривалась к каторжным работам. Представитель старинного дворянского рода, ради революции она пожертвовала семьей и личным счастьем, посвятила политической борьбе свою долгую непростую жизнь. В революционных кругах ее называли «бабушкой русской революции». Е. К. Брешко-Брешковская отрицательно отнеслась к большевистскому перевороту октября 1917 г. Она приняла активное участие в деятельности Комитета Учредительного собрания в Самаре, а затем была вынуждена эмигрировать из страны и провести остаток своей жизни в Чехословакии¹⁷.

Воспоминания Е. К. Брешко-Брешковской были изданы ею незадолго до смерти в 1922 г. в Чехословакии. Затем они несколько раз переиздавались в различных русских эмигрантских издательствах. Воспоминания охватывают значительный период с 1873 по 1920 г. Брешковская пишет о том, как шел процесс складывания революционного движения в России, в деталях воспроизводит повседневный быт политических заключенных в тюрьмах и на каторгах: издевательства надзирателей, скудное питание, способы передачи писем из камеры в камеру, игру в шахматы с помощью перестукивания.

Все «прелести» быта политического заключенного Е. К. Брешко-Брешковская в полной мере ощутила на себе. Революционерка так описывает свое пребывание в киевской тюрьме в 1874 г.: «Прокуроры и жандармы, очевидно, решили склонить меня к даче показаний суровым, почти жестоким обращением. <...> Воду брали из колодца на дворе. В колодец просачивались нечистоты, и в воде кишели инфузории. Ее давали нам некипяченой. Вскоре у меня в кишках развелись паразиты, ни днем, ни ночью не дававшие мне покоя. В качестве наказания за мое молчание мне отказывали в медицинской помощи»¹⁸.

Особая ценность воспоминаний Е. К. Брешко-Брешковской состоит в том, что в ходе революционной деятельности, охватывавшей длительный период, она сталкивалась со многими видными российскими революционерами и политическими деятелями: П. А. Кропоткиным, Н. В. Чайковским, А. И. Желябовым, С. Л. Перовской, Е. Ф. Азефом, Б. В. Савинковым, Г. А. Гершуни, В. М. Черновым, А. Ф. Керенским и многими другими. Некоторые факты, излагаемые на страницах воспоминаний революционерки, позволяют по-новому взглянуть на роль и место перечисленных персонажей в политической истории России.

Воспоминания Е. К. Брешко-Брешковской можно рассматривать как своего рода политическое завещание. В предисловии, обращаясь к читателям, будущим потомкам, революционерка призывает: «Чтобы строить будущее, необходи-

мо знать прошлое. Вы должны познакомиться с характером вашего народа, с его огромными возможностями и основными недостатками. Мой долгий опыт наполняет меня уверенностью в том, что русский народ – действительно великий народ с высоко развитым чувством справедливости, который будет преданно стремиться к идеалу, даже если на этом пути его ждут трагедии»¹⁹.

Таким образом, рассмотренные нами воспоминания представляют собой весьма ценный и информативный источник, позволяющий более подробно исследовать историю революционного движения, дают возможность учитывать многие детали, не зафиксированные в официальных документах. Спустя многие годы после описываемых в мемуарах событий мы имеем возможность воссоздать атмосферу эпохи, психологию революционеров и защитников режима, их этические принципы. Это позволяет современному исследователю приблизиться к пониманию тех глубинных причин, которые привели к драматическим событиям 1905–1907 и 1917 гг. и способствовали распаду российской государственности, установлению нового политического режима.

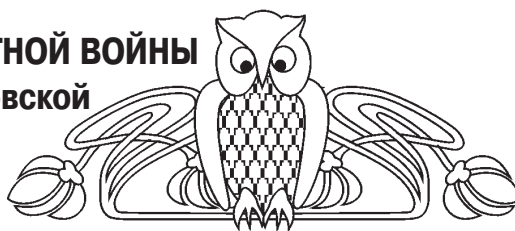
Примечания

- 1 См.: Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М. : Наука, 1989 ; *Она же*. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. М. : Наука, 1990; Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 134–153 ; Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. : К истории банкротства неонародничества. Л. : Наука, 1977; *Он же*. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л. : Наука, 1983 ; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998 ; *Гусев К. В., Ерицян Х. А.* От соглашательства к контрреволюции. М. : Мысль, 1968 ; *Гусев К. В.* Партия эсеров : От мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции М. : Мысль, 1975 ; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979 ; История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М. : Высш. шк., 1994. С. 143–193, 312–346 ; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 86–147 ; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903–1917 гг. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978 ; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 278–326, 484–507 ; *Пайтс Р.* Русская революция : в 3 ч. Ч. 2. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994 ; Политические партии России : история и современность. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000 ; *Спирин Л. М.* Россия 1917 : Из истории борьбы политических партий. М. : Мысль, 1987 ; *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999 ; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М. : Наука, 1972 и др.
- 2 См.: Политические партии России : история и современность. С. 38–59.
- 3 См.: В. М. Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии / сост., авт. биогр. очерка, библиогр. указателей и коммент. А. П. Новиков. Саратов : Аквариус, 2004. С. 6–65 ; *Аврус А. И.* В. М. Чернов // Энциклопедия Саратовского края. В очерках, событиях, фактах, именах. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 2002. С. 305 ; *Аврус А. И., Гусакова З. Е., Новиков А. Н.* Когда и где родился В. М. Чернов? // Исторический архив. 1998. № 3. С. 211–212 ; *Аврус А. И., Новиков А. Н.* Новые материалы о жизни В. М. Чернова // Исторический сборник. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 18. С. 213–215 ; *Аврус А. И., Новиков А. Н.* От Хвалынска до Тамбова : Путь в революцию В. М. Чернова // Освободительное движение в России. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. Вып. 18. С. 127–138.
- 4 *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. С. 20.
- 5 Там же. С. 39.
- 6 См.: В. М. Чернов : Человек и политик. Материалы к биографии. С. 11.
- 7 См.: Алексей Васильевич Пешехонов. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/peshehonov_av.php (дата обращения: 06.06.2012).
- 8 Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М. : Книга, 1991. С. 290.
- 9 См.: *Гусев К. В.* Рыцарь террора. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1992.
- 10 *Савинков Б. В.* Избранное. М. : Новости, 1990. С. 17.
- 11 Там же. С. 19.
- 12 Там же. С. 20.
- 13 См.: Григорий Андреевич Гершуни. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gershuni_ga.php (дата обращения: 06.06.2012).
- 14 *Гершуни Г. А.* Из недавнего прошлого. Париж : Издание Центр. комитета партии социалистов-революционеров, 1908. С. 87.
- 15 Владимир Михайлович Зензинов. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_z/zenzinov.php (дата обращения: 06.06.2012).
- 16 См.: *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953.
- 17 См.: Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/breshko_breshk.php (дата обращения: 06.06.2012).
- 18 *Брешко-Брешковская Е. К.* Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. А. А. Игоревского. М. : ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 88–89.
- 19 Там же. С. 14.

УДК 9(470) «18»

НЕИЗВЕСТНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ (военный корреспондент князь Л. В. Шаховской на балканском фронте Русско-турецкой войны 1877–1878 годов)

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматриваются корреспонденции кн. Л. В. Шаховского, который в ходе Русско-турецкой войны являлся представителем газеты «Московские ведомости». Разбираются взгляды мемуариста на причины и ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Также проводятся исторические параллели между Россией и странами Балканского полуострова.

Ключевые слова: Балканский полуостров, Действующая армия, военные корреспонденты.

Unknown Correspondent Known War (War Correspondent Book. L. Shakhovskoy on the Balkan front, the Russian-Turkish War of 1877–1878)

S. A. Kochukov

The article deals with the correspondence book. LV Shakhovskiy, who, during the Russian-Turkish war was the representative of the newspaper «Moscow News». Understand the views of the causes and memoirist course of the Russian-Turkish war of 1877–1878. Just drawing historical parallels between Russia and the Balkans.

Key words: Balkan peninsula, Current army, war correspondents.

Возникновение в середине 70-х гг. XIX в. очередного конфликта на Балканском полуострове заставило российскую печать несколько по-иному относиться к этому событию, нежели как к Крымской кампании. Если известия с театров Крымской войны приходили в центральную Россию с большим опозданием и, как правило, «из рук» иностранцев, то перед началом новой войны с Турцией русское общество вполне обоснованно требовало больше информации. С другой стороны, правящая элита России старалась влиять на общественное мнение страны через «средства массовой информации» – прессу.

В отечественной и мировой историографии события на Балканском полуострове изучены достаточно подробно, однако нет ни одной полномасштабной работы, где бы рассматривалась деятельность корреспондентов в войне 1877–1878 гг. Дореволюционные исследования были представлены лишь работой В. А. Апушкина¹, про которого говорили, что «Апушкин – лучшее, что есть среди военных»². В советское время проблема деятельности корреспондентов на фронтах кампании 1877–1878 гг. ограничилась небольшой обзорной статьей О. А. Яковлева³ и двумя диссер-

тационными исследованиями⁴. Эти работы отличаются тем, что в них рассматриваются одни и те же корреспонденты: В. И. Немирович-Данченко, Н. В. Максимов и В. В. Крестовский. Тем не менее, круг «газетчиков» на театре военных действий был достаточно широк и каждый по-своему видел «ужасы войны» и также по-своему старался представить «природу» очередного Балканского кризиса. Проблема появления корпуса военных корреспондентов в России автором данной статьи была детально рассмотрена в ряде исследований⁵.

Некоторые представители прессы в армии в 1877–1878 гг. в исследовательской литературе не рассматривались. К их числу можно с уверенностью отнести корреспондента газеты «Московские Ведомости» кн. Л. В. Шаховского.

Действительно, ни в работах В. А. Апушкина⁶, ни в известной статье О. А. Яковлева⁷ об этом «газетчике» нет ни слова. Он упоминается лишь в монографии В. А. Золотарева, который считает, что в корреспонденциях Шаховского нет ни серьезного анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений⁸. При беглом взгляде на эти материалы может сложиться такое впечатление, но известно, что наблюдения князя пользовались в России большой популярностью. Кроме того, сам корреспондент отнюдь не считал свои труды идеальными. Уже в предисловии к первому изданию своей книги он отмечал: «Предлагаемое сочинение есть сбор корреспонденций, написанных мною с театра войны в «Московские Ведомости». Пусть читатель не ищет в них ни полноты, ни точности, ни последовательного изложения военных событий, которых я был очевидцем. Это просто ряд впечатлений, записанных мною во время моего пребывания в отрядах генерала Гурко, во время его первого похода за Балканы, его деятельности под Плевной и второго похода за Балканы»⁹.

До начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. кн. Шаховской служил в Министерстве иностранных дел. По свидетельству современников, его относили в разряд либералов¹⁰. Однако его взгляды кардинально изменились после того, как он «женится по страстной любви»¹¹ на старшей дочери М. Н. Каткова. Близость с семьей Каткова оказала на кн. Шаховского серьезное влияние. Авторитет Каткова в печатной среде был чрезвычайно велик. Издатель «Московских ведомостей» проявлял значительный интерес к новому

противостоянию России с Османской империей. События на Балканском полуострове полностью «поглотили» Каткова. Его взгляды, представленные на страницах «Московских ведомостей», «... владели умами и сердцами многих. Никто лучше него не выражал то, что чувствовали мы все, а потребность в отрезвлении после ряда фальшивых нот – была очень велика»¹². М. Н. Катков увлекся балканскими проблемами настолько, что пытался основательно разобраться во всех хитросплетениях международной обстановки в Европе.

К вопросу освобождения балканских народов от власти Турции Катков впервые обратился в начале 70-х гг. XIX в., когда теория панславизма переживала второе рождение. Он подверг жесткой критике деятельность Славянского благотворительного комитета и, в частности, его лидера И. С. Аксакова. М. Н. Катков считал, что Славянские комитеты помогли балканским славянам лишь теоретически, а необходима помощь сугубо военная, силовая. Русская помощь братьям-славянам, по мнению Каткова, не имела организации, аксаковские комитеты не принимались в расчет, так как их деятельность ограничивалась лишь сбором средств, а русские добровольцы в Сербии и Болгарии слишком малочисленны, чтобы изменить сложившееся там положение. Такая ситуация, на взгляд редактора «Московских ведомостей», была следствием отсутствия ясной позиции русского правительства: «...правительство наше, оставаясь верным своим международным обязательствам, не принимало никакого участия в направлении добровольного движения русских людей на личные жертвы. Оно только не препятствовало ему, потому что никто же не мог ожидать, чтобы русское правительство, единое со своим народом, шло против лучших и святейших его стремлений»¹³.

Безусловно, близкое знакомство с Катковым ко многому обязывало. Вероятнее всего, это и явилось одной из причин появления кн. Шаховского на Дунайском фронте в 1877 г. Мемуарист и корреспондент Г. А. Де-Воллан в своих воспоминаниях отмечал, что такой человек, как Шаховской, подходил как нельзя лучше на роль проводника идей Каткова: «... Сам Лев Владимирович не был ни оратором, ни писателем, а только иногда – восторженным глашатаем какой-нибудь истины, но во всяком случае, это был в высшей степени порядочный и хороший человек»¹⁴.

Л. В. Шаховской пополнил ряды корпуса военных корреспондентов сравнительно поздно. Если в Генеральный штаб стали поступать прошения со стороны «печатной братии» об их присутствии в армии еще с весны 1876 г., то Шаховской оказался непосредственно в войсках с середины лета 1877 г. Первая его корреспонденция датируется 13 июля 1877 г., а последняя – 16 января 1878 г. Таким образом, Лев Владимирович пропустил лишь начало боевых действий и переправу через Дунай.

Штаб Действующей армии всеми силами старался взять под контроль действия русских корреспондентов. Последние могли распространять непроверенную информацию и тем самым вводить в заблуждение русское общество («если и не будут (корреспонденты. – С.К.) допущены в армию, все же найдут возможность следить за ней издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений»)¹⁵. В самом руководстве русской армии были убеждены, что пресса выполняет серьезную миссию. В частности, полковник М. А. Газенкампф, который являлся автором правил поведения военных корреспондентов в русской армии, считал: «Общественное мнение в настоящее время – такая сила, с которой нельзя не считаться, газетные же корреспонденты влиятельнейших органов печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнения, лучше стараться расположить корреспондентов в свою пользу, не ставя им таких требований, которым не согласятся подчиниться именно самые влиятельные и талантливые»¹⁶.

По сравнению с другими военными корреспондентами Шаховской был в положении заведомо в более выигрышном. Это объясняется тем, что он непосредственно находился в действующих частях, на передовой, а не при Главном штабе Действующей армии. Безусловно, у него до 1877 г. не было опыта работы в действующих частях на театре боевых действий. Но подобного опыта не было ни у кого из русских корреспондентов.

Не менее важным оказался вопрос о профессионализме будущих «летописцев» войны с Турцией. Главное, чего не хватало русским корреспондентам – это школы военного корреспондента как такового. Описательная сторона дела доминировала над анализом действий. Ряд газетчиков описывали лишь сугубо батальные сцены, за которыми не видно было людей, да и самого положения армий на Балканах или Кавказе. В результате, интерес к таким материалам был невысок. Особенно этим отличались заметки в «Летучем военным листке»¹⁷, где публиковались материалы и приказы из рассекреченных документов Действующей армии. Кроме того, на русских корреспондентов, и на Шаховского в том числе, оказало определенное влияние искаженное понимание общественным мнением самой войны. С одной стороны, эйфория в желании помочь братьям по вере и начать «...Божьей милостью войну за идею»¹⁸, а с другой – слухи об ужасах войны, которые отпугивали газетчиков.

Другим крупным недостатком являлась малая мобильность военных корреспондентов. Вместо того чтобы искать интересные факты или события и торопиться поделиться ими с читателем своих газет и журналов, отечественный корреспондент ждал, пока ему преподнесут какие-либо сведения, «а потому он воодушевляется, когда попадает на что-нибудь крупное и рисует блестящую картину, затем он погружается снова в обыденную жизнь,

жалуется, что ничего не происходит и молчит по целым неделям»¹⁹. Это объясняется отчасти тем, что представители иностранной прессы находились непосредственно на передовой, тогда как русским корреспондентам приходилось довольствоваться второй линией войск или пребыванием в тылу. Шаховской, безусловно, понимал все эти недостатки и старался непосредственно оставаться в войсках.

Больше всего внимания Шаховской уделял положению русских войск на Шипке. Действительно, описание батальных сцен превалировало в его корреспонденциях. Но обвинять корреспондента в стремлении описывать лишь подвиги русских войск, как это делал исследователь Золотарев, нельзя²⁰. В данном случае необходимо понимать, что перед Шаховским стоял обычный официальный заказ – проводить и популяризировать официальную линию русского правительства на Балканском полуострове. Кроме того, необходимо учитывать и интересы русских читателей, которым, безусловно, было наиболее интересно описание всевозможных торжественных сцен и подвигов.

Тем не менее Шаховской старался затронуть и другие моменты. Например, глава «На Шипке» сразу начинается с характеристики турецкой армии. Причем главная составляющая этого описания – жестокость османских солдат. Заметка выполнена достаточно профессионально. По всей видимости, она была рассчитана не только на гражданскую публику в России, но и на солдат русской армии: ее назначение состояло в поднятии боевого духа. Шаховской отмечал: «Свежо еще поле сражения, еще дышит оно всеми ужасами битвы; еще не прибранные тела убитых турецких солдат валяются там и сям в беспорядке, по дороге и в кустах. Но вот на одной из площадок горы открывается зрелище, от которого больно становится внутри. Турки, прежде чем покинули высоты Шипки, успели захватить в плен несколько раненных русских солдат и офицеров и зверски, дико изувечили их. В одном месте кучкой сложено 18 отрезанных голов русских воинов, и между ними голова одного полковника, начальника отряда пластунов... В другом месте лежат два-три десятка голых трупов русских же солдат и офицеров, над которыми турки совершили всевозможные жестокости... Один из этих мучеников – солдат лежит на спине с отрубленной головой, с застывшей поднятой вверх рукой и с пальцами сложенными для крестного знамения...»²¹ Такие известия с мест боев, причем описанные чрезвычайно красочно, сильные по степени эмоционального воздействия, насыщенные образами восприятия врага, по мнению Шаховского, должны были возбудить в русских воинах желание биться с турками до конца. Кроме того, это был своеобразный ответ на заявления турок, что русские солдаты ведут бесчестную войну. Министр иностранных дел Турции прямо

заявил: «Мне тяжело сообщать вам о новых подвигах возмутительного варварства, совершенных казаками на Дунае. Два селения, находящиеся в 5 часах езды от Рушука, были разграблены казаками, которые убили 30 человек мусульманских жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. В селении Бин-Пунар они отрезали по пояс юбки у женщин и девушек и изнасиловали их в присутствии родных. Все жители мужского пола взяты в плен. Наконец, в довершении ужаса, эти варвары, потерявшие всякое человеческое чувство, отрубили руки у одной женщины и в насмешку положили ее несчастного ребенка в эти окровавленные изуродованные руки...»²² На подобные заявления не стоило бы обращать внимания, если бы не позиция Запада. Уже в самом начале войны иностранные средства массовой информации старались изображать Турцию как объект агрессии, а на Россию переложить всю вину за развязывание боевых действий. Например, в газете «Неделя», со ссылкой на иностранные источники, была помещена заметка «О русских жестокостях», где красочно изображались безобразия русских солдат. Там, в частности, отмечалось: «Вся Европа говорит теперь о русских жестокостях. И градом сыплются на нас тягчайшие обвинения, в Пеште созывается митинг в 8000 чел. протестующих против русского способа ведения войны, английские и французские дипломаты в Шумле свидетельствуют факты жестокости, о них идет речь на каждом заседании английского парламента, палате представляются обстоятельные донесения о том же консулов, опровергающих в то же время рассказы о турецких зверствах. Наконец, появляется известное уже заявление двадцати иностранных корреспондентов, которое первоначально телеграф зачем-то истолковал в смысле, благоприятном для России, и которое, напротив того, оказалось торжественным подтверждением жестокостей, обнаруженных на телах убитых и раненных, осмотренных лично самими корреспондентами. И вот уже зреет мысль о своевременности дипломатического протеста против нашего образа действий, и вмешательство в войну начинает иным казаться честным делом, так как оно положит предел поруганию всего человечества»²³. Таким образом, Л. В. Шаховской принял участие в развертывании настоящей идеологической войны, в которой русской прессе была отведена весьма значительная роль.

Показательной чертой корреспонденций Шаховского является резко отрицательное отношение ко всем иностранным корреспондентам. Причинами этого, по всей видимости, явились два момента. Первое, Шаховской прекрасно понимал, что представители иностранной прессы более опытные и профессиональные в деле освещения войны. Второе, это боязнь предательства со стороны иностранцев. В восторженных тонах Шаховской описывает ситуацию с высылкой из Действующей армии английского корреспондента Бойля, который писал для газеты «Standard»:

«...его официально выслали из Главной квартиры за границу Румынии в сопровождении румынского жандарма, за то, что он, обзавшись честным словом не печатать никаких сведений, касающихся расположения наших войск²⁴, поместил тем не менее в «Standard» (от 24 августа) подробное описание русских позиций под Плевной, с указанием слабых сторон этих сторон. Многие из иностранных корреспондентов возвратились на родину»²⁵.

Вообще Шаховской достаточно часто возвращался к сюжету о шпионах. При захвате русскими частями турецкого госпиталя было обнаружено несколько французских санитаров. Уже этого было достаточно, чтобы в них он сразу же углядел представителей иностранных спецслужб²⁶.

Отличительной чертой всех без исключения корреспонденций Шаховского является большое внимание к фигуре русского солдата. И, наоборот, во всех материалах корреспондента, фактически, нет характеристик военачальников русской армии: главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича старшего, И. В. Гурко, М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова, Ф. Ф. Радецкого. Русский солдат был главным героем Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по мнению Шаховского.

Идея о том, что русские солдаты идут на Балканы выполнять святое дело, освободить братьев по вере от турецкого ига, буквально захватила Шаховского. Уже в процессе войны сформировалась официальная точка зрения, по которой русские солдаты шли выполнять свою историческую миссию «спасать братушек» от турецкого ига. Например, в одном из воспоминаний, посвященных войне, отмечено: «Кто из нас не помнит этого замечательного времени. Нет деревушки, которая не слышала бы о “добровольцах”²⁷; нет города, в котором толпы народа не провожали бы их с благословениями и пожеланиями. Помещик, мужик от сохи, отставной солдат, офицер – все потянулись на войну, где рядом с кровью братьев-сербов, лилась уже русская кровь»²⁷. В другом историческом источнике мемуарист указывает: «С какой завистью смотрели мы, бывало, когда из города отправлялись в Сербию добровольцы: мы сами были движимы этими чувствами – помочь нашему брату-болгарину и отомстить туркам за поруганный крест, за поруганную веру Христову; и вот, наконец, дождалось: и мы пойдем туда, куда стремились добровольцы!»²⁸ Из приведенных цитат может сложиться мнение, что не только в образованном русском обществе, но и в солдатской среде возобладала настроенности помощи братьям-славянам. Что касается корреспонденций Шаховского, то он давал самую возвышенную характеристику русским солдатам. В статье «Переход через Балканы» он отмечал: «Солдаты на высоте 4 тысяч футов, выбив себе траншейки в мерзлой земле, стоят лицом к лицу с суровой зимой, словно в открытом бою принимают на себя разыгравшиеся силы природы. Траншею засыпает снегом; костер из сырого дерева не горит; ноги в поизносившихся

сапогах отказываются служить; ружье вываливается из окоченевших рук... Под утро плетутся с гор в Орхание и Этрополь натерпевшиеся воины: у кого руки отмерзли, у кого нога как чужая, другого бьет нестерпимый кашель... Спросите их: “Ну, что, брат, каково тебе?” – “Ничего, ваше благородие! Холодно, больно”... Послушайте разговор у костра. Солдат объясняет столпившимся товарищам, почему царь-батюшка мира с супостатом не заключает. Кабы за что другое воевали, а то, брат, за религию воюем... Тяжело пришлось русскому человеку на Балканских горах в глухую зимнюю пору; но несет он свой крест без жалоб, понимая всю необходимость, все значение претерпеваемых лишений»²⁹.

Хотя Шаховской и не являлся членом Московского славянского благотворительного комитета, многие идеи И. С. Аксакова ему были близки. Например, он был убежденным сторонником изгнания мусульман с Балканского полуострова и всячески развивал эту мысль в своих корреспонденциях. Он замечал по этому поводу: «Настоящая война замечательна в особенности поголовным исчезновением с лица Болгарии мусульманского населения, которое бежало отовсюду, куда только приближались русские войска. Сознание ли того, что пришел конец господству мусульман на Балканском полуострове, или же чувство виновности в злодеяниях прошлого года и страх мести болгар руководили населением Турции? Но грозная судьба стряслась над Востоком в настоящую минуту, судьба, которой мы были только посторонними зрителями»³⁰.

С другой стороны, нельзя считать, что Шаховской был идиллически настроен по отношению к славянам Балканского полуострова. Если в начале своей корреспондентской деятельности он рассматривал болгар как несчастные жертвы³¹, то уже в конце кампании 1878 г. вынужден был констатировать: «Мы видим по временам болгар шныряющих между разломанными телегами. Болгары роются в брошенном турецком имуществе, выбирают себе годные куски; тащат одеяла, посуду, одежды и навьючивают этим добром волов и лошадей... Минутами нас смущает эта картина. Мы подъезжаем к болгарам с угрозой, приказываем бросить награбленные вещи. Но болгарин, всегда застенчивый и пугливый, обнаруживает внезапно энергию, уверенность. “То мое!” отвечает он твердо...»³²

Но в целом корреспонденту Шаховскому было свойственно приукрашивание событий. Особенно это показательно в описаниях заключительного этапа войны. В частности, парад русских войск в Адрианополе был описан Шаховским чрезвычайно восторженно: «В воздухе стоит целый хор оглушающих звуков ура, барабанный бой и музыка сопровождают великого князя всю дорогу до города. У входа в город воздвигнута триумфальная арка из мирта и лавра; на ее верху окаймленный лавровым венком портрет государя

императора. Развиваются хоругви; блестят иконы и кресты, ризы духовенства. Звучит церковное пение»³³. Однако многие современники были более скупы на эмоции в описаниях заключительного этапа войны. Совершенно спокойно о мире с Турцией пишет в своих воспоминаниях будущий герой Первой мировой войны А. А. Брусилов: «Мы читали... о быстром продвижении наших войск к Адрианополю, который и был взят без боя, о приближении нашего авангарда к Сан-Стефано. Вообще было ясно, что война кончается»³⁴. Об определенной опустошенности участников войны пишет в своих воспоминаниях князь Мещерский, у него даже чувствуются нотки разочарования в победителях: «...я жаждал рассказов о боевых подвигах; но вскоре понял, что состояние духа, в котором были наши вчерашние герои-богатыри, мешало им увлекаться и жить свежими впечатлениями прошлого: они были именно в состоянии какого-то полусна или оцепенения, без энергии для жизни и даже для рассказов»³⁵.

Как бы то ни было, корреспонденции кн. Л. В. Шаховского были чрезвычайно интересны русскому обществу, в результате чего вышли отдельной книгой двумя изданиями.

Примечания

- 1 См.: *Апушкин В. А.* Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7–8, 10–12; 1903. № 1–6.
- 2 URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Апушкин,_Владимир_Александрович (дата обращения: 10.12.2012).
- 3 См.: *Яковлев О. А.* Военные корреспонденты в русской армии во время русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1978. Вып. 2, № 8.
- 4 См.: *Болотова Н. В.* Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999 ; *Яковлев В. А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- 5 См.: *Кочуков С. А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012 ; *Он же.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов, 2011 ; *Он же.* К вопросу формирования корпуса военных корреспондентов в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. Саратов, 2011. Вып. 2, ч. 1. С. 64–72 ; *Он же.* Г. К. Градовский военный корреспондент Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Проблемы истории российской цивилизации : сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 88–95 ; *Он же.* Историк Д. И. Иловайский о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Россия и мир : панорама исторического развития : сб. науч. статей, посвящ. 70-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та. им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 57–64 ; *Он же.* Материалы российских и западно-европейских корреспондентов как источник по истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Россия и Запад. Исследования и методы их изучения. М., 2008. С. 71–75 ; *Он же.* Участие русских женщин в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (по материалам Х. Д. Алчевской и А. В. Каировой) // Проблемы истории российской цивилизации : сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 6. С. 49–60 ; *Он же.* Формирование облика русского военного корреспондента в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Проблемы истории российской цивилизации : сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 14–26.
- 6 См.: *Апушкин В. А.* Указ. соч.
- 7 См.: *Яковлев О. А.* Указ. соч.
- 8 См.: *Золотарев В. А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 197.
- 9 *Шаховской Л. В.* С театра войны (1877–78). Два похода за Балканы. М., 1878. С. 1.
- 10 См.: *Уманец С. И.* Мозаика // Ист. вестник. 1912. Т. 130, № 12. С. 1035.
- 11 Там же.
- 12 Мемуары графа С. Д. Шереметева : в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 291.
- 13 *Катков М. Н.* Собрание сочинений. Русский консерватизм. Государственная публицистика. Деятели России : в 6 т. СПб., 2011. Т. 2. С. 388; *Он же.* Империя и крамола. М., 2007. С. 207.
- 14 *Де-Воллан Г. А.* Очерки прошлого // Русская старина. 1916. Т. 165, № 3. С. 516–517.
- 15 *Апушкин В. А.* Указ. соч. С. 199.
- 16 *Газенкамф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 6.
- 17 См.: Летучий военный листок. 1877. № 1–72; 1878. № 73–77.
- 18 *Мещерский В. П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.
- 19 Новое время. 1877. № 481. С. 1.
- 20 См.: *Золотарев В. А.* Указ. соч. С. 197.
- 21 *Шаховской Л. В.* Указ. соч. С. 23–24.
- 22 Правительственный вестник. 1877. № 151. С. 3.
- 23 Неделя. 1877. № 30. С. 984.
- 24 Были разработаны специальные рекомендации, адресованные будущим корреспондентам. Они состояли из четырех пунктов: а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии; б) доставлять лицу, на которое будет возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все номера газет, в которых они будут напечатаны; в) о каждой перемене своего местопребывания доносить записками в штаб армии; г) иметь на левом рукаве особый наружный знак, крупную бляху из листовой меди с орлом, номером, надписью «корреспондент» и с печатью полевого комендантского управления армии, а также иметь всегда при себе фотографический портрет, на оборотной стороне которого, за печатью того же комендантского управления, должно было быть удостоверение личности корреспондента (*Апушкин В. А.* Указ. соч. С. 199–200).
- 25 *Шаховской Л. В.* Указ. соч. С. 71.
- 26 Там же. С. 126.
- 27 Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 4.

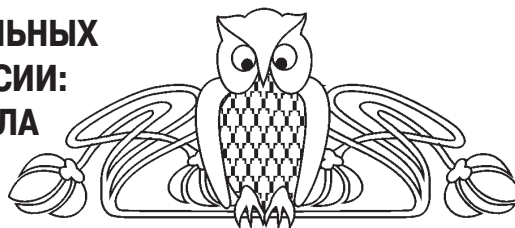

- ²⁸ Гуськов С. Походы и действия 70-го пехотного Рязжского полка в войну 1877–1878 гг. (воспоминания вольноопределяющегося). Люблин, 1909. С. 2.
- ²⁹ Шаховской Л. В. Указ. соч. С. 224–225.
- ³⁰ Там же. С. 302.
- ³¹ Там же. С. 19–21.
- ³² Там же. С. 306.
- ³³ Там же. С. 310.
- ³⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 31.
- ³⁵ Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 401. Война с Турцией вырвала многих офицеров из привычного состояния, в результате чего многие не сумели при-

способиться к новым жизненным реалиям: «Как вчера помню (слова В. П. Мещерского. – С.К.), сильное впечатление, которое на меня произвела картина одного из многих действий этой атмосферы на молодого офицера, еще недавно давшего своему имени ореол героизма. Я принялся его искать в Сан-Стефано между офицерами, чтобы его увидеть, ему поклониться, его послушать. И вот нахожу его жилище, стучусь в дверь, денщик открывает, впускает меня в комнату, и я застаю моего героя у окна с видом на море, с глазами, устремленными в даль, и с неизбежно содовой водой с коньяком под руками на столике» (Мещерский В. П. Воспоминания. С. 401).

УДК 94(47).083.4

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: ПЕРВАЯ ФАЗА КОНСТИТУЦИОННОГО ЦИКЛА (декабрь 1904 года – август 1905 года)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье предпринята попытка исследования проблемы институционализации представительных органов Российской империи в процессе демократической трансформации общества в начале XX в. в контексте парадигмы конституционных циклов.

Ключевые слова: представительные органы власти, Государственная дума, конституционные циклы, Российская империя.

On the Establishment Representative Bodies of the Power of Imperial Russia: the First Phase of the Constitutional Cycle (December, 1904 – August, 1905)

Yu. V. Varfolomeev

In article attempt of research of a problem of an institutionalizing of representative bodies of the Russian Empire in the course of democratic transformation of a society at the beginning XX-th century in a context of a paradigm of the constitutional cycles.

Key words: power representative bodies, State Duma, constitutional cycles, Russian Empire.

Правление Николая II явилось заключительным этапом драматичных и противоречивых взаимоотношений власти и общества на закате императорской России, продемонстрировавшим модели их политического взаимодействия и отобразившим традиционные и революционные представления о месте и роли правящего класса, народа, общества, партий и парламента. В связи с тем что в течение нескольких столетий государство формировалось и функционировало под самодержавной властью русских царей, общество только следовало за ней, подчиняясь ее велениям и проявляя крайне незначительную самостоятель-

ность. При этом либеральные стремления, как правило, исходили сверху и плохо укоренялись в общественных нравах¹. С другой стороны, после отмены крепостного права социальная опора монархии стала сокращаться, так как «первою опорой престола всегда было дворянство, а не крестьянство»², – отмечал Б. Н. Чичерин. Этот процесс еще более усилился в начале XX в. с нарастанием либеральных и революционных настроений в стране.

Решающую роль в развитии Российского государства и формировании институтов демократии сыграло то, что в её истории не было высоких Средних веков, когда в западноевропейских государствах возникали и развивались парламента, муниципалитеты, университеты, независимые суды, т. е. самостоятельные интегральные правовые институты, послужившие основанием для формирования гражданского общества. В до-реформенном государственном строе России полностью отсутствовали элементы конституционной системы, которые возникли и развивались в государствах континентальной Европы и США, начиная с конца XVIII и весь XIX век. «Конституционализм как система постоянных правовых ограничений государственной власти России был неведом, – отмечает И. А. Кравец. – Юридически и фактически отсутствовали политические права и свободы, ибо не было конституции и общенационального представительного учреждения – парламента»³. Все это свидетельствовало о том, что Россия принадлежала к той категории государств, которые современные ученые называют «вотчинные» (*patrimonial*). Политическая власть в таких странах позиционируется и осуществляется как продолжение права собственности, и правитель

(или правители) является одновременно и сувереном государства и его собственником⁴.

Восшествие на престол последнего русского царя пробудило в широких слоях общества надежды на кардинальные перемены и смену политического курса Александра III. От нового императора, по словам В. А. Маклакова, ожидали «прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе»⁵. Однако молодой царь, вопреки ожиданиям российского общества, в речи перед депутациями от дворянства, земств и городов 17 января 1895 г. назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды на участие представителей земств в делах внутреннего управления, допустив при этом примечательную оговорку. В тексте речи, подготовленной для него К. П. Победоносцевым, говорилось не о «бессмысленности», а о «беспочвенности» подобных мечтаний. Невольной, но знаковой оговоркой Николай II как бы ставил точку в реализации проектов народного представительства, рожденных уходящим столетием.

Между тем, формулируя главную цель для России в новом веке, известный правовед и общественный деятель Б. Н. Чичерин, писал: «Россия должна пробудить в себе подъем народного духа, а это возможно сделать только полной переменой всей внутренней политики. Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе. <...> Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть изменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической. Рано или поздно, тем или другим путем это совершится, но это непременно будет, ибо это лежит на необходимости вещей. Сила событий неотразимо приведет к этому исходу. В этом состоит задача двадцатого столетия»⁶.

Необходимость перехода от абсолютизма (самодержавия) к правовому государству в России стала осознаваться еще в XVIII и особенно в XIX в., что нашло отражение в проектах политических и конституционных преобразований. При этом «Эволюция государственного строя России в XIX веке в значительной мере подготовила условия для введения конституционного строя, — считает И. А. Кравец. — Дальнейшее развитие российского государства по пути к конституционному строю во многом предопределялось способностью воспринять элементы монархической конституционной системы»⁷. На протяжении XIX столетия при участии монархов было подготовлено и обсуждалось несколько проектов введения в России народного представительства⁸, но, фактически, эта проблема была однозначно

поставлена и решена лишь на переломном этапе Первой русской революции.

В истории России Новейшего времени, по мнению А. Н. Медушевского, можно выделить три больших конституционных цикла⁹, которые «гораздо более информативны для раскрытия содержательных, качественных параметров конституционализма, — считает ученый. — Большой конституционный цикл может охватывать различный период времени, но непременно включает три основные фазы (некоторые из них могут быть только обозначены, в то время как другие получают гипертрофированное выражение)»¹⁰. Первый из российских больших циклов в XX в. связан с конституционной революцией 1905–1907 гг. и включает следующие фазы: «переход от абсолютизма к монархическому конституционализму (представлен движением от первых конституционных проектов до октроированного Манифеста 17 октября 1905 г.) и от него к режиму мнимого конституционализма (получившего противоречивое правовое выражение в Основных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г. и последующем законодательстве)»¹¹.

Несмотря на общую преемственность основных законодательных актов, в конституционной политике монархии этого времени, действительно, прослеживаются три основные фазы. Первая из них представляет собой начальную стадию разработки нового основного законодательства. На этом этапе власть стремилась сохранить в неизменном виде существовавший политический режим (самодержавие), придав ему новое правовое оформление. Общая концепция отношений народного представительства и монархической власти вполне укладывалась в ту традиционную схему, которая была намечена еще в проектах так называемого правительственного конституционализма XIX в., суть которых состояла в дополнении самодержавия совещательными учреждениями представительного или квазипредставительного характера.

Начало процесса реформ, или «конституционной революции», по мнению большинства исследователей, следует отсчитывать с 12 декабря 1904 г., когда Николай II подписал указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»¹². В основу царского указа была положена либеральная программа, разработанная земским съездом¹³. Причем Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин обращают внимание на то, что при его подготовке были использованы многие не осуществленные в прошлом реформаторские проекты Н. Х. Бунге и М. Т. Лорис-Меликова, а также проект преобразования Сената с целью превращения его в оплот законности в империи, выдвинутый Д. Н. Замятниным в 60-х гг. XIX в.¹⁴ В указе были обещаны следующие кардинальные меры: устранение сословной обособленности крестьян, обеспечение законности управления, увеличение самостоятельности земского и городского

самоуправления, увеличение независимости суда, государственное страхование рабочих, пересмотр положения об усиленной и чрезвычайной охране, расширение религиозной свободы, пересмотр законов об инородцах, устранение излишних стеснений печати.

Несмотря на то что указ только обозначил контуры реформы и продекларировал ее необходимость, передовая общественность живо откликнулась на долгожданные и насущные нововведения. В еженедельнике «Право» указ был образно назван «...обвинительным актом, направленным против традиционной системы бюрократического управления, приведшей Россию к самому краю пропасти»¹⁵. Значение указа трудно переоценить – ведь им заканчивалась старая эпоха государственного управления и предуготовлялась новая. Таким образом, первым этапом реформ государственного управления в России следует считать период с 12 декабря 1904 г. (Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка») по август 1905 г. (Законы 6 августа 1905 г.).

Подготовка законопроектов по «усовершенствованию государственного порядка» возлагалась на Комитет министров под председательством С. Ю. Витте, который без излишней скромности, хотя и справедливо оценил себя «объективным экспертом либерального толка»¹⁶, заявив царю, что он, как составитель проекта указа, считает введение представительства своевременным, но обратил внимание самодержца на то, что это – первый шаг к «представительному образу правления», т. е. к конституции, и если царь готов на это со временем пойти, тогда пункт о представительстве должен остаться, если же нет – его следует вычеркнуть. Поблагодарив премьер-министра, Николай II заявил, что никогда на «представительный образ правления» не согласится¹⁷. Поэтому пункт о представительстве не попал в указ 12 декабря. Однако Р. Ш. Ганелин считает, что действительная роль Витте была несколько иной, так как он сам предложил монарху исключить этот пункт и тем самым сыграл решающую роль в окончательно утвержденной редакции¹⁸. Отсутствие пункта о представительстве в опубликованном указе вызвало возмущение в рядах земской оппозиции и подорвало доверие к Витте: «надо считать Витте виновным в том, что пропала возможность соглашения между государственной властью и земским либерализмом»¹⁹, – сформулировал обвинения в адрес премьера В. В. Леонтович.

В ходе первой конституционной революции 1905 г. возникло два основных конституционных проекта. Ведущая либеральная организация России – «Союз освобождения» – уже в самом начале революции выступила с проектом конституции²⁰. В качестве компромисса радикальных и умеренных взглядов в июле 1905 г. возник новый документ – проект С. А. Муромцева²¹, который стал теоретической и практической основой

последующего конституционного движения в России. Общий вектор процесса определялся как переход от абсолютизма к дуалистической конституционной монархии. При этом важнейшим инструментом политических реформ и условием перехода к правовому государству признавалась Государственная дума и установление ее контроля над правительством, что получило свое выражение в формуле «ответственное министерство».

Данная программа стала отправной точкой конституционных преобразований и оказала определенное влияние на основное законодательство периода т.н. Первой русской революции²². Следовательно, «Первая стадия цикла, которую следует принять за его отправную точку, есть ситуация изначальной стабильности традиционной системы (поскольку она находится в состоянии равновесия), – отмечает А. Н. Медушевский. – Конституционная система воспринимается как справедливая (легитимная), законная (в смысле соответствия позитивному праву) и эффективная (в смысле быстрого и четкого разрешения конфликтов). Иначе говоря, нет разрыва между естественно-правовым, нормативным и институциональным компонентами данной системы»²³.

В то же время уже на этапе подготовки реформы наметился конфликт между властью и либеральной оппозицией, так как предстояло ответить на главный вопрос: кем будет осуществлена реформа? «Российская бюрократия как самостоятельное социальное явление являлась основным проводником политики великих реформ Александра II и контрреформ Александра III, – отмечает И. А. Кравец. – В большинстве своем её представители, занимавшие должности на высшем уровне гражданской службы, социализировались в духе верности традиционным основам полицейского государства»²⁴. Тем не менее реформы XIX в. стали возможны благодаря появлению в российском чиновничестве талантливых и либерально настроенных бюрократов²⁵. Наряду с этим П. А. Зайончковский, изучивший социальную динамику чиновничества царской России, пришел к выводу, что процесс либерализации бюрократии затронул не только столицы, но и в ограниченном размере перекинулся в провинцию²⁶.

Но эти моменты были скорее исключением из правила, поэтому оппозиция небезосновательно считала, что «забронзовевшая» русская бюрократия, в основной своей массе, не в состоянии решить сложные и ответственные задачи и собственными силами справиться с тяжестью предстоящих реформ, несмотря на наличие в её рядах немалого количества способных и талантливых работников. В связи с этим земцы, например, считали необходимым привлечение к законодательной работе т.н. «общественного элемента», с которым и связывался успех намеченных преобразований. «Между нами не было никого, кто бы возлагал какие-либо надежды на указ 12 декабря и на реформаторские склонности и таланты председателя комитета

министров Витте и его сотрудников, между которыми не было ни одного лица, способного оторваться от бюрократических интересов и стать на широкую точку зрения коренной реформы, которая заменила бы самодержавное управление конституционным, при участии народного представительства, обладающего как законодательной, так и исполнительной властью»²⁷, – точно и жестко сформулировал позицию либеральной оппозиции И. И. Петрункевич. С ним солидаризовался, как ни странно, и голос из радикального лагеря, принадлежавший Льву Троцкому: «... между тем бюрократия-преобразовательница обнаруживает на каждом шагу свою полную беспомощность перед напором этих западных идей, заигрывает с ними и, так или иначе, сообразует с ними каждый свой шаг»²⁸.

Решение создать представительный орган совещательного характера было принято 18 февраля 1905 г., когда Николай II издал рескрипт предписывавший создание «особого совещания» под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина, на которого возлагалась обязанность для осуществления воли монарха «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»²⁹. Между тем, радикальная оппозиция, недовольно брюзжа, расценила меры, предпринятые властями, как «частичное отступление». «Кабинет гофмейстера Булыгина был не алхимической лабораторией, где творятся по свободному почину “самобытные” формы государственности, – ернически измышлял велеречивый лидер эсдеков Л. Д. Троцкий, – он был штаб-квартирой, где вожди правительственной реакции обсуждали план кампании, совещались о порядке частичного отступления с наименьшими жертвами и сохранением престижа»³⁰.

В рескрипте указывалось на «всю сложность и трудность проведения сего преобразования в жизнь при неперемennom условии сохранения незыблемости основных законов империи (самодержавия. – Ю. В.)»³¹, и с этого момента в МВД под руководством Булыгина началась подготовка соответствующих актов. 23 мая 1905 г. выработанные булыгинской комиссией «Соображения»³² поступили на рассмотрение совещания при Совете министров³³ у графа Д. М. Сольского³⁴, где с 26 мая по 28 июня проходило их обсуждение.

По итогам работы Совет министров выработал «Меморию по делу о порядке осуществления высочайших предубаждений, вознесенных в рескрипте 18 февраля 1905 г.»³⁵ и новую редакцию проекта учреждения Государственной думы³⁶. Затем по настоянию графа Сольского и под давлением либеральной общественности император согласился ускорить принятие проектов. Окончательно законопроекты были выработаны после обсуждения на специальном совещании, заседавшем в Новом Петергофе, в

резиденции царя в июле 1905 года³⁷. В этом совещании участвовали 5 великих князей и крупнейшие сановники империи: члены Государственного совета, Сената, Совета министров, обер-прокурор Синода, а также известный криминалист проф. Н. С. Таганцев и выдающийся историк В. О. Ключевский³⁸.

В окончательном виде Государственная дума как законосовещательное представительство получила правовое оформление в «виде образования при Государственном совете или наряду с ним особого, состоящего из избранных от населения лиц, законосовещательного учреждения, на предварительное обсуждение которого передавались бы законодательные предположения ведомств, восходящие через Государственный совет к Верховной власти императора»³⁹, и получила в дальнейшем название «булыгинская Дума». Таким образом, в проекте была подтверждена традиция доминирования в структуре органов правотворчества и управления восходящей линии власти к императору, т. е., по сути, воспроизводилась завуалированная парадигма самодержавной власти, и обосновывалась она тем, что «идея властного участия народа в делах верховного управления» чужда русскому народу, подавляющая масса которого проникнута верностью царю как «носителю всей полноты государственной власти»⁴⁰.

Сотрудник министерства внутренних дел С. Е. Крыжановский, будучи непосредственным составителем положения о выборной законосовещательной палате, отмечал, что «старался связаться с традицией и по возможности избежать упрека в копировании непригодных для России западных образцов»⁴¹, поэтому он и взял за образец проект учреждения Государственной думы, составленный почти сто лет тому назад М. М. Сперанским⁴². Очень точную и разностороннюю характеристику этому, фактически, «отцу русского парламента» дал известный царский сановник В. Ф. Джунковский: «... С. Е. Крыжановский, весьма талантливый, умный, бывший в то время товарищем министра внутренних дел и правой рукой Столыпина. <...> К сожалению, Крыжановский, будучи по уму на голову выше Столыпина, по нравственным своим качествам стоял неизмеримо ниже. Он пользовался часто некрасивыми приемами, компрометировавшими Столыпина»⁴³.

В «Соображениях» были также озвучены обоснования к реформированию Государственного совета в качестве второй законосовещательной палаты. «Наличность двух законосовещательных учреждений, – А. Г. Булыгин считал, – особенно полезною», так как они будут оказывать «одно на другое сдерживающее влияние и обеспечат всесторонность, обдуманность и спокойствие обсуждения законодательных предположений». В целом компетенцию Думы предполагалось определить по аналогии с законосовещательными функциями Государственного совета⁴⁴.

Совет министров, обсуждая булыгинский проект народного представительства, счел его отвечающим интересам «времени, переживаемого ныне Россией», и было признано, что он, обеспечивая совещательный характер представительства, способствует «охранению незыблемости Основных Законов»⁴⁵, другими словами, самодержавия. Правда, при обсуждении проекта в Совете министров в него были внесены изменения, в частности, предложение о назначении председателя Думы царем было единогласно отвергнуто как «знак недоверия» к Думе, который может возбудить «рознь» между ней и правительством. Таким образом, проект булыгинской Думы носил характер ограниченного реформаторства. К тому же рожденный в муках «булыгинский закон, которым его противники пугали, а сторонники прельщали царя, был безнадежно запоздалым», – считает Р. Ш. Ганелин, – так как. «требования широких оппозиционных кругов, претерпевая процесс значительной радикализации, давно и далеко оставили за собой ту меру уступок, которая была предметом»⁴⁶ спора на совещаниях в Петергофе и после него. «Вместе с тем, остается неопровержимым фактом, что именно проект Булыгина, впервые поставив под сомнение самодержавный образ правления в правовую плоскость, во многом предопределил направление и ход дальнейших реформ»⁴⁷, – справедливо отмечает И. А. Кравец.

Завершением первого этапа конституционной реформы, или «революции», как обозначает эти преобразования А. Н. Медушевский, стали правовые акты от 6 августа 1905 г.:

– Высочайший манифест об учреждении Государственной думы;

– статут об Учреждении Государственной думы;

– Положение о выборах в Государственную думу⁴⁸.

«Манифестом 6 августа 1905 года, – отмечал известный правовед сенатор Н. С. Таганцев, – закончился первый акт творения конституционной жизни России. <...> С этого момента начался новый фазис жизни России, причем сама эта жизнь как бы раздвоилась. Жизнь верхов, или верховной бюрократии, пошла по пути административно-законодательного творчества, а жизнь – так сказать – низов России, относя, однако, сюда и всю середину, т. е. общественную интеллигенцию, пошла по линии расширения запросов, ожидаемых и требуемых реформ и углубления беспорядков, волнений и забастовок всякого рода»⁴⁹.

Огромное политико-правовое и непреходящее историческое значение этой реформы, по мнению ведущих государствоведов Российской империи, таких как В. М. Гессен, М. Б. Горенберг, Н. И. Кареев, С. А. Котляревский, Н. И. Лазаревский, Л. В. Шалланд, заключалось в том, что «введя в область верховного управления наряду с единодержавием власть, опирающуюся на народное избрание, она тем самым <...> пробрала

брешь в крепости, еще так недавно казавшейся неприступной...», и в качестве вывода ученые-правоведы констатировали: «по закону 6 августа Россия получила народное представительство»⁵⁰.

По распоряжению Николая II на Особое совещание под председательством Д. М. Сольского возлагалась также разработка правил о применении учреждения Думы и положения о выборах в нее. Работа этого совещания проходила по трем группам: «первая, которая и началась 19 августа <...> была посвящена рассмотрению предположений М. В. Д. (министра внутренних дел) Булыгина о введении в действие и применении учреждения Государственной Думы и положения о выборах, – вспоминал участник совещания сенатор Н. С. Таганцев; – вторая имела в виду распространение учреждения Думы на окраины – Польшу, Сибирь и Кавказ, а третья была посвящена выработке закона об объединении правительственной деятельности»⁵¹. Весьма полемичным при обсуждении оказался вопрос о руководстве выборами. А. Г. Булыгин, например, возражал, чтобы эта функция была возложена на его ведомство, и предлагал создать для этого специальный межведомственный комитет, но совещание, не прислушавшись к его разумным доводам, вменило это в обязанность Министерству внутренних дел.

Но, пожалуй, самое важное решение, которое было принято на совещании, касалось выработки проекта объединения деятельности отдельных министерств, что, по сути, явилось вторым важным шагом в реформировании государственного строя России. По свидетельству В. Н. Коковцова, инициатива этого проекта принадлежала графу С. Ю. Витте⁵². В то же время необходимость координации деятельности отдельных министерств признавал и сам Николай II⁵³, поэтому император поручил графу Сольскому в спешном порядке выработать проект правил о таком объединении и представить на его утверждение. Словосочетание «кабинет министров», употребленное в одной из записок товарищем государственного секретаря П. А. Харитоновым, после 7 сентября 1905 г. распространилось в бюрократическом мире реформаторов.

В идее объединения и усиления координации деятельности отдельных министерств советские историки увидели, с одной стороны, «стремление избежать разрыва с буржуазно-оппозиционными кругами, требования которых подвергались известной радикализации под непосредственным воздействием революционного подъема масс», а с другой стороны, как отмечает Р. Ш. Ганелин, обусловленные этим подъемом «тенденции со стороны консервативной части либеральных кругов к политическому компромиссу с самодержавием»⁵⁴. Между тем, не отрицая ни той ни другой уже отмеченной стороны этого процесса, следует, прежде всего, подчеркнуть его более важные аспекты – назревшую необходимость подобной

реорганизации и безусловную целесообразность создания «кабинета министров». Современный исследователь И. А. Кравец справедливо пишет: «...нельзя не видеть, что плодотворность деятельности Совета министров в условиях создания органа народного представительства зависела от объединения и консолидации усилий министров под руководством одного из них, формирования самостоятельного правительственного органа по отношению к создаваемой Государственной думе»⁵⁵.

По итогам работы Особого совещания под председательством Д. М. Сольского была разработана «Мемория Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил 19, 20 и 25 августа 1905 года». Несмотря на то что законы 6 августа на практике никогда не применялись, нельзя не отметить их историческое значение. В дальнейшем они, несомненно, облегчили императорской власти переход к конституции. По существу, как указывает В. В. Леонтович, ими были решены две проблемы: «создание народного представительства как постоянного учреждения и предоставление этому представительству права отклонять законопроекты и таким образом не позволять им приобретать исполнительную силу»⁵⁶. Реализация актов 6 августа 1905 г. должна была привести к признанию существования и деятельности политических партий, а также основных политических свобод, которые необходимы для проведения выборов народных представителей.

В заключение следует отметить, что основные документы, которые институционализировали так называемую булыгинскую Думу, несомненно, содержали «характерные черты квазиконституционной организации власти»⁵⁷, и хотя либерально-земской общественности на первом этапе реформ и не удалось поколебать неприятие императором и его ближайшим окружением идеи представительных органов власти, тем не менее, они по-прежнему придерживались легитимных средств в процессе демократической трансформации Российского государства. Один из лидеров этого движения, П. Н. Милюков, оценивая политическое значение закона 6 августа 1905 г. и его перспективы, уверенно констатировал: «перейден тот Рубикон, перед которым на полвека остановилась русская политическая борьба»⁵⁸.

Примечания

- 1 См.: *Чичерин Б. Н.* Россия накануне двадцатого столетия. 3-е изд. Берлин, 1901. С. 3.
- 2 *Чичерин Б. Н.* Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 62.
- 3 *Кравец И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. Новосибирск, 2006. С. 52.

- 4 См.: *Гессен В. М.* Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 3—15 ; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- 5 *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 131. Одним из пунктов этой т.н. «либеральной программы» являлась идея народного представительства.
- 6 Цит. по: От абсолютизма к демократии : Политическая жизнь капиталистической России (1861 – февраль 1917). Екатеринбург, 1991. С. 64.
- 7 *Кравец И. А.* Указ. соч. С. 53.
- 8 См.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М. ; Л., 1961 ; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы : Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989 ; *Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1990 ; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964 ; *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 145–51 ; *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978 ; *Щеголев П.* Из конституционных веяний 1879–1881 г. // Былое. 1906. № 12. С. 263–270 ; *Дневник государственного секретаря А.А. Половцова* : в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 161–64.
- 9 Малые конституционные циклы «вписываются в так называемый «закон маятника», представленный в российском контексте чередованием реформ и контрреформ на пути модернизации. Малые циклы отражают скорее формы саморегуляции политической системы, которые могут иметь внешнее сходство при различном качественном наполнении. (Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 276).
- 10 *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 276–277.
- 11 Там же. С. 277.
- 12 Собрание узаконений. 14 декабря 1904 г. № 189. Ст. 1916.
- 13 См.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 395.
- 14 См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р. Ш.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 годы // История СССР. 1991. № 2. С. 98.
- 15 Предстоящие реформы // Право. 1905. № 1. Стб. 2.
- 16 *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 334.
- 17 Там же. С. 335.
- 18 См.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 38.
- 19 *Леонтович В. В.* Указ. соч. С. 388.
- 20 Данный документ может рассматриваться как программа всего движения. Проект Основного закона был разработан двумя подразделениями Союза – Петербургским и Московским – в конце октября 1904 г. в связи с подготовкой к первому съезду земских деятелей. Он оказался в центре политической дискуссии на первом (ноябрь 1904 г.) и особенно на втором (апрель 1905 г.) общеземских съездах.
- 21 Конституционная модель С.А. Муромцева и Ф.Ф. Кошкина, положенная в основу проекта, была призвана не столько заменить существующие законы другими, сколько постепенно наполнить их новым содержанием.
- 22 См.: Российские либералы / под ред. Б. Итенберга и В. Шелохаева. М., 2001.

- ²³ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 455.
- ²⁴ Кравец И. А. Указ. соч. С. 52.
- ²⁵ К ним относятся братья либеральные министры и чиновники: Н. А. и Д. А. Милютины, А. В. Головин, В. А. Татаринов, «Отцы Судебной реформы» – С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, и др.
- ²⁶ См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 190.
- ²⁷ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции : в 22 т. М., 1993. Т. 21–22. С. 369.
- ²⁸ Троицкий Л. Сочинения : в 12 т. М. ; Л., 1925. Т. 2, ч. 1. С. 143.
- ²⁹ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 22–23.
- ³⁰ Троицкий Л. Указ. соч. С. 143.
- ³¹ Одновременно был издан указ, которым всем русским людям и организациям предоставлялось право «сообщать Государю свои предположения о желательных реформах государственного строя». Указ возложил на Совет министров «рассмотрение и обсуждение поступающих на имя Государя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Там же.
- ³² См.: Соображения министра внутренних дел о порядке осуществления Высочайших Его Императорского Величества преуказаний, возведенных в Рескрипте от 18 февраля 1905 года // Материалы по учреждению Государственной Думы. 1905 г. СПб., б. г. С. 62.
- ³³ См.: Ганелин Р. Ш. «Совещание при Совете министров» 24 мая 1905 г. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987. С. 127–142.
- ³⁴ В начале своей деятельности (1870–80-е гг.) Д. М. Сольский был сподвижником М. Т. Лорис-Меликова и поддерживал его реформы, в том числе идею создания совещательного народного представительства. Таким образом, спустя 25 лет, он, приняв участие в подготовке правовых актов об учреждении Государственной думы, завершил начатое еще в эпоху Александра II дело государственного преобразования.
- ³⁵ Мемория Совета Министров по делу о порядке осуществления высочайших преуказаний, возведенных в рескрипте 18 февраля 1905 г. // Материалы по учреждению Государственной Думы. 1905 г. СПб., б. г. С. 4.
- ³⁶ См.: Материалы по учреждению Государственной Думы. 1905 г. СПб., б. г.
- ³⁷ Протоколы заседаний совещания, под личным Его Императорского Величества председательством, для обсуждения предначертаний, указанных в Высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 г., 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г. СПб., б. г. С. 5–7.
- ³⁸ Подробно см.: Гальперин Г. Б. К вопросу об истории возникновения Государственной думы (Булыгинской думы) // Учен. зап. Ленингр. юрид. ин-та. 1939. Вып. 1. С. 44 и сл.
- ³⁹ Соображения министра внутренних дел... С. 71.
- ⁴⁰ Там же. С. 77–78.
- ⁴¹ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 131.
- ⁴² См.: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 1905. В этом плане предусматривалось и создание Государственной думы.
- ⁴³ Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 59.
- ⁴⁴ Соображения министра внутренних дел... С. 77–78, 89.
- ⁴⁵ Мемория Совета Министров по делу о порядке осуществления высочайших преуказаний... С. 4.
- ⁴⁶ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 148.
- ⁴⁷ Кравец И. А. Указ. соч. С. 72.
- ⁴⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. Т. XXV, № 26656, № 26661, № 26662; см. также: Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 30–31; 32–39; 39–54.
- ⁴⁹ Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 47.
- ⁵⁰ Конституционное государство : сб. статей. СПб., 1905. С. V.
- ⁵¹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 48.
- ⁵² См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 91.
- ⁵³ При этом в своих мемуарах В. Н. Коковцов ссылался на собственноручную записку царя, показанную ему графом Д. М. Сольским. В частности, в ней говорилось: «министры недостаточно объединены в их текущей работе, что это совершенно недопустимо теперь, когда предстоит в скором времени созыв Государственной Думы». Там же.
- ⁵⁴ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 195.
- ⁵⁵ Кравец И. А. Указ. соч. С. 74.
- ⁵⁶ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 427. Так, согласно ст. 49 Учреждения Государственной думы 6 августа 1905 г., законопроекты, представленные Думе каким-либо министром в случае отклонения большинством в две трети голосов как Думы, так и Государственного совета, не могли быть утверждены монархом и, следовательно, стать законом. В этом случае они возвращались к представившему их министру на дальнейшую доработку. «Эта статья, – по мнению И. А. Кравца, – представляла собой умеренное ограничение абсолютной власти монарха в области законодательства и от него было легче окончательно перейти к конституционному строю» (Кравец И. А. Указ. соч. С. 73).
- ⁵⁷ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 279.
- ⁵⁸ Миллюков П. Н. Воспоминания (1959–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 306.

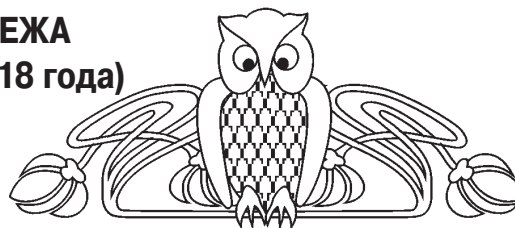

УДК 94(47).081

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЧСНС НАКАНУНЕ МЯТЕЖА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА (март–май 1918 года)

М. А. Васильченко

Саратовский государственный университет
E-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru

В статье автор рассматривает проблему взаимоотношений между командованием Чехословацкого корпуса и органами советской власти по вопросу о сдаче оружия, пропуске эшелонов во Владивосток в преддверии мятежа Чехословацкого корпуса. В статье исследуется порядок формирования, механизм функционирования данной системы, основные противоречия, возникающие в ходе ее деятельности и попытки их разрешения, предпринимавшиеся в период с марта по май 1918 года.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, Чехословацкий национальный совет, Отделение для России, СНК, Л. Д. Троцкий.

Soviet Power and CHSNS before the Rebellion of the Czechoslovak Corps (March–May 1918)

M. A. Vasilchenko

The author considers the problem of the relationship between the command of the Czechoslovak Corps and the Soviet authorities on the delivery of weapons, skipping echelons in Beijing on the eve of the rebellion of the Czechoslovak Corps. We study the formation, operation mechanism of the system, the basic contradictions that arise in the course of its activities and attempts to resolve them, undertaken between March and May 1918.

Key words: Czechoslovak Corps, Czechoslovak national SNK, Leon Trotsky.

В последнее время в современной российской историографии отмечается всплеск научного интереса к проблематике, связанной с историей чехословацких частей в России. За последние 5 лет вышел ряд обзорных статей, повествующих об участии солдат отдельного армейского чехословацкого корпуса в российской Гражданской войне. Зачастую эти работы опираются на поверхностный фактологический материал, описывая до боли известные исторические эпизоды, такие как Челябинский инцидент, майскую телеграмму Л. Д. Троцкого, первые боевые столкновения чехов и местных Советов в Сибири. Эти работы дополняют уже существующий массив аналогичных трудов, отличающихся только методологическим подходом и позицией автора при интерпретации общеизвестных исторических событий¹.

При рассмотрении данных событий от взора исследователей ускользает один из важных аспектов этой проблематики, а именно вопрос о том, каким образом строилась система взаимоотношений между Отделением ЧСНС для России и Совнаркомом, органами Советской власти на местах по вопросу о сдаче вооружения и транспортировке легионеров до Владивостока².

Правовой аспект отношений между ЧСНС и Советской властью базировался на постановлении Совета народных комиссаров от 26 марта 1918 г. Из его содержания вытекало, что документ писался на условиях, которые первоначально выдвигали представители Отделения ЧСНС. В частности, в постановлении говорилось: «Совет Народных Комиссаров считает предложение Чехословацкого корпуса справедливым и вполне приемлемым при неременном условии немедленного продвижения эшелонов по направлению к Владивостоку и немедленному устранению контрреволюционного командного состава»³. При этом сами представители ЧСНС понимали, что перевозка более чем 55 000 человек в 70 эшелонах на расстояние 9 тыс. км было почти невозможным делом. В организации передвижения Чехословацкого корпуса Совнарком предоставлял особые полномочия Пензенскому совету. Председателю его исполкома В. В. Кураеву⁴ предписывалось «сменить всех старых комиссаров и назначить новых для сопровождения до Владивостока с тем, чтобы комиссары эти охраняли целостность чехословаков как организованного целого и систематически осведомляли Совнарком обо всех происшествиях, связанных с продвижением чехословаков»⁵.

Таким образом, Пензенский совдеп во многом стал гарантом правовой и практической реализации договора от 26 марта 1918 г. Уже вечером 26 марта 1918 г. на заседании Пензенского губернского совета в числе рассматриваемых вопросов пятым по счету стоял вопрос о выборе комиссара при Чехословацком корпусе⁶. После жарких споров представителем был назначен член местного совета С. Лукьянов, получивший специальное удостоверение (исходящий № 395/2730), в котором Пензенский совет просил «все революционные организации оказывать всяческое содействие тов. Лукьянову в деле успешного продвижения и охраны личной безопасности Чехословацких эшелонов»⁷. Также С. Лукьянов имел право бесплатного пользования телеграфом и должен был сообщать в СНК и Пензенский совет обо всех происшествиях⁸. Для проверки сдачи оружия образовывалась комиссия, куда вошли представители местного совета и представители ЧСНС, находившиеся в это время в Пензе⁹.

К моменту подписания договора части корпуса были расположены в более чем 50 эшелонах на территории от Курска до Пензы, однако

они все имели связь между собой посредством телеграфов. Так, штабс-капитан Правда доносил телеграммой в штаб 2-й дивизии Чехословацкого корпуса: «Начальнику 2 ЧСД. Ртищево. 20. Марта 16.00. прибыл с нашим эшелоном на станцию Пенза. Движение больше не ведется, пришлите Комиссара»¹⁰. В ответ на эту телеграмму уже 21 марта ЧСНС ответил сообщением: «На ваш № 185 сообщаем, что к вам выезжает уполномоченный Гавотра со станции Кирсанов. Комиссар Макса»¹¹. Подобного рода обмен телеграфными сообщениями указывает на существование достаточно устойчивой связи в Чехословацком корпусе и высокую степень дисциплинированности в информировании руководства.

Каждый эшелон, проходивший через станцию Пенза, был обязан сдать все оружие, которое не было регламентировано договором от 26 марта. Состав осматривался вышеупомянутой комиссией, которая выдавала удостоверение о том, что «чехословацкий эшелон № ... на станции Пенза возвратил Российской Советской Федеративной Республике оружие согласно договора, заключенного Советом народных комиссаров и Чехословацкими революционными войсками». В этом документе говорилось, что «Эшелон осмотрен на станции Пенза особой комиссией... и поэтому в силу указаний Совета народных комиссаров в дальнейшем следовании не подлежит ни обыскам, ни разоружению»¹².

По архивным данным, первые три чехословацких эшелона сдали оружие 28 марта 1918 г., это были первая, вторая, третья и нестроевая рота пятого полка им. Т. Г. Масарика¹³. В период с 28 марта по 9 апреля 1918 г. через Пензу прошло 19 эшелонов с личным составом пятого, восьмого, второго полков. Штабной вагон с представителями ЧСНС и штабом корпуса проследовал в эшелоне «А» 9 апреля 1918 г.¹⁴.

Всякие передвижения чешских эшелонов фиксировались представителями советской власти. Ежедневно со станции Пенза помощник коменданта Хлебушкин отправлял сведения о том, какое число эшелонов проследовало через железнодорожный узел. В частности, 28 апреля он телеграфировал: «№ 1874 за 27 апреля с.г. за станцию Пенза проследовал эшелон 1-ЧС полка в составе 24 офицеров, 600 солдат, 168 винтовок, 1 пулемета, 5 лошадей и 5 кухонь»¹⁵. Однако из этого не следовало, что все составы подвергались жесткому контролю. Так, 17 апреля в 11 часов утра через Пензу проследовал эшелон состав из «14 плацкартных и 10 крытых грузовых и 9 платформ с аэропланами, направлявшихся в Самару. Куда именно и для какой цели эшелон выявить не удалось. Сообщаем для сведения»¹⁶.

В целом к началу апреля 1918 г. сложился определенный механизм организованной сдачи оружия войсками Чехословацкого корпуса, который приводился в действие усилиями Чехословацкого национального совета и органами со-

ветской власти на местах. При этом ЧСНС в лице заместителя председателя П. Максы и секретаря Маковича, находившихся в Москве, и представителей Национального совета в Пензе Ю. Клецанда и Б. Павлу осуществляли контроль за ходом сдачи оружия, а Пензенский совет выступал посредником между чехами и местными советами. Ежедневно командиры чехословацких частей телеграфировали ЧСНС о возникших трениях с органами советской власти. Что же касается центральных властей, то в их действиях с самого начала обозначилась линия на срыв достигнутых с чехословацкой стороной договоренностей о порядке сдачи оружия войсками корпуса. Еще 3 апреля 1918 г. наркомвоенмор Л. Д. Троцкий отправил всем органам Советской власти по пути следствия Чехословацкого корпуса телеграмму, в которой им предписывалось в случае захвата легионерами подвижного состава их разоружать, а начальников эшелонов препроводить для разбирательства в Совет. По сути дела, эта телеграмма заранее обрекала чехословацкие части на насильственное разоружение, так как местные железнодорожники не могли в полной мере обеспечить потребности легионеров в подвижном составе, вследствие чего происходили захваты вагонов¹⁷.

Телеграмма Троцкого была перехвачена радиостанцией чехословацкого корпуса и стала поводом для предъявления 5 апреля 1918 г. ультиматума ЧСНС к Пензенскому совету. В его тексте подробно излагались статьи договора от 26 марта 1918 г. и все обязательства, которые выполнила чешская сторона. Указывалось, что «наши эшелоны были задержаны в Самаре и в Уфе и предъявлено им требование о полном разоружении. При этом самарский чрезвычайный комиссар Ермолаев ссылается на распоряжение наркома Троцкого, переданное ему Вознесенским. Едва начавшееся продвижение было 3 апреля опять остановлено, хотя, в постановлении Совнаркома говорилось о немедленном продвижении»¹⁸.

Неправильное истолкование телеграммы Л. Троцкого руководителям местных советов привело также к экстренному созыву заседания ЧСНС 5 апреля 1918 г., на котором было принято решение «1. Приостановить передачу оружия до окончательного выяснения вопроса о дальнейшем беспрепятственном продвижении. 2. Обратиться к Совнаркому с требованием о предоставлении Чехословацкому революционному корпусу¹⁹ таких гарантий, которые обеспечили бы вполне и действительное продвижение до Владивостока»²⁰.

Ранее, 4 апреля, в Пензенский совет пришла телеграмма за № 5017, в которой чехи просили В. Кураева разобраться в недоразумении с телеграммой Троцкого и «если бы Вы от своего имени послали совдепам по пути следования на Владивосток телеграмму с разъяснением, что по указанию Совнаркома оружие было сдано и передается всеми эшелонами именно в Пензе с оставлением за каждым эшелоном необходимого количества

оружия, о чем эшелонам выдается Пензенским советом особое удостоверение»²¹. После достаточно интенсивной переписки с ЧСНС, в которой тот выражал протест в достаточно категоричной форме, Пензенский совет предпринял все усилия для нормализации отношений. И уже 7 апреля 1918 г. в телеграмме № 5032 представители ЧСНС заявили, что они получили данные от начальников эшелонов, управляющих железными дорогами и комиссара Совнаркома Лукьянова о том, что «дальнейшее продвижение эшелонов началось и обеспечено»²². На основании этого ЧСНС отменил свое решение от 5 апреля и решил «вновь приступить к возвращению оружия в г. Пензе на прежних условиях»²³.

Однако урегулирование конфликта не означало снятия напряженности между ЧСНС и представителями Советской власти всех уровней. Существует значительное количество свидетельств о попытках повторного разоружения эшелонов представителями местных властей. Так, 13 апреля 1918 г. со станции Ртищево командир чешских эшелонов телеграфировал в Москву о том, что исполком Ртищевского железнодорожного узла на основании телеграммы В. Кураева собирается изъять 114 винтовок и 2 пулемета, предназначенных для сдачи в Пензе. Он запрашивал: «Не имея прямых распоряжений от Вас, прошу срочно ответить, выдавать ли винтовки и пулеметы и сколько патронов»²⁴. Ввиду этого ЧСНС просит разъяснения «было ли Вами выдано подобное разрешение? Во избежание могущих возникнуть недоразумений просим подобные разрешения давать только по средствам ЧСНСовета»²⁵. Аналогичный случай произошел в Златоусте спустя два дня. Там «Советская власть <...> решила обезоружить все наши эшелоны и оставить для каждого эшелона только 30 винтовок»²⁶. В этом случае ЧСНС в лице П. Максы обратился к Пензенскому совету дать разъяснения Казанскому военному округу и Златоустскому совету²⁷.

В Новониколаевске местный революционный штаб требовал «от каждого эшелона винтовки и патроны, оставляя только по 20 винтовок и 50 патронов на эшелон»²⁸.

Кроме самовольных нерегламентированных попыток разоружения, существовала еще одна, не менее важная проблема в отношениях между чехословацкими легионерами и советской стороной, а именно проблема агитации среди военнопленных, находящихся в лагерях, расположенных на территории Советской России и в эшелонах.

В Государственном архиве Пензенской области хранится значительный объем документов, повествующих о формировании и деятельности комитета военнопленных социал-демократов-интернационалистов. Первое упоминание о нем относится к 30 марта 1918 г.²⁹ Во главе организации, переформированной впоследствии в одноименную партию, встал 1 апреля 1918 г. Бранко Бауэр³⁰. Представители организации активно

налаживали связь с членами других социал-демократических организаций. Так, Зикфрид Киргауз получил разрешение от Пензенского совета на «командировку для связи между организациями С-Д партии Пензенской и Самарской губерний»³¹. Также Пензенский совет активно поощрял агитацию в чешских эшелонах. От его имени выдавались справки следующего содержания: «6 апреля 1918 года предъявитель сего тов. В. Кальбель имеет право вести агитацию среди чехословацких воинских частей, находящихся в Российской Республике»³². Эти документы выдавались за подписью и от имени заместителей председателя совета. Сам В. Кураев формально оставался не причастным к пропаганде среди чехословацких эшелонов и формированию из их личного состава интернациональных воинских частей.

В начале апреля 1918 г. под эгидой Пензенского совета стали формироваться чехословацкие части, входившие в состав Красной армии. 1 апреля 1918 г. комиссаром этого воинского формирования был назначен Карль Раушар³³, заведующим канцелярией чехословацких частей Александр Голубев³⁴, помощником секретаря А. Гаек³⁵. Адъютантом штаба был назначен О. Стучка³⁶. Каждое удостоверение сопровождалось просьбой о полном содействии вышеуказанным гражданам в их деятельности со стороны органов Советской власти.

Кроме руководящих органов, в состав организации входила группа агитаторов с целью пропаганды среди военнопленных лагерей. Они командировались «для информирования пленных в пределах Российской Республики»³⁷.

Таким образом, можно сказать, что между представителями Чехословацкого национального совета Отделения для России и органами Советской власти складывались непростые отношения весной 1918 г. Заключение договора 26 марта 1918 г. привело к формированию устойчивой системы взаимодействия по транспортировке через территорию Советской России Чехословацкого корпуса, которая смогла справиться с кризисом 5–7 апреля 1918 г. и вполне успешно функционировала до конца апреля 1918 г. Осложнила отношение на данном этапе нехватка подвижного состава, ввиду того что советские учреждения не смогли должным образом его обеспечить. Имели место случаи самовольного разоружения чехов местными советами, которые хотели увеличить запасы оружия за счет чехов и отчитаться о том, что они принимали действенное участие в борьбе с возможной контрреволюцией. Эта проблема успешно разрешалась в мае 1918 г. благодаря посредничеству Пензенского совета. Кроме того, просоветская агитация среди эшелонов, поощряемая местными исполкомами, способствовала поляризации среди личного состава Чехословацкого корпуса.

Из вышесказанного следует, что напряженность и взаимное недоверие в отношениях между

ЧСНС и местными органами Советской власти появились не одновременно, а формировались на протяжении почти двух месяцев с 26 марта по 25 мая 1918 г. (хотя чаще всего исследователи указывают на то, что именно приказ Троцкого от 25 мая стал поводом к мятежу). Многочисленные обращения представителей ЧСНС были направлены на правовое решение возникших проблем путем подачи жалоб в Пензенский совет на деятельность местных органов Советской власти и доказывали его желание решить возникшие вопросы мирным путем.

Примечания

- 1 См.: Цветков В. Ж. Легион гражданской войны // Независимое военное обозрение. 1998. № 48 (122), 18 дек. ; Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2005. Сер. 1. История. № 2. С. 88–98 ; Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103.
- 2 Чехословацкий национальный совет (*Československá národní rada*) возник в Париже 13 февраля 1916 г. во главе с Т. Г. Масариком. В мае 1917 г. при согласии Временного правительства произошло объединение Чешского национального комитета, возникшего в России в августе 1914 г., и ЧСНС Отделения в России в единый орган под руководством Т. Г. Масарика.
- 3 Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 119.
- 4 Кураев Василий Владимирович (1892—10.01.1938), советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1914 г. Родился в Пензе в семье служащих. Партийную работу вёл в Петрограде и Пензе. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. проводил революционную работу среди солдат. После Февральской революции 1917 г. – один из организаторов Пензенского совета, редактор газеты «Голос правды». Делегат 7-й Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП (б), 1-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК, делегат 6-го съезда партии. После победы Октябрьской революции 1917 г. – председатель исполкома Пензенского губернского совета, секретарь губкома РКП (б). В 1918 г. участвовал в разгроме чехословацкого контрреволюционного мятежа. В годы Гражданской войны 1918–1920 г. – на военно-политической работе в Красной Армии; член РВС 4-й армии. С 1920 г. член коллегии Наркомзема, член Президиума ВСНХ, заместитель председателя одной из секций Госплана СССР. Делегат 8-го и 10-го съездов партии.
- 5 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 119.
- 6 Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 30-32.
- 7 Там же. Оп. 1. Д. 34 Л. 447, 447 (об).
- 8 Там же.
- 9 В Пензе до 7 апреля 1918 г. находились представители ЧСНС Б. Павлу и Ю. Клецанда (ГАПО Ф. Р-2 Оп. 1. Д. 34 Л. 482).
- 10 ГАПО. Ф. Р. – 2. Оп. 4. Д. 8. Л. 672.
- 11 Там же. Л. 70.
- 12 Там же. Оп. 1. Д. 25 Л. 123.
- 13 Там же. Д. 34 Л. 463.
- 14 Удостоверение № 592 от 9 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р. – 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 501).
- 15 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 8. Л. 17.
- 16 Там же. Л. 41.
- 17 Там же. Л. 86.
- 18 Там же. Оп. 1. Д. 25. Л. 120-121.
- 19 Следует отметить, что в ряде телеграмм и писем представителей ЧСНС к В. Кураеву присутствует революционная риторика, к примеру, в посланиях от 30 марта и 4 апреля, однако после 7 апреля любые намеки на революционность корпуса сходят на нет и обращение «товарищ Кураев» сменяется на нейтральное «гражданин».
- 20 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 121-122.
- 21 Там же. Д. 29. Л. 9.
- 22 Там же. Л. 8а.
- 23 Там же. Л. 8б.
- 24 Там же. Л. 6.
- 25 Там же.
- 26 Там же. Д. 29. Л. 10
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 7.
- 29 Там же. Д. 34 Л. 456.
- 30 Там же. Л. 458.
- 31 Там же. Л. 452.
- 32 Там же. Л. 483.
- 33 Удостоверение № 591 от 1 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34 Л. 498).
- 34 Удостоверение № 563 от 18 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р-2. Оп.1. Д. 34 Л. 586).
- 35 Удостоверение от 8 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34 Л. 584).
- 36 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34. Л. 588.
- 37 Там же. Л. 489.

УДК 94(47).084.3=355.35(47)|1918|

ГЛАВКОМ М. А. МУРАВЬЁВ И СОЗДАНИЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА (июнь – июль 1918 года)

А. А. Симонов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail.ru

В статье рассказывается о военно-организационной деятельности первого главнокомандующего Восточного фронта Гражданской войны М. А. Муравьева по созданию действующей регулярной армии.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Восточный фронт, главнокомандующий М. А. Муравьев, Красная армия, советское военное строительство.

Commander in Chief M. A. Muraviev and Creation the East Front (June – July 1918)

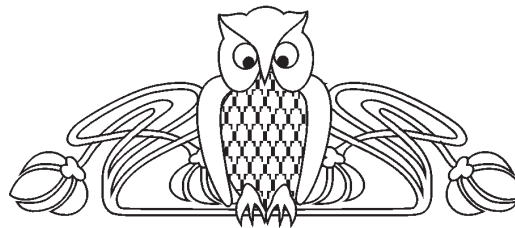
A. A. Simonov

This article is devoted to the problems of organization activities of first commander of chief of west front civil war M. A. Muraviev to creation a regular army forces.

Keyword: Civil war in Russia, East front, Commander in Chief M. A. Muraviev, Red army, soviet military building.

В ночь с 11 на 12 июля 1918 г. в здании бывшего Симбирского кадетского корпуса в ходе заседания местного губисполкома случилось событие, которое могло изменить весь ход гражданского противостояния в России. Позже в газетах сообщалось, что «главнокомандующий... армиями на чехословацком фронте левый эсер Муравьев восстал в Симбирске против Советской власти, но восстание благодаря своевременно принятым мерам удалось сейчас же ликвидировать. Будучи арестован и боясь революционного суда, Муравьев застрелился»¹. Трагичность ситуации подчёркивалась планами мятежника, который отказывался от курса советского правительства на соблюдение Брестского мира и уже известил вверенные ему войска Красной армии о необходимости боевых действий с Германией. Мало того, главком объявил чехословаков своими союзниками. Возникла вероятность возвращения в мировую войну и, что немаловажно, появлялась реальная альтернатива большевистской гегемонии в принятии государственных решений, а соответственно угроза однопартийной власти. Советская Республика стояла на пороге сложнейшего политического кризиса².

О Михаиле Артемьевиче Муравьеве даже сегодня известно не очень много. И это несмотря на то, что без упоминания его имени не обходится ни одно серьёзное издание, хоть как-то освещающее перипетии Гражданской войны летом 1918 г. на

Волге и Урале. Оно и понятно: идеологический штамп коварного противника большевиков не позволял советской историографии объективно и комплексно оценить фигуру человека, наделённого той же Советской властью огромными полномочиями в области военного руководства. За авантюристической выходкой мятежа осталась незамеченной созидательная работа М. А. Муравьева в Красной армии. На этом и сосредоточим внимание, постараемся разобраться, как организаторская деятельность главнокомандующего Восточным фронтом³ повлияла на дальнейшее развитие советского военного строительства.

Дореволюционная биография М. А. Муравьева не совсем типична для выходца из народных низов. Согласно послужному списку офицера императорской армии он родился в 1880 г. и происходил из крестьян Костромской губернии. В 18 лет поступил на военную службу вольноопределяющимся. Выбор же военной стези вряд ли был случаен: по крайней мере, никакой профессии или занятия до армии он не имел. Поэтому неслучайно следующим шагом в его военной карьере стало окончание в 1901 г. курса Казанского юнкерского пехотного училища, причём знания по военным дисциплинам были оценены достаточно высоко⁴.

В должности командира пехотной роты М. А. Муравьеву пришлось поучаствовать в Русско-японской и Первой мировой войнах. Был дважды тяжело ранен. В последнем случае пришлось даже отказаться от пребывания в действующей армии и перейти на командно-преподавательскую работу в 3 Одесскую школу прапорщиков, а затем в одну из автоброневых школ Петрограда⁵.

Как бы то ни было, но следующий этап в карьере будущего главкома соотносится уже с революционными событиями февраля 1917 г. Так и не выслуживший за три года войны нового офицерского чина (как тут не быть обиженным на царскую власть), капитан М. А. Муравьев с энтузиазмом бросается в революционную стихию. Это его время – человека честолобивого, склонного к авантюризму, с весьма крутым нравом. Судя по всему, его политические убеждения также соотносились с текущим моментом. При огромной популярности эсеров он становится членом этой партии. Другой увлечшей его сферой стало ударничество – патриотическое движение сторонников продолжения войны до победного конца, имевшее целью вернуть русским войскам боеспособность и желание воевать⁶. Знавший М. А. Муравьев-

ва Л. Д. Троцкий, освещая события 1917 г. в Петрограде, писал: «Муравьев не лишен был... некоторых военных дарований: быстроты соображения, дерзости, умения подойти к солдату и ободрить его. В эпоху Керенского авантюристские качества Муравьева сделали его организатором ударных боевых отрядов, которые направлялись, как известно, не столько против немцев, сколько против большевиков»⁷. Разумеется, наркомвоенмор несколько поступился истиной: ударные «батальоны смерти» могли использоваться как на фронте для прорыва обороны противника, так и в тылу для умирения мятежных воинских формирований. А какая политическая партия устраивала там беспорядки, ударникам было безразлично. Важно, что потом, после ударников, в частях воцарялась дисциплина. Как видим, ипостась М. А. Муравьева здесь в какой-то степени положительная: он не разрушитель армии, а поборник её силы и боеспособности. Это не осталось без внимания, и вскоре Временное правительство отметило его чином подполковника⁸.

Впрочем, существует и другая, абсолютно противоположная оценка деятельности будущего красного главкома в тот период. Она принадлежит М. Д. Бонч-Бруевичу, генштаба генерал-майору, а с марта 1918 г. военному руководителю Высшего военного совета. Свои воспоминания генерал писал в 1920-е гг. в период жёсткой внутрипартийной борьбы, а позже их «художественно» доработал уже в свете хрущёвской оттепели⁹. В обоих вариантах Муравьев выглядит у него неприглядно, причём в поздней версии мемуаров особенно. Почему? Речь об этом впереди¹⁰.

Октябрьская революция ещё больше повысила потенциал таких пассионариев, как Муравьев. Отслеживая революционную ситуацию, он становится левым эсером, а значит, проявляет готовность сотрудничать с большевиками. Такая возможность предоставляется почти сразу. Бежавший из Петрограда министр-председатель А. Ф. Керенский в конце октября 1917 г. сконцентрировал у столицы около 1200 человек верных ему войск под командованием генерала П. Н. Краснова¹¹. В ответ Петроградский военно-революционный комитет отдал приказ войскам Петроградского гарнизона привести себя в полную боевую готовность. Но встал вопрос о командовании революционными силами. Л. Д. Троцкий вспоминал: «Никто из командиров не хотел взять на себя ответственность за руководство всей операцией,... главным образом, потому, что никто не хотел слишком просовывать свою голову вперед, не зная, что из этого выйдет. После нескольких неудачных попыток привлечения командиров полков, выбор пал на полковника¹² Муравьева, сыгравшего потом немалую роль в военных операциях Советской России»¹³. Таким образом, главный организатор Красной армии Л. Д. Троцкий вполне позитивно оценивал роль М. А. Муравьева на раннем этапе становления советской военной системы.

Другой известный фигурант – В. А. Антонов-Овсеенко – бывший тогда членом Комитета по военным и морским делам Совнаркома, тоже с симпатией изображает М. А. Муравьева в дни отражения керенской угрозы: «Его сухая фигура, с коротко остриженными седеющими волосами, с быстрым взглядом, вспоминается всегда в движении, сопровождаемом звяканьем шпор. Горячий, взволнованный голос звучит приподнятыми верхними тонами. Выражается высоким штилем, и это в нём не напускное. Живёт всегда в чаду и действует всегда самозабвенно. В этой его горячности была несомненная притягательная сила к нему со стороны солдатской массы»¹⁴. Антонов-Овсеенко не скрывает, что тоже увлёкся призывами и планами революционного подполковника и попросился к нему в помощники. Несколько тревожных дней ему пришлось пробить рядом и вочию наблюдать организаторскую работу того. Читаем: «Муравьев на посту главнокомандующего Петроградским округом развил бешеную энергию. Перед всеми нами он имел то преимущество, что сумел заставить работать офицеров. Он потребовал, чтобы все они вернулись к своим местам, он собирал их к себе в штаб и говорил с ними особым, понятным для них тоном, и они преисполнялись доверием»¹⁵.

М. Д. Бонч-Бруевич тоже не оставил без внимания факта назначения Муравьева руководителем отпора керенщине, но объяснил это случайными обстоятельствами: большевики не имели «под рукой ни одного штаб-офицера, которому можно было бы поручить оборону Петрограда», но тут в Смольный явился левый эсер Муравьев и предложил свои услуги. Лишенный выбора Ленин согласился на назначение того главнокомандующим. Правда, «недоверие к Муравьеву было настолько сильным», что пришлось приставить к нему комиссара с инструкцией отстранить от должности «в случае измены или каких-либо вредных действий»¹⁶. Других пояснений, в том числе о военной работе Муравьева под Петроградом, генерал не даёт. Однако один немаловажный момент следует уточнить: В. А. Антонов-Овсеенко утверждает, что Муравьев предложил свою помощь военного специалиста ещё до Октябрьского переворота, а не после установления Советской власти¹⁷.

Следующий этап карьерного взлёта будущего главкома Восточного фронта связан с так называемым «триумфальным шествием Советской власти», когда новый строй стремительно утверждался на большей части бывшей Российской империи. Происходило это не всегда мирным путём, особенно на окраинах, где были сильны националистические настроения. К тому же возникли сложности в мирных переговорах с Германией и Австро-Венгрией, а также с недавним союзником по Антанте Румынией. Показавший лояльность М. А. Муравьев был немедленно использован по назначению.

Муравьев оправдал надежды. В непростой политической ситуации, в течение января – марта 1918 г., имея под рукой неравнозначные отряды красной гвардии и полуразложившиеся части старой армии, он сумел нанести военное поражение украинской Центральной Раде, захватить Киев, а затем принудить к миру Румынию, пытавшуюся отделить Бессарабию. Мало того, некоторое время относительно успешно противостоял продвижению немецкой и австро-венгерской армий. В литературе отмечается его решительность и... гипертрофированная жестокость¹⁸. Нелестные слухи тянулись за «армией» Муравьева из Киева, Одессы и Молдавии¹⁹.

Природа таких слухов, да и насилия, исходившего тогда от красноармейцев – недавних фронтовиков, вполне объяснима. Во многом всё сводится к феномену развала старой армии²⁰. В ходе его выделились военнослужащие, которые не хотели возврата к своему прежнему довоенному социальному состоянию и руководствовались желанием остаться в новой добровольческой Красной армии, строящейся в первые месяцы своего существования на полуанархистских, партизанских основаниях. Для этой «наиболее деклассированной части матросов и солдат... агрессивный характер действий оказался наиболее привлекателен... Своё дело они сделали: с их помощью в людях скоро поселился жуткий страх перед властью, хладнокровно использующей подобных людей»²¹.

Стихийно сформированный социум «человека с ружьем», требовавший за содействие новой власти вознаграждения в виде грабежей и другого насилия, конечно же, не годился на роль передового отряда армии мирового социализма. Как военный профессионал М. А. Муравьев это понимал. Судить об этом можно по его донесениям в центр. Вот одно из них, посланное из занятого Киева: «Я неоднократно просил Петроград и Москву прислать мне отряды красной гвардии, я не могу больше выносить разнузданности регулярных войск, называющих себя большевиками. Они позорят и дикориктуют (так в документе. – А.С.) Советскую власть вместе со своими начальниками. И если мне пришлёт 2–3 тысячи красной гвардейцев взамен регулярников, то я могу быть спокойным за порядок не только в Киеве, но и на Украине... Присылаемые войска, как лучшие, оказывались чуть [ли] не изменниками революции, бросали позиции и занимались грабежами. Одно спасение – рабочая армия». Далее М. А. Муравьев предлагает полностью перестроить вооружённые силы, сделав их небольшими, но «отлично оборудованными», при этом командиров (инструкторов), набрать из старой армии²².

Тем не менее в середине апреля 1918 г., уже находясь в Москве, будущий командующий Восточным фронтом был арестован. О подлиных мотивах ареста можно лишь догадываться, но случился он в момент повсеместной акции

разоружения отрядов анархистов и задержания наиболее активных их представителей. Как известно, анархисты (впрочем, как и левые эсеры) не признали результатов Брестского мирного договора со странами Четвертного союза и начали активную кампанию противодействия ему. О своём непризнании открыто заявил и Муравьев. Видимо, поэтому он и был изолирован, благо был повод – «превышение власти» на Украине.

Выпустили его с началом Чехословацкого мятежа «под поручительство 13 видных членов партии». Причём командующий Московским военным округом Н. И. Муралов предложил пока не посылать Муравьева на фронт, дав ему отдохнуть. Но из-за отказа В. А. Антонова-Овсеенко возглавить борьбу с мятежными чехословаками Муравьеву незамедлительно предложили выехать к местам боёв на Волгу. Оправдывая такое решение, Троцкий заявил: «Ему [Муравьеву] пошло в прок сидение, он мне теперь больше нравится»²³.

Почему же Советская власть всё ещё нуждалась в бывшем подполковнике? Создание летом 1918 г. Восточного фронта считается переломным событием, определившим в конечном итоге форму и содержание советского военного строительства на период Гражданской войны. Появление этого оперативно-стратегического объединения в составе Вооружённых сил Республики стало результатом решительных шагов Советской власти к созданию массовой регулярной армии, контуры которой уже обозначились к тому времени рядом декретов и постановлений. Целенаправленная организаторская деятельность потребовала и соответствующего руководства, причём наиболее остро встал вопрос о начальнике действующей армии. Сложность проблемы заключалась в подборе кандидатуры: требовался не просто хороший военный специалист, но и абсолютно верный режиму. Найти такого человека и доверить ему судьбу молодого рабоче-крестьянского государства оказалось очень непросто.

До лета 1918 г. немногочисленная добровольческая Красная армия участвовала в мелких схватках в основном на окраинах государства. Локальный масштаб применения военной силы не позволял в полной мере оценить вождей красноармейских формирований. Они назначались в первую очередь по принципу безусловной поддержки советского строя, а военный талант служил лишь сопутствующим атрибутом. Неслучайно, когда какое-то время в феврале – марте 1918 г. пришлось противостоять серьёзному противнику – германской и австро-венгерской армиям, – отдельные красные командиры потерпели полное фиаско²⁴. Муравьев же давал результат, а, как известно, большевики были большими прагматиками. Вот и теперь Михаил Артемьевич должен был заменить очередного неудачника – бывшего прапорщика А. Ф. Мясникова, назначенного 30 мая 1918 г. главнокомандующим войсками, боровшимися против мятежного Чехословацкого корпуса, но

так и не сумевшего мобилизовать на борьбу вверенные ему части²⁵.

13 июня 1918 г. состоялось назначение Муравьёва на должность «главнокомандующего всеми отрядами и операциями против чехословацкого мятежа и опирающейся на него помещичьей и буржуазной контрреволюции»²⁶. Одновременно был образован руководящий коллегиальный орган фронта – Революционный военный совет (РВС). Помимо главнокомандующего в него с правами политических комиссаров вошли народный комиссар путей сообщения П. А. Кобозев и бывший комендант Петропавловской крепости Г. И. Благоврахов. Любопытно, что за день до этого, 11 июня, Ленин уже подписал проект приказа об утверждении РВС, но тогда его состав был несколько иным: комиссарами к Муравьёву придавались Генженцов и Тер-Арутюнов. Этот факт поднимается только в биографии Ленина, но мотивы перемены решения никак не объясняются²⁷.

Очередное выдвижение Муравьёва понравилось не всем. Возглавлявший Высшую военную инспекцию (ВВИ) Н. И. Подвойский телеграфировал в СНК: «Заявляю самый решительный протест против назначения Муравьёва Главкомом, ибо это назначение принесёт непоправимый вред Советской республике. Особенно это назначение повредит планомерной работе по организации настоящей армии»²⁸.

О какой «настоящей армии» говорит Подвойский, почему он против нового главкома?

Подвойский ранее не служил в армии, но со времён Октября активно старался проявить себя на военной ниве, будучи первым наркомом по военным и морским делам и сторонником «всеобщего вооружения народа». Именно по этой причине, когда возникла необходимость в регулярной армии, в марте 1918 г. с учреждением Высшего военного совета он был заменён Троцким. Позднее, 24 апреля, его всё же ввели в Высший военный совет и назначили руководителем ВВИ с правом широчайших полномочий по организации Красной армии на местах. Воочию увидев беспомощность против чехословаков отрядов красной гвардии и частей добровольческой Красной армии, основу которой составляли малодисциплинированные фронтовики, он предложил свою концепцию вооружённых сил. В целях очищения Красной армии от «негодного элемента» было рекомендовано ввести для пехоты рекрутский набор – от каждой волости примерно по 30 человек рядовых и 2 унтер-офицера. Набранный таким образом личный состав следовало соединить с кадром – то есть призванными по мобилизации пехотными унтер-офицерами и бывшими офицерами. Представителей других воинских специальностей и родов войск – кавалеристов, артиллеристов, пулемётчиков, сапёров, авиаторов и др. – «дабы привлечь их к строительству новой армии», следовало нанимать за большие деньги²⁹. Таким образом, комплектование вооружённых сил подразумевало сразу три

формы – добровольчество, призыв и рекрутчину. Последняя выглядела архаично даже для аграрно-крестьянской России, не говоря о том, что вкупе с другими формами исключала структурное единобразие вооружённых сил, всегда сопутствующее их регулярности. С другой стороны, становится ясным, что Н. И. Подвойский окончательно отказался от идеи «всеобщего вооружения народа». Свидетельствует об этом и его инспектирование гарнизона Уфы с критикой местной советской власти, отстаивавшей как раз многоуровневую дружинную красногвардейскую систему³⁰.

Муравьёв к моменту обнародования «соображений» Подвойского (они излагались в брошюре о Чехословацком мятеже, подготовленной к V съезду Советов) тоже имел собственное видение военно-организационной работы и даже пытался реализовать свои планы. Буквально на следующий день после возникновения РВС фронта и ещё до выезда к месту назначения главком определил несколько районов и направлений с более-менее сколоченными группами отрядов и решил создать из них четыре армии. На места ушли телеграммы с предложением начать организацию штабов армий с привлечением к этому бывших офицеров генштаба³¹.

18 июня поезд Реввоенсовета прибыл на станцию Балашейка недалеко от Сызрани. О том, что произошло дальше, можно узнать из доклада нового главкома Троцкому: «Ещё по дороге к фронту мы встретили войсковые части, бросившие позиции на Волге. Этими же частями был произведён пьяный дебош в Сызрани, которую они также самовольно покинули... Советские войска за малейшим исключением совершенно были дезорганизованы. Не избежал этой участи и 4-й латышский полк, который начал винный погром и один из первых бросился из Сызрани...»

Муравьёв сообщил, что сызранская группа, насчитывающая ранее 2500 войск при 30 орудиях, сократилась до 300 человек при 4 орудиях. Правда, из Москвы прибыл бронепоезд и финский отряд. Таким образом, боевой состав увеличился до 800 человек пехоты, 40 всадников и 14 орудий³².

Имея такие силы, новый главком решается на атаку Сызрани. Бой шёл весь следующий день, но, несмотря на временный успех (красные ворвались в город), закончился неудачей. Причём повторился предыдущий сценарий. Слово опять Муравьёву: «Наши отряды покидали свои позиции без основательного повода. Первым подал пример финский отряд, самый большой – более 500 человек. К 23 часам вечера отряды разбрелись. В 2 часа я сам лично прибыл с подкреплением и ...застал все войска разбредшимися по своим эшелонам и по окрестностям... Несмотря на уговоры и на пример некоторых войсковых начальников, войска не пошли в наступление. [Утром], как и следовало ожидать, разбредшиеся войска бросились бежать перед небольшим отрядом белогвардейцев».

Муравьеву удалось остановить наступление и организовать контратаку. Вот что он далее сообщает: «Но вместо того чтобы продолжать преследование, наши опять бросились в паническом бегстве назад. И эта кадрили продолжалась раза три, наконец, наши войска окончательно убежали»³³.

Таким образом, главком лично на поле боя убедился в низких боевых качествах советских войск и пришёл к выводу, о котором сообщил Троцкому: «Я решил для борьбы с контрреволюцией организовать новую армию, с которой можно бы было правильно вести полевую войну. В этом отношении постараюсь использовать объявленную Вами мобилизацию³⁴, хотя я не жду ничего хорошего, так как крестьянство враждебно относится к Советской власти и выступает заодно с белогвардейцами против нас, ... но это нисколько не заставляет меня падать духом. Буду бороться до конца ожесточённо и беспощадно. А пока крайне необходимо выслать в моё распоряжение следующие части, но не из Москвы, ибо это вас обессилит»³⁵.

Последняя фраза очень любопытна: Муравьеву приписывают предварительный сговор с ЦК партии левых социалистов-революционеров по организации государственного переворота 6 июля в Москве³⁶. Однако логично предположить, что в таком случае Михаил Артемьевич наоборот потребовал бы отправки надёжных большевикам частей на фронт, дабы изменить баланс сил в столице в пользу своих однопартийцев.

Далее в докладе Троцкому Муравьев в общих чертах нарисовал план пополнения своей армии, в том числе выдвинул идею создания военной флотилии на Волге и особенно указал на неудовлетворительное снабжение фронта, назвав слабую организацию обеспечения боевых действий одним из главных факторов поражения.

В эти дни главнокомандующий Восточным фронтом активно общался и с другими политическими и военными руководителями. В частности, свой план «борьбы с чехословаками и замирению всего Поволжского края» он изложил в письме Н. И. Бухарину и попросил довести его до высшего руководства страны. Всего 5 пунктов: о флотилии, об обеспечении безопасности флангов Восточного фронта, о концентрации основных сил в Симбирске и их перемещении для охвата Самары, наконец, мероприятия по восстановлению контроля над Транссибирской магистралью³⁷.

М. Н. Тухачевский позднее высмеял этот план, назвав его «сложным, фантастическим и совершенно невыполнимым»³⁸. Сам Тухачевский был выдвинут Реввоенсоветом фронта на должность командующего 1-й Революционной армией только 26 июня 1918 г., а прибыл к месту назначения ещё на два дня позже. К тому времени военное строительство во вверенных Муравьеву войсках стремительно расширялось. Самое главное – начался активный переход от отрядной системы к

дивизионной, а от неё к армейской. К этому подталкивали непрекращающиеся боевые действия.

Как сообщалось выше, директивы о формировании штабов армий были отправлены на места ещё 14 июня. С прибытием Муравьева на фронт его распоряжением от 19 июня войска, действовавшие в районе Пензы, Сызрани, Симбирска и Самары, сводились в 1-ю армию. На следующий день Реввоенсовет Восточного фронта принял постановление о создании Особой армии из войск, действовавших на саратовско-уральском направлении. Не позднее 21 июня приказом командования фронта советские войска в районе Уфы и Оренбурга объединились во 2-ю армию³⁹. Насчёт же создания 3-й армии решено было повременить, так как район её предполагаемых действий не вмещался в армейские рамки, был слишком широк и имел несколько оперативных направлений. За этим оперативно-тактическим объединением оставили прежнее название – Северо-Урало-Сибирский фронт⁴⁰.

Важно отметить принцип формирования соединений армий. Он реализовывался на существующей нормативно-правовой базе – «красноармейских штатах» и положении о полевом управлении войск⁴¹, то есть на документах, утверждённых Высшим военным советом для РККА.

Начали работать и другие важные нововведения главкома. Значимым стал обнародованный 24 июня приказ войскам фронта об отказе от методов эшелонной войны. Части переводились к «походной жизни», для чего организовывались обозы и служба связи⁴². Были утверждены разграничительные линии и состав фронта, разработаны оперативные направления и сформированы фронтовые управления (интендантское, инженерное, артиллерийское, медико-санитарное и ветеринарно-санитарное). Фронту подчинялись Окружные управления Приволжского и Уральского военного округов. Также Реввоенсовет вышел с просьбой к Высшему военному совету отвести прифронтовую полосу на территории Екатеринбургской, Уфимской, Пермской, Вятской, Саратовской, Оренбургской губерний и Уральской области⁴³. Эти первые приказы Муравьева говорили о курсе на организацию действующей армии на началах регулярного строительства и об окончательном отказе от «всеобщего вооружения народа» – от Красной гвардии.

В итоге на Восточном фронте стало воплощаться в жизнь то, что поначалу предписывалось совсем другим структурам. Речь идёт о решении Высшего военного совета формировать пехотные дивизии РККА в первую очередь из отрядов Завесы⁴⁴, прикрывавших западные границы Республики. Из 28 запланированных в пограничной полосе полевых дивизий к концу мая 1918 г. удалось сформировать только 4 соединения. А из 60 предполагаемых местных дивизий стратегического резерва во внутренних округах – ни одной⁴⁵. При этом даже с началом Чехословацкого мятежа дивизии

Завесы не планировалось перебрасывать на его подавление. Военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич никаких «революционных» фронтов не признавал и считал только Германию главной военной опасностью. Мало того, снабжением и пополнением Восточного фронта продолжал ведать Оперативный отдел (Оперод) Народного комиссариата по военным делам, располагавший меньшими возможностями, чем Всероссийский главный штаб, обязанный решать все вопросы, связанные с обороной Республики.

Неразбериха с верховным командованием не могла не сказаться на эффективности принимаемых руководством Восточного фронта мер. Но ещё больше тормозили дело взаимоисключающие указания Высшего военного совета. Так, в директиве от 15 июня Приволжскому и Уральскому окружным военным комиссариатам предлагалось активно содействовать командованию и штабу Восточного фронта, в том числе формированием частей и подразделений по утверждённым штатам. Причём особо подчёркивалось – «формирование так называемых “отрядов” избегать»⁴⁶. В другой директиве от 18 июня, обращённой к Реввоенсовету фронта, речь опять же шла об окружных военных комиссариатах, как базах формирования дивизий⁴⁷. Но уже директивами от 29 июня и 3 июля вся развернувшаяся на Восточном фронте военно-организационная работа сводилась к нулю. Действовавший против чехословаков фронт переименовывался в восточный участок, который вместо армий, состоящих из дивизий, делился теперь на группы отрядов. Из подчинения командованию участка изымались все территории и губернии, запрещалось формировать органы снабжения⁴⁸. Таким образом, все начинания М. А. Муравьёва по строительству регулярной действующей армии были сорваны. Его протестная телеграмма Троцкому 8 июля – не вмешиваться в военное руководство операциями из центра, так как это ведёт к сумбуру и катастрофе – уже ничего не решала.

М. Д. Бонч-Бруевич позже, в мемуарах, попытался оправдать столь противоречивые действия своего ведомства. С его слов, распоряжения Муравьёва не соответствовали обстановке и о них становилось известно с большим опозданием. Связи с военным руководством он не поддерживал, на запросы Высшего военного совета не отвечал и распоряжений его не исполнял. «Одним словом, – подчёркивает М. Д. Бонч-Бруевич, – считал себя подчиненным непосредственно правительству и... действовал вполне самостоятельно, пользуясь доверием Советской власти». Но самое главное – Муравьёв уже тогда готовил восстание и сознательно вредил делу военного строительства⁴⁹.

Вторит генералу и М. Н. Тухачевский, правда, уточняет, что Бонч-Бруевич тоже несёт ответственность, поскольку первое время считал выступление чехословаков «пустяковым делом». Муравьёва же он обвиняет в непрофессионализме

(«очень слаб в военном деле, почти безграмотен») и маниакальности («сделаться Наполеоном»). Его вывод – способности Муравьёва во много раз уступали масштабу притязаний. Вместе с тем Тухачевский расхваливает свою созидательную работу в 1-й армии, проделанную якобы вопреки деяниям главкома. Мало того, он говорит и о собственной «корректировке» распоряжений Реввоенсовета фронта при подготовке наступления на Самару, которые считал «сумасшедшими»⁵⁰. В общем-то, командующий армией имел право выбирать способы достижения поставленной ему цели⁵¹, но в данном случае Тухачевский скрыл это от командования фронтом, чем уже вносил дезорганизацию в общий ход операции. Не зря он опасался приезда главкома в расположение своей армии⁵². Наверное, и арест Тухачевского по прибытии 10 июля Муравьёва в Симбирск не выглядит столь однозначным, вернее не объясняется только словами маршала, что арестован он был как большевик⁵³. Становится понятной и оправдательная телеграмма Тухачевского в Наркомвоен сразу после убийства Муравьёва. Все неудачи 1-й армии списываются в ней на бывшего главкома⁵⁴.

Таким образом, версия о коварном главкоме-изменнике, планомерно готовившем мятеж и всячески вредившем работе по военному строительству на Восточном фронте, надолго утвердилась в отечественной историографии. Сделанные им первые шаги в сторону регулярной армии приписывались другим лицам. На роль военных организаторов Восточного фронта были определены А. Ф. Мясников и Н. И. Подвойский⁵⁵. Кроме того, выпячивалась работа членов РВС фронта П. А. Кобозева и Г. И. Благодрава, которые якобы всячески пресекали левоэсеровские интриги главкома, и если не предупредили мятежа, то сделали всё возможное для ликвидации его последствий⁵⁶. Но как тогда можно объяснить содержание вот такой телеграммы? Послана она Троцкому Благодравым из Казани, где обособился штаб Восточного фронта: «Положение в Казани хорошее. В гарнизоне есть дисциплина. Часть солдат 1-го советского полка, отквашившие ехать на фронт, расстреляны, остальные арестованы. В гарнизоне будут производиться занятия, объявлена мобилизация одного года. Не верьте никаким сообщениям, которые исходят помимо нас. Сделаем всё возможное, положение заметно улучшается. Муравьёв очень энергичен и работает не покладая рук». Мало того, в этой телеграмме большевики Кобозев и Благодрав просят назначить себе помощником левого эсера председателя Казанского губсовета А. Л. Колегаева⁵⁷.

Безусловно, антибольшевистское выступление М. А. Муравьёва ухудшило ситуацию на Восточном фронте. Вместе с тем замалчивание его положительной роли на начальном этапе советского военного строительства есть попрание истины. Правильность его начинаний подтвердилась деятельностью следующего главкома И. И. Вацетиса.

Примечания

- 1 Известия Саратовского совета. 1918. 14 июля. На самом деле М.А. Муравьев был убит в перестрелке.
- 2 См., например: Известия ВЦИК. 1918. 12, 13, 14 июля.
- 3 В документах и обиходе того времени оперативно-стратегическое объединение войск Красной армии, действовавших против восставшего Чехословацкого корпуса и внутренних антибольшевистских сил, именовалось по-разному: «противочехословацкий фронт», «внутренний фронт», «Восточный фронт». Официальное название фронта «Восточный» связано с приказом Реввоенсовета Республики об образовании фронтов от 11 сентября 1918 г.
- 4 По принятой тогда 12-балльной оценочной шкале: тактика – 12 баллов, строевая и стрелковая подготовка – 11, сведения об оружии, военная администрация и воинские уставы по 10 баллов. (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 30088. Л. 831–832, 836–837 об).
- 5 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 121112. Биография М.А. Муравьева частично описана: *Гриневиц Л.* Следственное дело главнома красных войск в Украине М. Муравьева // *Зеркало недели. Украина.* 2000. 15 апреля; *Савченко В. А.* Авантюристы гражданской войны : Историческое расследование. Харьков ; М., 2000. С. 43–63. В данных трудах совершенно отсутствуют какие-либо ссылки на источники и литературу.
- 6 Об инициативах М.А. Муравьева в организации добровольческого движения в армии см.: *Солнцева С. А.* Ударные формирования русской армии в 1917 году // *Отечественная история.* 2007. № 2. С. 47–59.
- 7 *Троцкий Л. Д.* Петроград // *Правда.* 1919. 30 октября.
- 8 М. А. Муравьев был произведен в подполковники приказом по армии и флоту 19 сентября 1917 г. (См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 121112. Л. 9).
- 9 См.: *Бонч-Бруевич М. Д.* Первые дни Красной армии // *Война и революция.* 1929. № 2. С. 36–56 ; *Он же.* Вся власть Советам. М., 1958.
- 10 *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 295.
- 11 *Голованов Н.* Разгром похода Керенского на Петроград // *Воен.-ист. журн.* 1961. № 4. С. 41.
- 12 Л.Д. Троцкий ошибается, указывая вместо подполковника чин полковника.
- 13 *Троцкий Л. Д.* Петроград // *Правда.* 1919. 30 октября.
- 14 *Антонов-Овсеенко В.А.* В семнадцатом году. М., 1933. С. 331.
- 15 Там же. С. 334.
- 16 *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 295.
- 17 См.: *Антонов-Овсеенко В.А.* В семнадцатом году. С. 331–332.
- 18 См.: *Савченко В. А.* Указ соч. С. 51–54.
- 19 Например, М.А. Нестерович-Берг приводит такой эпизод: «В Одессе произошла резня офицеров под руководством Муравьева. На кораблях “Аврора” и “Алмаз” помещался морской военный трибунал. Офицеров бросали в печи или ставили голыми на палубе в мороз и поливали водой, пока не превратятся в глыбы льда... Тогда их сбрасывали в море» (*Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большеви-
ками // *Зарождение Добровольческой армии.* М., 2001. С. 335). Но, как следует из дальнейшего текста, указанное событие случилось не позже 5 января 1918 г. В таком случае М.А. Муравьев не мог быть участником описанного события, т. к. распоряжение Ленина отправиться на русско-румынский фронт под Одессу он получил 17 февраля 1918 г. См.: *Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920).* М., 1969. С. 17.
- 20 См., например: *Базанов С. Н.* Демобилизация русской армии // *Воен.-ист. журн.* 1998. № 2. С. 27–37 ; *Булдаков В. П.* Красная смута : Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 220–266.
- 21 *Булдаков В. П.* Указ. соч. С. 253, 264.
- 22 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 80–81.
- 23 *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о Гражданской войне : в 4 т. М. 1924. Т. 1. С. 88–89.
- 24 Широко известен случай с председателем коллегии Наркомата по морским делам П. Е. Дыбенко. Во время наступления германских войск в феврале 1918 г. он командовал матросскими отрядами под Нарвой, которые бежали с поля боя, сдав противнику город. За это П. Е. Дыбенко был снят с поста наркома, исключён из большевистской партии и отдан под суд, хотя впоследствии и был оправдан.
- 25 О том, что А.Ф. Мясников был послан на Восточный фронт с целью организации центрального командования и руководства всеми частями, но не справился с этим см.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230. Л. 57–65; РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 533. Л. 57.
- 26 *Директивы Главного командования Красной армии (1917–1920).* М., 1969. С. 97–98.
- 27 В. И. Ленин. Биохроника. Т. 5 (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). URL: http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3823:iyun-1918-vtoraya-dekada&catid=104:tom-5&Itemid=61 (дата обращения: 12.07.2012).
- 28 Цит. по: *Ненароков А. П.* Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 75.
- 29 *Подвойский Н. И.* Чехословаки и контрреволюция. М., 1918. С. 11.
- 30 РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 533. Л. 13–15.
- 31 См.: *Чистов Б.Н., Жохов М. А.* Посланец партии. М., 1980. С. 18.
- 32 РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 17–18.
- 33 Там же. Л. 18–18 об.
- 34 Речь идёт о декрете СНК от 12 июня 1918 г. «О призыве и приёме на военную службу в 51 уезде Приволжского, Уральского, Западно-Сибирского военных округов рабочих и крестьян, родившихся 1893–1897 гг.».
- 35 РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 18–18 об.
- 36 См., например: *Софинов П. Г.* Очерки истории ВЧК. М., 1960. С. 79; *Ненароков А. П.* Указ. соч. С. 97–101.
- 37 РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 30–30 об.
- 38 *Тухачевский М. Н.* Первая армия в 1918 году // *Революция и война.* Сб. 4–5. Б.м., 1921. С. 192–193.
- 39 См.: *Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.)* : в 4 т. Т. 1. М., 1972. С. 386–389.

- ⁴⁰ См.: Берзин Р. И. Этапы в строительстве Красной армии. Харьков, 1920. С. 78.
- ⁴¹ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 387. Штат пехотной дивизии РККА был утвержден приказом Наркомвоена № 308 от 26 апреля 1918 г.
- ⁴² См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 389.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230. Л. 74, 76.
- ⁴⁴ Завеса – система оперативных объединений, состоявших из отдельных отрядов Красной армии. Создана Высшим военным советом для обороны демаркационной линии, после Брестского мира и прикрытия главных операционных направлений, ведущих к центрам страны, от вторжений германских войск. – Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 211.
- ⁴⁵ См.: Бонч-Бруевич М. Д. Первые дни Красной армии. С. 44–49; Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965. С. 183, 190.
- ⁴⁶ Директивы Главного командования Красной армии. С. 99.
- ⁴⁷ Там же. С. 101.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230. Л. 77–81.
- ⁴⁹ Бонч-Бруевич М. Д. Первые дни Красной армии. С. 52–53; Он же. Вся власть Советам. С. 296–297, 299–302.
- ⁵⁰ Тухачевский М. Н. Указ. соч. С. 191–196.
- ⁵¹ В РККА согласно приказу Наркомвоена № 403 от 27 мая 1918 г. вводилось использование уставов и наставлений старой армии, в том числе «Положения о полевом управлении войск в военное время», где были определены права главнокомандующего армиями фронта и командующего армией.
- ⁵² См.: Тухачевский М. Н. Указ. соч. С. 195.
- ⁵³ Там же. С. 195–196.
- ⁵⁴ См.: Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 г. – март 1919 г.): сб. документов : в 2 т. Т. 1. Ульяновск, 1958. С. 85.
- ⁵⁵ В этом смысле показательное исследование А.П. Ненарокова – одно из лучших по истории Восточного фронта Гражданской войны. Тем не менее, автор рассматривает деятельность М.А. Муравьева только в контексте, обозначенном М.Д. Бонч-Бруевичем и М.Н. Тухачевским. (См.: Ненароков А. П. Указ соч. С. 71–77).
- ⁵⁶ Этой версии активно придерживались Б. Н. Чистов и М. А. Жохов в книге о П. А. Кобозеве. (См.: Чистов Б. Н., Жохов М. А. Указ. соч. С. 10–70).
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76 Л. 191.

УДК [358.4:359](47=57)|1939/1941|

СОСТОЯНИЕ АВИАЦИИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Л. Герасимов

Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Москва
E-mail: gerasimov-moravia81@yandex.ru

Статья посвящена состоянию авиации Военно-морского флота накануне Великой Отечественной войны. Особое внимание в статье уделено военно-воздушным силам Балтийского флота.

Ключевые слова: состояние ВВС флотов, начало Великой Отечественной войны, военно-воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота.

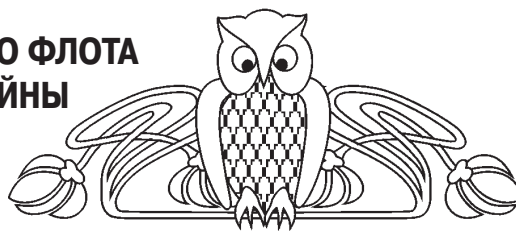
The State of USSR Navy Aviation Before the Beginning of the Great Patriotic War

V. L. Gerasimov

The article is devoted to Navy aviation before the beginning of the Great Patriotic War. The particular attention in the material is paid to the air forces of the Baltic Fleet.

Key words: State of the Air Force fleet, Great Patriotic War, Air Forces of the Baltic Fleet.

Состояние военно-воздушных сил (ВВС) всех четырёх военно-морских флотов (ВМФ) СССР к началу Великой Отечественной войны можно подробно рассмотреть на примере ВВС Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) и, отметив особенности ВВС Черноморского, Северного и

Тихоокеанского флотов, воспроизвести общую картину¹.

Из флотов европейской части СССР больше всего боевых самолетов (летательных аппаратов – ЛА) имелось в ВВС КБФ – 682² (табл. 1)³. При этом необходимо учесть, что авиация на Балтике располагала еще и специальными (транспортными, санитарными и учебными) самолетами, которых насчитывалось 131 крылатая машина (табл. 2)⁴.

Авиационный парк летательных аппаратов морской авиации на Балтике обладал весьма большим разбросом летно-технических характеристик самолетов (табл. 3)⁵. Но не только количеством самолетов и их параметрами характеризовались ВВС КБФ к началу войны. Большое значение имели на то время организационные формы советской морской авиации.

ВВС КБФ – оперативное объединение. Организационно они состояли из Управления, авиационных соединений, отдельных частей морской авиации и частей обеспечения. Соединениями являлись авиационные бригады, а частями

Таблица 1

Боевые самолёты ВВС КБФ

№	Название самолета (тип ЛА)	Количество ЛА		
		Общее	Боевых	Неисправных
1	Торпедоносец ДБ-3ф	35	29	6
2	Торпедоносец ДБ-3г	3	0	3
3	Бомбардировщик ДБ-3	46	42	4
4	Бомбардировщик АР-2	18	15	3
5	Бомбардировщик СБ	78	68	10
6	Бомбардировщики ТБ-3	4	3	1
Итого самолетов БА и МТА		184	157	27
7	Истребитель МиГ-1	6	6	0
8	Истребитель МиГ-3	7	6	1
9	Истребитель И-15	37	32	5
10	Истребитель И-16	185	163	22
11	Истребитель И-153	96	90	6
Итого самолетов ИА		331	297	34
12	Разведчик Че-2	5	5	0
13	Разведчик КОР-1	6	6	0
14	Разведчик Р-5	28	20	8
15	Разведчик МБР-2	125	107	18
16	Разведчики других типов	3	3	0
Итого самолетов РА		167	141	26
Всего самолетов в ВВС КБФ		682	595	87

Примечание. ЛА – летательный аппарат, БА и МТА – бомбардировочная и минно-торпедная авиация, ИА – истребительная авиация, РА – разведывательная авиация.

Таблица 2

Количество самолётов вспомогательного назначения в ВВС КБФ

№	Название самолета (тип ЛА)	Количество ЛА		
		Общее	Исправных	Неисправных
1	Транспортный ПС-84	3	3	0
2	Транспортный МП	3	3	0
3	Санитарный С-2	5	5	0
Итого транспортных и санитарных ЛА		11	11	0
4	Учебный УТ-1	21	16	5
5	Учебный УТ-2	12	11	1
6	Учебный УТИ-4	22	19	3
7	Учебный У-2	65	54	11
Итого учебных ЛА		120	100	20
Всего самолетов вспомогательного назначения		131	111	20

Примечание. Обозначения см. табл. 1.

Таблица 3

Лётно-технические характеристики боевых самолётов морской авиации

Характеристика	Бомбардировщики и торпедоносцы	Истребители	Разведчики
Скорость, км/ч	395–435	350–489	215–360
Практический потолок, м	7800–10000	7500–11000	4200–8700
Радиус действия, км	900–2000	250–420	400–1250

– отдельный авиационный полк, авиационные полки и отдельная Краснознаменная авиационная эскадрилья в составе авиационных бригад, отдельные авиационные эскадрильи. В составе авиационного тыла имелись авиационные базы, также являвшиеся воинскими частями.

В состав Управления ВВС КБФ⁶, которое к началу войны возглавлял командующий балтийской авиацией генерал-майор авиации В. В. Ермаченков (в июле 1941 г. его на этой должности сменил генерал-майор авиации М. И. Самохин), входили штаб, тыл, инженерно-авиационная служба и политический отдел. Основным рабочим органом Управления ВВС КБФ являлся штаб, организационно состоящий из оперативного, организационно-мобилизационного, разведывательного отделов и ряда служб.

Ядром ВВС на Балтике были три авиационных соединения – 8-я, 61-я и 10-я авиационные бригады⁷. Каждая авиабригада состояла из управления, нескольких авиационных частей и подразделений обслуживания. 8-я бомбардировочная авиабригада (бабр) включала в свой состав 1-й минно-торпедный и 57-й бомбардировочный авиационные полки. 61-я истребительная авиационная бригада (иабр) состояла из 5-го истребительного авиационного полка и двух отдельных Краснознаменных эскадрилий – 12-й и 13-й. 10-я смешанная авиационная бригада (сабр) имела в составе 13-й и 71-й истребительные авиационные полки и 73-й бомбардировочный авиационный полк.

8-я бабр базировалась на аэродромах Ленинградской области – Беззаботное, Котлы, Копорье, Клопицы. 57-м бомбардировочным авиационным полком командовал полковник Е. Н. Преображенский, который с началом войны возглавил 1-й минно-торпедный авиационный полк (мтап), а затем в августе 1941 г. руководил авиагруппой, созданной на базе этого полка, наносившей первые бомбовые удары по столице Германии – Берлину. Под командованием Е. Н. Преображенского в январе 1942 г. полк стал первой гвардейской воинской частью в составе ВМФ СССР⁸. За годы войны в составе полка 33 человека получили звание Героя Советского Союза и еще 10 воспитанников первого гвардейского стали Героями в составе других частей морской авиации Краснознаменной Балтики. В 1-м гвардейском авиаполку вырос и маршал авиации Иван Иванович Борзов, который в 1941 г. воевал в его составе рядовым летчиком.

Базирование 61-й иабр осуществлялось на аэродромах в районе Ленинграда – Низино, Липово, Куммолово и Купля. Части этой бригады тоже отличились в самом начале Великой Отечественной войны. 10-я сабр базировалась на аэродромах Таллина, Ханко, Пернова и Керстово. В январе 1942 г. 5-й и 13-й истребительные авиационные полки 61-й и 10-й сабр стали соответственно 3-м и 4-м гвардейскими истребительными авиаполками морской авиации.

15-й отдельный морской разведывательный полк свои подразделения размещал на аэродромах Выборга, Ораниенбаума, Вейно и Гора-Валдая. 71-я отдельная бомбардировочная авиационная эскадрилья размещалась на аэродроме Копорье. 15-я, 41-я, 43-я, 44-я, 58-я и 81-я морские отдельные разведывательные авиационные эскадрильи базировались на аэродромах республик Прибалтики.

Всего аэродромная сеть ВВС КБФ, разбросанная по театру военных действий, имела 27 аэродромов морской авиации, из них 12 гидроаэродромов⁹.

Строевые части морской авиации¹⁰ в достаточной степени были укомплектованы летным и инженерно-техническим составом. Так, например, в 8-й бабр, на вооружении которой состояло 16 скоростных бомбардировщиков СБ, 46 дальних бомбардировщиков ДБЗ и 35 ДБЗф, на начало войны было 115 летчиков, из которых 19 летали ночью¹¹.

Определенные трудности имели место в боевом управлении соединениями и частями ВВС КБФ. Управление ВВС флота проводную связь имело только с 10й сабр, базировавшейся на территории Эстонии. С остальными организационными структурами морской авиации Балтики проводная связь отсутствовала. Управление из Таллина двумя другими авиационными бригадами и 15-м отдельным полком, которые располагались в районе Ленинграда и Ленинградской области, приходилось осуществлять по радио или через специальные самолеты связи (транспортные самолеты). В районе Ленинграда дело со средствами управления обстояло значительно лучше. Здесь, кроме радио, имелась и функционировала сеть телефонной, телеграфной и селекторной связи.

Большое значение имел ввод к началу Великой Отечественной войны в строй первого радиоузла ВВС ВМФ, который был построен на Балтийском флоте. На передающем центре были смонтированы радиопередатчики суммарной мощностью 4 кВт. Приемный радицентр обеспечивал двенадцать приемных радиостанций¹².

К началу Великой Отечественной войны в составе тыла военно-воздушных сил флота было всего пять авиационных баз, два авиационных склада и четыре склада боеприпасов. Материально-техническое обеспечение летных частей осуществлялось авиационными базами, которые, в свою очередь, получали авиационно-техническое снабжение и боеприпасы, кроме торпедного и минного оружия, через тыл военно-воздушных сил флота, а остальное снабжение, в том числе торпедное и минное оружие, непосредственно через тыл флота¹³.

Необходимо упомянуть и о противовоздушной обороне (ПВО) флота. На Балтике ПВО осуществлялась истребительной авиацией, наземными силами и средствами (зенитная артиллерия, зенитные пулеметы, прожектора, подразделения воздушного наблюдения, оповещения и связи) и зенитной артиллерией кораблей. На начало войны

ПВО флота имела в своем составе 93 зенитные батареи, в которых насчитывалось 370 орудий и более 320 зенитных пулеметов. Все подразделения, прикрывавшие объекты с воздуха, и силы военно-морской базы, где они сосредоточивались, составляли участок ПВО. В его состав входили постоянные наземные силы и средства ПВО, а также истребительная авиация, которая в оперативном отношении подчинялась начальнику участка. В таком же отношении была и зенитная артиллерия находившихся в базе кораблей. Всеми силами противовоздушной обороны руководил начальник ПВО флота, который со своим штабом был подчинен командующему ВВС флота¹⁴.

Положительным в состоянии ВВС КБФ к началу Великой Отечественной войны было: наличие своей авиации, которой еще 3,5 года назад в составе флота не было; наличие всех существующих на тот момент родов морской авиации; присутствие боевого опыта у большей части летного состава военно-воздушных сил флота (приобретенного в Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг.); высокий процент исправности парка боевой авиационной техники (87,2 %); укомплектованность боевых частей морской авиации инженерно-техническим составом на 100 %; опыт взаимодействия с военно-воздушными силами Ленинградского военного округа; достаточно развитая в рамках одного флота аэродромная сеть; осуществление доподготовки летного состава непосредственно в организационных структурах ВВС флота и подготовка технического состава на базе школы младших авиационных специалистов.

Наряду с положительным, имелись и недостатки: наличие большого количества истребителей в составе ВВС флота (48,5 %) в ущерб бомбардировочной и минно-торпедной авиации (около 27%); большое количество устаревшей авиационной техники; удаленность месторасположения Управления ВВС флота от своих главных ударных сил; трудности в осуществлении боевого управления; недостаточное количество тыловых структур; малое количество подготовленного к действиям в ночных условиях летного состава; незавершенность строительства аэродромной сети в Эстонии; слабое оборудование радионавигацией Балтийского морского театра военных действий. Несмотря на имевшие место трудности и недостатки, морская авиация на Балтике к началу войны представляла собой боеспособное авиационное объединение в составе КБФ.

ВВС Черноморского флота (ЧФ) к июню 1941 г. организационно состояли из двух авиационных бригад, двух авиационных полков, отдельной авиагруппы, одиннадцати отдельных авиационных эскадрилий и двух отдельных авиационных отрядов.

63-я бомбардировочная авиабригада включала в свой состав 2-й и 40-й бомбардировочные полки. В составе 62-й истребительной авиационной бригады числились 8-й, 9-й и 32-й ис-

требительные полки. Отдельными эскадрильями являлись 70-я и 78-я бомбардировочные, 87-я, 93-я и 96-я истребительные, 16-я, 45-я, 60-я, 80-я, 82-я и 83-я разведывательные авиационные эскадрильи. Отдельная авиагруппа состояла из трех авиационных эскадрилий. Двумя отдельными авиаотрядами являлись 98й радиоотряд и отряд корректировочной авиации¹⁵.

На Северном флоте (СФ) к началу Великой Отечественной войны ситуация с морской авиацией была совершенно иная, чем на Балтике и Черном море. СФ уступал КБФ и ЧФ не только в количестве самолетов, но и в наличии существующих организационных структур. ВВС СФ по состоянию на 22 июня 1941 г. организационно состояли всего лишь из трех летных частей. Отдельными авиационными частями являлись два авиационных полка (72-й смешанный и 118-й разведывательный) и одна отдельная авиационная эскадрилья (49-я оаз). Были еще два отдельных авиационных звена (24-е связи и 34-е санитарное), которые считались отдельными авиационными подразделениями. Основными частями обеспечения авиационных полков являлись 30-я авиабаза (обеспечивала 72-й сап) и 15-я авиационная база (функционировала в интересах 118-го разведполка).

72-й сап имел в составе пять авиационных эскадрилий (четыре истребительных и одну бомбардировочную). На вооружении авиаполка состояли истребители И-15бис, И-16, И-153 и бомбардировщики СБ. К началу ведения боевых действий в полку числилось 45 истребителей и 11 скоростных бомбардировщиков.

Сформированный в 1939 г. на базе 45й ближнеразведывательной морской эскадрильи 118-й морской ближнеразведывательный авиационный полк¹⁶ имел на вооружении гидросамолеты МБР-2 и ГСТ. В 49-й отдельной авиационной эскадрильи насчитывалось десять МБР-2, а 24-е авиазвено связи было оснащено двумя МБР-2.

Минно-торпедная и штурмовая авиация в составе ВВС СФ на начало Великой Отечественной войны отсутствовала.

Военно-воздушные силы Тихоокеанского флота (ТОФ) являлись резервом для флотов европейской части СССР. При этом парк летательных аппаратов флота был весьма значителен и составлял 744 самолета, из которых 609 летательных аппаратов были боевыми самолетами. В случае начала войны с Японией ВВС ТОФ, как оперативное объединение флота, готовы были к ведению военных действий на Дальнем Востоке.

На востоке страны имелись еще два авиационных объединения морской авиации – ВВС Северо-Тихоокеанской флотилии (СТОФ) и ВВС Краснознаменной Амурской военной флотилии (КАВФ), в которых насчитывалось 135 и 116 самолетов соответственно.

Своя авиация имела и в составе Пинской (ПВФ) и Каспийской (КВФ) военных флотилий.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны были введены штаты основных формирований ВВС ВМФ.

Так, 2 апреля 1941 г. народный комиссар Военно-морского флота Союза ССР адмирал Н. Г. Кузнецов утвердил штаты № 30/161 управления авиационной бригады, № 30/162 управления авиационного полка, № 30/142 морской дальноразведывательной авиационной эскадрильи, № 30/143 авиационной истребительной эскадрильи, № 30/144 авиационной эскадрильи ближних двухмоторных бомбардировщиков, № 30/145 авиационной эскадрильи дальних двухмоторных бомбардировщиков, № 30/146 морской ближне-разведывательной авиационной эскадрильи, № 30/130 транспортного авиационного отряда, № 30/135 санитарного авиационного звена¹⁷. 3 апреля наркомом были утверждены штаты № 30/152 авиационной эскадрильи учебно-резервного авиаполка ВВС ВМФ и № 30/163 управления смешанного учебно-резервного авиационного полка ВВС ВМФ¹⁸. С этими новыми штатами авиационных формирований и встретили Великую Отечественную войну морские авиаторы.

Будет не лишним подробнее остановиться на незавершенном к началу войны перевооружении военной авиации (в том числе и морской) на новые типы самолетов. Известно, что на 22 июня 1941 г. в составе авиачастей западных приграничных военных округов только около 20% самолетов были новых типов: МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3 и Пе-2¹⁹. В морской же авиации, по нашим данным, процент новых самолетов на начало войны был еще меньше и составлял около 11–12% от общего числа боевых самолетов всех четырех флотов. Основные количественные данные по летательным аппаратам морской авиации, проценту исправности

авиационной техники и количеству боеготовых летных экипажей к началу Великой Отечественной войны представлены в табл. 4²⁰.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны была создана четкая структура ВВС ВМФ, включающая в свой состав Управление ВВС ВМФ, части центрального подчинения, военно-воздушные силы флотов и флотилий, авиацию флотилий, определены основные рода авиации ВМФ – бомбардировочная и минно-торпедная авиация, истребительная авиация, разведывательная авиация. Бомбардировочная и минно-торпедная²¹ авиация была представлена в основном самолетами СБ, ДБ-3ф (Ил-4), ДБ-3, ТБ-3, Ар-2, на вооружении истребительной авиации состояли самолеты МиГ-1, МиГ-3, ИЛ5-3, И-5, И-15, И-16, разведывательной – Че-2, КОР-1, Р-5, МБР-2, ГСТ.

К 22 июня 1941 г. ВВС флотов организационно включали бригады, отдельные авиаполки и авиационные эскадрильи. Кроме этого части и отдельные подразделения ВВС имелись на четырех флотилиях.

Истребители в ВВС ВМФ к началу войны составляли 38,1 %, разведчики – 25,6 %, бомбардировщики и торпедоносцы – 19,2 %, а на долю специальной авиации (транспортной, санитарной, связи, учебной) приходилось 17,1 % от численности самолетного парка всей морской авиации соответственно.

Морская авиация вступила в войну, находясь на стадии совершенствования организационно-штатной структуры и технического перевооружения. Штурмовики, пикирующие бомбардировщики, противолодочные самолеты в ее составе полностью отсутствовали, недостаточным было и количество торпедоносцев. Зато чрезмерно велико

Таблица 4

Количество самолетов, процент исправности авиационной техники и количество боеготовых летных экипажей ВВС ВМФ по состоянию на 22 июня 1941 г.

ВВС флота, ВВС флотилии, авиация флотилии	Всего ЛА	Всего исправ. ЛА	% исправности ЛА	Всего боевых ЛА	Всего исправ. боевых ЛА	% исправности боевых ЛА	Кол-во боеготовых экипажей
ВВС СФ	142	123	86,6	116	97	83,6	147
ВВС КБФ	813	706	86,8	682	595	87,2	703
ВВС ЧФ	794	661	83,2	639	543	85,0	506
ВВС ТОФ	744	668	89,8	609	559	91,8	595
ВВС СТОФ	135	112	83,0	126	104	82,5	101
ВВС КАВФ	116	79	68,1	104	68	65,4	78
Авиация ПВФ	20	16	80,0	14	10	71,4	Данных нет
Авиация КВФ	15	15	100	13	13	100	Данных нет
Итого по ВВС флотов	2493	2158	86,6	2046	1794	87,7	1951
Итого по ВВС ВМФ	2779	2380	85,6	2303	1989	86,4	Данных нет*

*Данные не подсчитаны из-за отсутствия информации о количестве боеготовых экипажей в авиационных структурах Пинской и Каспийской военных флотилий.

было количество истребителей, что явилось следствием длительного пребывания морской авиации в межвоенный период в составе ВВС Красной армии и недостаточной активностью руководства Народного комиссариата ВМФ в 1938–1941 гг. по совершенствованию структуры морской авиации.

Разведывательная авиация ВМФ была в основном укомплектована гидросамолетами МБР-2, к тому времени уже устаревшими. В истребительной авиации в ВВС действующих флотов более 80% самолетов составляли истребители И-5, И-15, И-16 и И-153 (многие из них с заканчивающимся техническим ресурсом). В бомбардировочной авиации 45–48% приходилось на долю СБ, ДБЗ которые также нельзя было отнести к новой авиационной технике. Начало войны застало летный состав истребительной авиации ВВС ВМФ переучивающимся на новые типы истребителей МиГ-3 и Як-1, а бомбардировочной и минно-торпедной авиации – на летательные аппараты ДБ-3ф и Ар-2.

В дальнейшем в ходе Великой Отечественной войны шло активное устранение имеющихся недостатков. В итоге, по результатам боевой деятельности военно-морских сил СССР, морская авиация по сравнению с подводной и надводной составляющими ВМФ стала основной ударной силой.

Примечания

- 1 К началу Великой Отечественной войны авиация ВМФ СССР состояла из трех родов: бомбардировочная и минно-торпедная авиация; истребительная авиация; разведывательная авиация.
- 2 На Черноморском флоте в то время было 625 машин, а в ВВС Северного флота – 116 самолетов. См.: *Жуматий В. И.* Боевой и численный состав Военно-морского флота СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): статист. сб. М., 2006. С. 42. Несколько иные данные приводятся в статье Н. М. Лаврентьева и В. Т. Мельникова. Они, в частности, пишут: «К началу Великой Отечественной войны в боевом составе авиации флота (подразумеваются ВВС Балтийского флота. – В. Г.) имелось 656 боевых самолетов, в том числе 172 бомбардировщика и торпедоносца, 353 истребителя и 137 морских разведчиков. По типам самолетов: бомбардировщики и торпедоносцы – ДБЗф (Ил4), ДБЗ, СБ, истребители – И16, И15бис, морские разведчики – МБР2, Че-2». См.: *Лаврентьев Н. М., Мельников В. Т.* Грозные крылья Балтики // *Морская газета*. 2005. 22 февраля. Однако, сложив число боевых самолетов по родам морской авиации – 172, 353 и 137, мы получим 662, что на шесть больше заявленной тут же в цитате величине – 656 боевых машин. При этом вместо 16 типов летательных аппаратов, указанных в табл. 1, авторы в своем материале указывают лишь 7 типов самолетов.
- 3 Табл. 1 составлена по: Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Ч. II. Военно-воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне. М., 1963. С. 89, 1113; Ежемесячный отчет штаба ВВС КБФ о состоянии и дислокации частей ВВС КБФ на 1 июня 1941 года. Таллин, 1941. С. 35; *Жуматий В. И.* Указ. соч. С. 42–44; *Моряки-балтийцы в боях за Родину (1941–1945)*. Калининград, 2005. С. 18.
- 4 Табл. 2 составлена по: Ежемесячный отчет штаба ВВС КБФ о состоянии и дислокации частей ВВС КБФ на 1 июня 1941 года. С. 5; *Жуматий В. И.* Указ. соч. С. 44.
- 5 Табл. 3 составлена по: *Маслов М. А.* Скоростные бомбардировщики СБ. Война. М., 2007. С. 48; *Петров Г. Ф.* Гидросамолеты и экранопланы России. 1910–1999. М., 2000. С. 106107, 126127, 148, 149; *Шавров В. Б.* История конструкций самолетов в СССР до 1938 года. М., 1994. С. 450, 485489, 491497, 529531, 672675; *Он же.* История конструкций самолетов в СССР 1938–1950 гг. М., 1994. С. 14, 476, 490, 496.
- 6 К началу войны управление ВВС КБФ располагалось в Таллине.
- 7 Командиры: 8-й авиационной бригады – полковник Николай Константинович Логинов, 61-й авиационной бригады – полковник Андрей Михайлович Морозов и 10-й авиационной бригады генерал-майор авиации Николай Трофимович Петрухин.
- 8 Подробнее см.: *Герасимов В. Л.* Гвардия советской морской авиации // *Кавалер*. 2003. № 10. С. 8196.
- 9 См.: *Моряки-балтийцы в боях за Родину (1941–1945)*. С. 18.
- 10 Основными тактическими частями являлись авиационный полк и отдельная авиационная эскадрилья.
- 11 См.: Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне... Ч. II. С. 8.
- 12 См.: *Авиация Российского флота / под ред. И.Д. Федина*. Кн. 2. СПб., 2001. С. 63.
- 13 См.: Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне... Ч. II. С. 19.
- 14 См.: *Моряки-балтийцы в боях за Родину (1941–1945)*. С. 15.
- 15 См.: *Катаев Э. С.* Боевые действия морской авиации в Великой Отечественной войне. СПб., 2006. С. 24.
- 16 20 марта 1943 г. переформирован в 118-й разведывательный авиационный полк.
- 17 Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 9. Д. 23618. Л. 307.
- 18 Там же. Л. 199, 202.
- 19 См.: *Сиников А. А.* Господство в воздухе: история и перспективы // *Военная мысль*. 2009. № 3. С. 43.
- 20 Данные в табл. 4 подсчитаны по: *Жуматий В. И.* Указ. соч. С. 42–44.
- 21 Иначе – торпедоносная авиация.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 930.2

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Е. Г. Блосфельд

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
E-mail: genhist@mail.ru

Автор указывает на основные проблемы исторической науки – проблемы изучения переходных эпох, общих понятий, терминологии, места марксизма в методологии исторической науки и др.

Ключевые слова: современная историческая наука, общие понятия, марксистская методология, историческая терминология.

Remarks about Separatly Problems of the Historical Science

E. G. Blosfeld

The author indicate the principal problems of the modern historic science: problems of research of the traditional epochs, the general ideas, conceptions, the place of Marxism in historic methodology and etc.

Key words: modern historic science, general ideas, Marxist methodology, historic terminology.

Кризис исторической науки, начавшийся в конце 60-х гг. прошлого века и вызвавший к жизни «новую историческую науку», затем кризис, связанный с «лингвистическим поворотом» и выступлениями постмодернизма, а после полная растерянность в связи с полным кризисом марксизма, развалом СССР и социалистической системы – все это особенно сказалось на развитии российской науки. Сегодня этот кризис в значительной мере пошел на спад, приведя к нормальному диалогу ученых-историков, однако говорить о его конце не приходится.

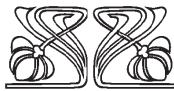
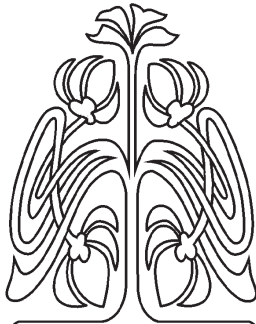
Смена научных парадигм и отказ от марксизма как единственной методологии исторического исследования в нашей стране привели к большому интересу к особенностям исторического познания, к появлению новых направлений (как и во всем мире), таких как гендерная история, история повседневности, локальная история, развился жанр исторического портрета. На этом пути появились отдельные интересные работы.

Но одновременно наметились калейдоскопичность истории, мелкотемье, начали размываться общие понятия и сам предмет истории.

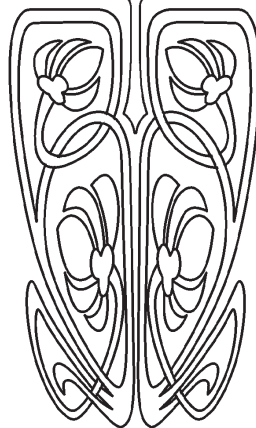
Профессор П. Ю. Уваров очень правильно отметил это относительно периода феодализма и самого содержания этого понятия¹. Но то же самое в ничуть не меньшей степени относится и к проблемам истории Нового и Новейшего времени.

Капитализм как понятие, проблема переходных эпох, соотношение власти и социально-экономических отношений – эти проблемы, на мой взгляд, сейчас совершенно отступили на задний план в исторической науке. В то же время они требуют рассмотрения в свете новых социально-экономических и социально-политических условий в мире.

Оживившийся вновь интерес к страноведению при остывании интереса к глобальной истории (не совсем оправданного в обстановке нынешнего подъема массового движения на Ближнем Востоке, в Северной Африке и во всей Европе) приводит к изолированному рассмотрению истории разных стран и разных этносов в разные эпохи. Вновь

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

назрели необходимость собирания и сравнения всех накопленных исторических знаний.

Призыв В. И. Уколовой к синхронной истории² очень своевременен. Я бы добавила, что анализ синхронных внепричинных явлений и связей приводит и к выяснению более точных причинных и закономерных связей, так как никакие явления и события в одной стране, по большому счету, не происходят без разного рода внешнего влияния (торговли, политических конфликтов, дипломатии, экономической конкуренции и т. п.), и в наше время – особенно. При этом всегда при синхронном рассмотрении явлений и событий история отмечает и асинхронность их содержания: в одно и то же время разные регионы развиваются неодинаково и могут находиться на разных стадиях социального развития.

Большое внимание к личностному фактору в истории, как явление само по себе положительное привело к появлению в отечественной исторической науке массы работ, посвященных исключительно частной жизни видных исторических личностей, их интимным отношениям, что является самоцелью авторов, вне учета исторических условий и места этих личностей в истории. «Безлюдная» или «многолюдная» история смешалась с «многолюдьем» без понимания смысла так, что же эти люди делали в истории, таким «гламуром». Но чаще всего в этих работах имеется плохо скрытый политический подтекст. Это работы об И. В. Сталине, о В. И. Ленине и его отношениях с И. Ф. Арманд и т. п.

Субъектно-объектный характер исторического исследования как выражение аналогичного характера предмета исследования – истории сознательно действующих людей – составляет специфику истории с естественными и так называемыми точными науками. Очень нужна работа над понятиями, углубление понимания переменчивости и конкретности содержания понятий при исследовании исторического прошлого породило в последнее время тенденцию к созданию языка историка, но следствием этого явились две другие проблемы.

1. Многие историки отказываются от интерпретации и оценки исторических фактов, как неизбежно выражающих их субъективное восприятие, отказываются от важнейших завоеваний историзма XIX–XX вв., дабы не впасть в постмодернизм. Но разве приходит кому-то в голову отрицать научность данных агрономии, метеорологии, географии и т. п., хотя в них имеется масса различных, противоречащих друг другу, трактовок, причин сегодняшнего изменения климата, поведения планет, тектонических изменений? Все эти трактовки тоже создают элемент субъективности.

2. Возникла проблема (кстати, она существует уже давно) определенного научного единства или соглашения в вопросах терминологии. Сегодня историки, философы, социологи говорят часто об одном и том же как будто на разных языках. Так,

философы говорят о периоде модерна (XIX – середина XX в.) и постмодерна (со второй половины XX в.), рассматривая историческую науку в этих временных рамках. Между тем в исторической науке термины «модернизм» и «постмодернизм» более конкретны, характеризуются культурными признаками, привязаны к более узким временным периодам и оба относятся ко второй половине XX в. (постмодерну с точки зрения философии). По общепризнанной же периодизации в «модерн» входят и романтизм, и позитивизм, и марксизм, и весь историзм XIX в.

Свою лепту в эту «разноголосицу» терминов вносят и безумные иноязычные заимствования, не всегда необходимые, но затрудняющие понимание исторических текстов современных исследователей.

Более всего, однако, в результате обновления методологии истории досталось марксизму. Причем и здесь часто «торчат уши» моды, политизированности, конъюнктуры. На одном из ученых собраний пришлось даже услышать, что К. Маркс – вернее, его методология – это «дохлая собака», которой «пора на свалку». При всех погрешностях марксизма, вызванных временем, прошедшим с периода его оформления, а также его догматизацией, современные социально-экономические и социально-политические кризисы при всех их особенностях позволяют увидеть многие аналогии с прошлым и убеждают в верности и глубине многих оценок К. Маркса, в применимости его методологической позиции и сегодня. Кстати, его оппоненты, как ярые, так и более благожелательные, в 60–70-е гг. XX в. не торопились отправлять его на свалку: К. Поппер, Р. Арон, Ф. Бродель отдавали Марксу должное и признавали его влияние на свое творчество и на историческую науку.

Давно пора, на мой взгляд (и это высказывалось уже многими), закончить спор между формационным, культурологическим и цивилизационным подходами, признать правомерность и тех и других, возможность их сочетания в зависимости от задач исследования.

Надо признать, что К. Маркс (не догматический марксизм) во время сильнейшего методологического кризиса исторической науки во второй половине XIX в. применением диалектно-материалистической философии к историческому процессу дал надежную научную опору историкам в их исследовании прошлого, в понимании связи эпох, вселив в них оптимистическую веру в научность добытых ими знаний. К Маркс показал образец системного анализа исторических явлений (того же капитала и капитализма) во всех их связях и исторических проявлениях, образец выявления сущности в конкретном, частного во всеобщем, общего в частном.

Почему же сегодня, говоря о революциях XVII, XVIII, XIX вв., историк не может использовать общих понятий применительно к ним и к

любому конкретному событию? И что же будет представлять без этих понятий история?

Все сегодняшние рассуждения, повторяющие старые, еще домарксистские утверждения о том, что английская революция и Французская революция XVIII в. не были буржуазными, что буржуазии в современном смысле слова тогда не было, что Октябрьская революция в России не была пролетарской и социалистической и тому подобное, – это пустой разговор, подтверждающий лишь эволюцию исторических и социологических понятий, но не отвергающий выводов и оценок К. Маркса. Ибо, в конце концов, кому же на пользу прежде всего пошли английская и Великая французская революции, как не буржуазии? И разве не они способствовали утверждению капитализма в Англии, Франции, в Европе в целом? Аналогичный вывод можно сделать и об Октябрьской революции, от которой выиграли именно пролетарские низы города и деревни.

Все современные ревизионистские рассуждения о характере этих революций не опровергают марксовы оценки, а лишь подтверждают необходимость наведения порядка в исторической терминологии.

Отмеченные здесь некоторые проблемы нашей исторической науки, вернее, ее методологии, должны решаться в целом сообществе историков.

Примечания

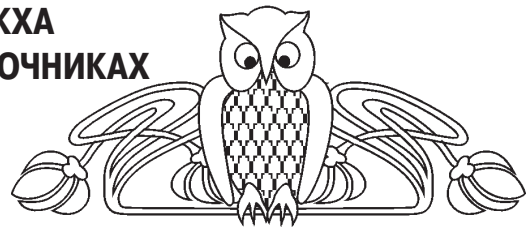
- ¹ Уваров П. Ю. «Мы теряем его». Сообщество российских медиевистов между 1985 и 2010 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. I. Историческая наука в современной России. М., 2010. № 1. С. 61–62.
- ² См.: Уколова В. И. Нужна ли синхронная история // Там же. С. 63–70.

УДК 94 (3)

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ЗАКОН ГАЯ СЕМПРОНИЯ ГРАКХА В ПИСЬМЕННЫХ И ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Р. В. Лапырёнок

Саратовский государственный университет
E-mail: lapyrionok@mail.ru

В статье рассматривается античная традиция о земельном законе Гая Семпрония Гракха. На основе изучения письменных и эпиграфических источников подвергается критике точка зрения, согласно которой содержание земельного закона Гая Семпрония Гракха было идентично содержанию *lex Sempronia agraria* 133 г. до н. э. Также предпринимается попытка определить категории общественной земли, задействованные при проведении аграрной реформы 123–122 гг. до н. э.

Ключевые слова: Тиберий Семпроний Гракх, Гай Семпроний Гракх, Аппиан, Плутарх, *lex Sempronia agraria*, земельный закон 111 г. до н. э., *Illviri agris iudicandis adsignandis*, *Illviri agris dandis adsignandis*.

The Agrarian Law of Gaius Sempronius Gracchus in Narrative and Epigraphic Evidence

R. V. Lapyrionok

This article considers the ancient evidence for agrarian law of Gaius Sempronius Gracchus. On the basis of re-examination of our literary and epigraphic sources author criticizes the view that this law was identical to the *lex Sempronia agraria* of 133 BC. He tries to define the categories of public land, which was distributed among Roman citizens during the agrarian reform of 123–122 BC.

Key words: Tiberius Sempronius Gracchus, Gaius Sempronius Gracchus, *lex Sempronia agraria*, agrarian law of 111 BC, *Illviri agris iudicandis adsignandis*, *Illviri agris dandis adsignandis*.

Передача консулам права определять, какая земля принадлежала частным лицам, а какая была частью фонда *ager occupatorius*, явилась сокру-

шительным ударом по политическим позициям гракханцев, которые потерпели самое тяжёлое поражение со времени убийства инициатора аграрной реформы. Земельный фонд комиссии триумвиров перестал пополняться, вследствие чего наделение участками граждан было приостановлено. Внутриполитическую обстановку ещё более накалила неожиданная смерть Сципиона Эмилиана, которую большинство римлян считало делом рук оппозиции, отомстившей этим лидеру антигракханской коалиции за его активное противодействие её планам¹. Аграрная комиссия формально продолжала существовать, но её деятельность ограничивалась теперь лишь распределением земель, изъятых у частных лиц до принятия закона о передаче судебных полномочий в распоряжение консулов. С этого времени инициатива в политической борьбе переходит на сторону сената. Вплоть до консульства М. Фульвия Флакка (125 г. до н. э.), который попытался внести раскол в ряды противостоявшей реформаторам коалиции римских и италийских крупных собственников², мы не находим свидетельств об активном участии гракханцев в общественной жизни.

Большие надежды сторонники земельной реформы связывали с младшим братом убитого Тиберия Гракха – Гаем, который в это время отправлял должность квестора при наместнике Сардинии Л. Аврелии Оресте³. Первый трибунал младшего Гракха, который, судя по всему, не соби-

рался отказываться от борьбы за *ager occupatorius*, должен был укрепить пошатнувшийся после череды неудач авторитет оппозиции в среде римского плебса, а тем самым и её политические позиции в противостоянии с сенатом. На основе изучения античной традиции предпримем попытку ответить на вопрос, насколько аграрные проекты Гая Гракха соответствовали изначальному характеру земельной реформы его старшего брата.

Законы Гая Гракха освещены в античных источниках ещё хуже, чем *lex Sempronia agraria*. Историческая информация, которую мы находим в произведениях римских и греческих авторов, часто очень противоречива, что препятствует созданию цельной картины событий 123–122 гг. до н. э. Проблема заключается ещё и в том, что античная традиция не сохранила ни единого фрагмента из текста земельного закона Гая Гракха, который последний издал во время своего первого трибуната⁴. Отдельные его положения могут быть реконструированы на основе исследования эпиграфического *lex agraria*⁵. Здесь речь идёт, прежде всего, об одном пункте, согласно которому какая-то или какие-то категории земель из фонда *ager publicus* получали иммунитет от вовлечения в сферу деятельности аграрной комиссии. Помимо этого, наука располагает сведениями о других его законодательных инициативах младшего Гракха. В первую очередь, конечно, это относится к его дорожным проектам и *lex Rubria*, в работе над которым, судя по сообщениям Плутарха и Аппиана, он принимал самое непосредственное участие.

Как уже было отмечено выше, античные авторы предоставляют очень противоречивую информацию о характере земельного закона Гая Гракха. В этом легко убедиться на примере исторического материала, который содержится в наших основных письменных источниках. Речь в данном случае идёт о произведениях Плутарха и Аппиана, а также о «Периохах» Ливия. Вышеозначенная ситуация может быть связана с разночтениями среди первоисточников, из которых особого внимания заслуживают речи Тиберия и Гая Гракхов, а также исторический труд Гая Фанния, одного из сторонников аграрной реформы, перешедшего позднее на сторону сената. Разночтения проявляются не только при характеристике общей направленности законодательной деятельности младшего Гракха, но и при анализе содержания конкретных его мероприятий.

Так что же нам известно о земельном законе Гая Гракха? Его краткое описание мы находим в «Периохах» (Liv. Per. 60): «*Aliquot leges tulit, inter quas frumentariam... alteram legem agrariam, quam et frater eius tulerat...*» Здесь эпитоматор сообщает о законе, содержание которого, судя по всему, было идентично содержанию *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха⁶. Это должно означать, что Гай Гракх продолжил политику своего старшего брата в отношении *ager occupatorius*⁷. Однако подобный сценарий во многом противоречит

сведениям других источников. В «Периохах» сообщается о том, что Тиберий Гракх издал не один, а два *leges agrariae*⁸. Второй из них представлял гракханской аграрной комиссии право определять, какие участки земли принадлежали частным лицам, а какие являлись государственной собственностью⁹. К сожалению, эпитоматор не уточняет, какой именно закон подразумевается в вышеприведённом фрагменте.

Один из возможных вариантов решения вышеозначенной проблемы предполагает возвращение гракханским *Illviri* путём издания специального закона судебной функции¹⁰. Впрочем, ни письменные, ни эпиграфические источники не подтверждают наличие последней у аграрной комиссии Гая Гракха. Трудно поверить в то, что римский сенат мог с одобрением отнестись к подобному рода мере. С помощью интерцессии можно было предотвратить принятие любого нежелательного закона. Помимо этого, наделение триумвиров *iudicatio* неизбежно привело бы к новой конфронтации с италиками, так как в данном случае союзники вновь должны были испытывать опасения за захваченные ими участки земли из фонда *ager occupatorius*, которые они уже считали своей частной собственностью¹¹. В наших источниках отсутствует информация о новых протестах со стороны италиков. Напротив, если верить сообщениям Плутарха и Аппиана, то первый трибунал Гая Гракха прошёл в относительно спокойной атмосфере, то есть без каких-либо значимых политических столкновений. Как известно, в 133 г. до н. э. во время обсуждения и принятия *lex Sempronia agraria* ситуация развивалась совершенно по другому сценарию. Кроме того, в случае неудачи столь амбициозное начинание могло стоить Гаю Гракху его политической карьеры. Главный же аргумент против такой интерпретации сведений «Периохов» содержится в тексте эпиграфического *lex repetundarum*. Здесь аграрная комиссия Гая Гракха обозначается как *Illviri a(gris) d(andis) a(ds)ignandis*. Если бы ей была возвращена судебная функция, то этот факт должен был обязательно сказаться на официальном обозначении данной коллегии, что мы, к сожалению, не наблюдаем. Итак, у нас нет достаточных оснований полагать, что Гай Гракх вернул аграрной комиссии право определять, какая земля принадлежала частным лицам, а какая была частью фонда *ager occupatorius*.

Среди письменных источников, в которых так или иначе освещаются события 133–122 гг. до н. э., особое место занимает исторический труд Аппиана. В нём содержится довольно подробный рассказ о законодательной деятельности Тиберия Гракха и его борьбе с сенатом. Данное обстоятельство позволяло надеяться на столь же обстоятельное описание мероприятий его младшего брата. К сожалению, эти ожидания тщетны, так как сведения Аппиана носят весьма фрагментарный характер. Работа гракханской

аграрной комиссии завершается после известной акции Сципиона Эмилиана, то есть в 129 г. до н. э. Как кажется, греческий историк ничего не знает о деятельности *IIIviri* после лишения их судебной власти. Это его молчание может иметь под собой историческую основу, ведь полномочия аграрной комиссии были тогда сильно ограничены.

Не больше информации содержит и рассказ Аппиана о первом трибунате Гая Гракха. Он не упоминает о существовании земельного закона, «*quam et frater eius tulerat*»¹². Аграрная программа младшего Гракха начинается у него с основания колоний¹³. Речь в данном случае идёт об италийских проектах реформаторов¹⁴. Далее Аппиан повествует, причём достаточно обстоятельно, об основании первой римской колонии за пределами Европы. Как известно, этой колонией была Юнония¹⁵. Можно только удивляться тому, что мы не находим у него ни единого слова об аграрном законе, который упоминается в «Периохах». Конечно, подобная ситуация могла быть обусловлена небрежностью при подготовке материалов для «Гражданских войн». Впрочем, у нас нет достаточных оснований для такого рода подозрений, так как рассказ Аппиана о деятельности старшего брата Гая Гракха, Тиберия, свидетельствует об обратном. Помимо этого, трудно поверить в то, что греческий историк мог счесть излишним упоминание о прямой преемственности в политике братьев. Столь важный факт вряд ли мог ускользнуть от внимания Аппиана. Нельзя списывать отсутствие информации по этому поводу и на его забывчивость¹⁶. Таким образом, наиболее вероятным объяснением данной ситуации представляется небрежность эпитоматора, который по ошибке приписал Гаю Гракху издание земельного закона, который по содержанию был идентичен *lex Sempronia agraria* его старшего брата¹⁷.

К сожалению, сведения других письменных источников также достаточно фрагментарны. Это относится и к биографии Тиберия и Гая Гракхов у Плутарха. Он сообщает о существовании какого-то νόμος κληρουχικός, который младший Гракх провёл во время своего первого трибуната¹⁸. Однако мы не можем с полной уверенностью говорить о том, что здесь Плутарх подразумевает *lex agraria*, упоминаемый в «Периохах». Речь в данном случае могла идти и об основании колоний, которые Гай Гракх планировал организовать на территории Италии. Примечательно, что в приведённом фрагменте отсутствует указание на точную хронологию описываемых греческим автором событий¹⁹. Немаловажное значение также имеет тот факт, что *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха Плутарх обозначает как περί τῆς χώρας νόμος, тогда как земельный закон его младшего брата фигурирует у него как νόμος κληρουχικός²⁰. Итак, налицо явное различие в терминологии. Определение περί τῆς χώρας νόμος, которое Плутарх использует при описании *lex Sempronia agraria*, предполагает более широкий спектр

мероприятий в отношении *ager publicus*. Если содержание *leges agrariae* Тиберия и Гая Гракхов действительно было идентичным, то возникает вопрос: почему при их характеристике применяются разные определения?

Кроме того, наличие подобного рода преемственности в политике братьев могло бы привнести в биографию дополнительный драматизм, что вполне соответствовало бы общему стилю произведения. Впрочем, даже это не находит отражения в рассказе греческого автора. Контекст одного из его высказываний можно интерпретировать как свидетельство о существовании двух или нескольких земельных законов за авторством младшего Гракха²¹. Здесь он относит основание римских колоний на месте Тарента и Капуи ко времени второго трибуната последнего. Согласно Плутарху, эта мера была осуществлена при помощи специального закона. Значение данного факта ни в коем случае не следует преувеличивать. Во-первых, только он упоминает о планах Гая Гракха организовать колонию на территории, конфискованной у жителей Капуи. Во-вторых, для этого совершенно необязательно было издавать новый закон. В эпитафическом *lex repetundarum* содержится ссылка на комиссию *IIIviri a(gris) d(andis) a(ds)ignandis*, полномочий которой, судя по всему, было вполне достаточно для создания новых поселений. В тексте этого закона есть также и указание на *IIIviri ex lege Rubria*, тогда как информация об италийских проектах Гая Гракха отсутствует.

Определённый интерес представляет сообщение Плутарха об учреждении специального сбора, который должны были платить гракханские колонисты²². К сожалению, на основе этого сообщения нельзя сделать однозначный вывод относительно того, какой именно земельный закон регулировал его введение. Примечательно, что вышеозначенное событие соседствует с рассказом о борьбе реформаторов против верного сенату народного трибуна М. Ливия Друза. За ним следует повествование об устройстве на территории, ранее принадлежавшей Карфагену, колонии Юнонии. Речь здесь могла идти и о *lex Rubria*, в подготовке которого Гай Гракх принимал самое непосредственное участие. В «африканской» части *lex agraria* 111 г. до н. э. мы встречаем категорию земли, обозначаемой как *ager privatus vectigalisque*. Не исключено, что такой статус имели и наделы жителей Юнонии. Решение данной проблемы осложняется отсутствием в античных источниках информации о принципах организации италийских колоний Гая Гракха.

Таким образом, Плутарх также ничего не сообщает о *lex agraria*, «*quam et frater eius tulerat*». Подобная картина наблюдается и в трудах Диодора Сицилийского и Диона Кассия. Впрочем, сведения этих греческих историков настолько фрагментарны и противоречивы, что сделать какие-либо выводы относительно аграрной про-

граммы Гая Гракха представляется совершенно невозможным.

Большое количество ссылок на законодательные инициативы братьев Гракхов содержится в трудах М. Туллия Цицерона. В речи за П. Сестия он использует их в качестве исторических примеров²³. В первом предложении римский оратор упоминает *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха. Затем Цицерон говорит уже о *lex frumentaria* его младшего брата. Если бы *lex agraria*, «*quam et frater eius tulerat*» действительно существовал, то его появление во второй части приведённой цитаты было бы более логичным, чем упоминание хлебного закона Гая Гракха²⁴. Однако вышеозначенная ситуация могла быть обусловлена и композиционной спецификой указанного фрагмента. Вполне возможно, что Цицерон, признавая политику Гракхов вредоносной как для социального равновесия внутри римской гражданской общины, так и для государственной казны, пытался тем самым продемонстрировать всю тяжесть её губительных последствий. В четвёртой речи против Катилины он вновь останавливается на законодательной деятельности обоих братьев, но и здесь очень трудно понять, какое конкретно мероприятие Гая Гракха римский оратор имеет в виду²⁵. В этом случае речь могла идти и об основании им на территории Италии ряда колоний, а также о его деятельности в качестве *IIIvir a. i. a.*²⁶

При изучении произведений других римских авторов мы сталкиваемся с похожей ситуацией. Помимо этого, многие из них содержат явные фактические ошибки. Это относится, например, к «Римской истории» Веллея Патеркула. Последний приписывает Гаю Гракху ограничение пользования землёй из фонда *ager occupatorius* (то есть издание закона *de modo agrorum*), хотя остальные письменные источники связывают эту меру с его старшим братом²⁷. Столь же неточен и его рассказ о законопроекте Гая Гракха, согласно которому латины должны были получить римское гражданство, а остальные италики – *provocatio*²⁸. Веллей Патеркул говорит, что Гай Гракх *dabat civitatem omnibus Italicis*²⁹. Своё повествование он заканчивает основанием колоний *extra Italiam*³⁰. Трудно сказать, почему римский историк употребляет здесь форму множественного числа, ведь за пределами Италии гракханцами была основана только одна колония³¹.

Ещё меньшее количество информации по данному поводу мы находим в произведении Флора³². К сожалению, он не сообщает ничего конкретного о земельной реформе Гая Гракха³³. Из других источников имперского времени наиболее подробно вышеозначенная проблема освещается в *de viris illustribus*. Впрочем, и в этом случае не обошлось без неточностей при передаче отдельных фактов. В составе аграрной комиссии³⁴, например, появляется некий Г. Красс³⁵. Как известно, до своей гибели на Востоке одним из *IIIviri a. i. a.* являлся П. Лициний Красс Муциан³⁶.

Именно его, судя по всему, и имеет в виду автор *de viris illustribus*. В рассказе позднеантичного автора Орозия, как кажется, содержится прямая ссылка на *lex agraria*, «*quam et frater eius tulerat*»³⁷. Однако и здесь общий контекст высказывания не позволяет с уверенностью говорить о том, что речь в указанном пассаже идёт о повторном принятии *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха³⁸. Согласно Орозию, инициативы Гая Гракха стали причиной возникновения новых междоусобиц, причём наибольший резонанс вызвал некий земельный закон. Не исключено, что тем самым подразумевается его деятельность в качестве триумвира *a. i. a.* Помимо этого, упоминание судьбы старшего Гракха в этом фрагменте может быть связано со стремлением автора добавить в своё повествование дополнительный драматизм.

Важным источником по аграрным отношениям в Риме является так называемая «*Liber coloniarum*»³⁹. Даже относительно позднее происхождение не сказывается на её значимости для рассматриваемой проблематики. Материалы «*Liber Coloniarum*» позволяют определить степень активности гракханской аграрной комиссии в различных регионах Италии⁴⁰. В некоторых случаях её данные подтверждаются сведениями письменных источников⁴¹. При интерпретации содержащейся в ней исторической информации, впрочем, возникает целый ряд трудностей. Это относится к терминологии, которая используется при обозначении поселений, основанных в результате деятельности обоих братьев. Здесь мы находим три формулы: *lege Sempronia*⁴², *lege Graccana*⁴³ и *limitibus Graccanis*⁴⁴. Следует отметить, что вариант *limitibus Graccanis* встречается чаще, чем два других. К сожалению, эти определения сейчас очень сложно соотнести с конкретными мероприятиями Тиберия и Гая Гракха. За формулой *lege Sempronia* могут скрываться результаты деятельности *IIIviri a. i. a.*, то есть аграрной комиссии в соответствии с земельным законом Тиберия Гракха. Проблема заключается в том, что законы младшего брата последнего также обозначались как *leges Semproniae*. Таким образом, речь в данном случае могла идти и о *lex agraria* Гая Гракха.

Формула *lege Graccana* упоминается в тексте «*Liber Coloniarum*» лишь однажды⁴⁵. Присутствие *cognomen* в официальном наименовании закона представляется довольно странным. Вполне возможно, что это было связано с ошибкой переписчика, тогда как на самом деле автор подразумевает *lege Sempronia*. Не меньше вопросов вызывает и самая многочисленная категория земельных наделов, которая, если верить «*Liber Coloniarum*», образовалась на основе *limites Gracchani*⁴⁶. Одно из поселений, организованных в соответствии с *limites Gracchani*, находилось в Апулии⁴⁷. Согласно Плутарху, Гай Гракх планировал основать колонию на месте греческого города Тарента⁴⁸. Помимо этого, в «*Liber Coloniarum*» содержится информация об активности гракханцев в Бруттии,

где, по сведениям Веллея Патеркула⁴⁹, располагалась другая колония младшего Гракха – *Scolacium Minervia*⁵⁰. Данные обстоятельства могут являться косвенным свидетельством в пользу того, что появление формулы *limitibus Graccanis* связано с деятельностью именно Гая Гракха. Аппиан и «Периохи» говорят о многочисленных колониях, которые должны были быть основаны на территории Италии⁵¹. Впрочем, не все случаи упоминания гракханских поселений в «*Liber Coloniaeum*» находят подтверждение в письменных источниках. Кроме того, трудно определить, какие из них следует приписать Тиберию Гракху, а какие его младшему брату.

Итак, исторический анализ античной традиции о первом трибунате Гая Гракха заставляет усомниться в достоверности сведений «Периохи» относительно *lex agraria*, «*quam et frater eius tulerat*». Ни один другой источник не подтверждает то, что Гай Гракх издавал земельный закон, содержание которого было идентично *lex Sempronia agraria* или *leges Semproniae agrariae*, если в своём рассказе эпитоматор подразумевал весь комплекс мер, предложенных Тиберием Гракхом в 134 г. до н. э. Только у Орозия мы находим сходный сюжет, но при этом нельзя забывать о значительном временном промежутке, который отделял этого позднеантичного автора от описываемых событий. Основные письменные источники по истории гракханского движения, Плутарх и Аппиан, не знают о существовании такого закона. У Аппиана работа гракханской аграрной комиссии завершается в 129 г. до н. э. Таким образом, он ничего не знает ни о деятельности *IIIviri* после лишения их судебной власти, ни о *lex agraria*, «*quam et frater eius tulerat*». Подобную картину мы наблюдаем и у Плутарха. Немаловажное значение также имеет тот факт, что *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха Плутарх обозначает как *περὶ τῆς χώρας νόμος*, тогда как земельный закон его младшего брата фигурирует у него как *νόμος κληρουχικός*⁵². Главный же аргумент против «обновления» земельного закона Тиберия Гракха его младшим братом, как уже отмечалось выше, содержится в тексте эпиграфического *lex repetundarum*. Здесь аграрная комиссия Гая Гракха фигурирует как *IIIviri a(gris) d(andis) a(dsignandis)*⁵³. Напомним, что аграрная комиссия Тиберия Гракха обозначалась как *IIIviri a(gris) i(iudicandis) a(dsignandis)*⁵⁴.

Отсутствие в официальном обозначении *iudicandis* свидетельствует о том, что Гай Гракх отказался от борьбы за *ager occupatorius*, раздел которого являлся главной целью его брата, Тиберия. Для своего *lex Sempronia agraria* ему пришлось изыскивать другие источники земельных ресурсов. Именно в этом заключается главное различие между аграрными программами братьев Гракхов. Трудно судить, о каких именно источниках в данном случае шла речь. Можно предположить, что часть земли для своих колоний он

взял из фондов *ager quaestorius* и *ager censorius*, специально при этом оговаривая неприкосновенность *ager Campanus*. Не исключено, что при проведении своей реформы Гай Гракх использовал и земли из фонда *ager scripturarius*. Помимо этого, важное место в его программе занимало основание новых и восстановление старых поселений *viasiei vicaneive*. Как бы то ни было, по общему количеству привлечённых земельных ресурсов программа Гая Гракха значительно уступала закону его старшего брата. Гай Гракх предложил и провёл в комициях земельный закон, который по своему содержанию не имел ничего общего с *lex Sempronia agraria* 133 г. до н. э.

Примечания

- 1 App. B. C. I. 20; Cic. fam. IX. 21. 3, Lael. 12.41, Q. fr. II. 3. 3; Plut. C. Gracch. 10; Val. Max. IV. 1.12; Vell. 2. 4. 5
- 2 App. B.C. 1. 21. См. также: Mouritsen H. Gaius Gracchus and the cives sine suffragio // Historia. 2006. Bd. 55. P. 425.
- 3 Liv. Per. 60; Plut. Tib. et C. Gracch. 22–23.
- 4 Earl D. Tiberius Gracchus. A study in politics. Bruxelles, 1963. P. 35.
- 5 CIL I² 585; Crawford M. H. Roman Statutes. I. L., 1996. 113–181. Д. Стоктон (Stockton D. The Gracchi. Oxf., 1978. P. 131) полагает, что именно земельный закон Гая Гракха, а не *lex Sempronia agraria* его старшего брата, изданный в 133 г. до н.э., упоминается в эпиграфическом *lex agraria*. Таким образом, британский учёный следует широко распространённому мнению, согласно которому Гай Гракх лишь «обновил» аграрный закон Тиберия Гракха.
- 6 Й. Мольтхаген (Molthagen J. Die Durchführung der gracchischen Agrarreform // Historia. 1973. Bd. 22. S. 450) отмечает, что законы Г. Гракха, в соответствии с которыми на территории Италии должны были быть основаны многочисленные колонии, в „Периохах“ также обозначаются как *leges agrariae* (Liv. Per. 60). П. Фраккаро (Fraccaro P. Ricerche su Caio Gracco // Athenaeum. N. S. 1925. Vol. 3. P. 95) полагает, что земельный закон Гая Гракха был неким образом усовершенствован по сравнению с *lex Sempronia agraria* его старшего брата. Похожее мнение мы находим и у Л. Занкан: Zancan L. Ager publicus : ricerche di storia e di diritto romano. Padua, 1935. P. 96–98.
- 7 Gargola D. Lands, laws and gods. Magistrates and ceremony in the regulation of public lands in republican Rome. Chapel Hill NC, 1995. P. 163.
- 8 Liv. Per. 58.
- 9 Ibid.
- 10 Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd. II. B., 1857. S. 104; Stern von E. Zur Beurteilung der politischen Wirksamkeit des Tiberius und Gaius Gracchus // Hermes. 1921. Bd. 56. S. 276; Schneider H. Wirtschaft und Politik. Erlangen, 1974. S. 294–295.
- 11 Stockton D. Op. cit. P. 132.
- 12 App. B.C. 1. 21.
- 13 App. B.C. 1. 23. Датировка италийских колоний Гая Гракха, Впрочем, до сих пор является предметом ши-

- рокой научной дискуссии: *Molthagen J.* Op. cit. S. 452 ; *Stockton D.* The Gracchi. Oxf., 1978. P. 229–230.
- ¹⁴ App. B.C. 1. 23.
- ¹⁵ Ibid. 1. 24.
- ¹⁶ *Molthagen J.* Op. cit. S. 449.
- ¹⁷ Ibid. S. 452.
- ¹⁸ Plut. Tib. et C. Gracch. 26. 1.
- ¹⁹ Некоторые из числа упоминаемых на этом месте мероприятий Гая Гракха с большой долей вероятности датируются его вторым трибунатом (Plut. Tib. et C. Gracch. 26. 2–3).
- ²⁰ Plut. Tib. et C. Gracch. 13. 1–2.
- ²¹ Ibid. 26. 1.
- ²² Ibid. 30. 4–5. Л. де Лигт (*De Ligth L.* Studies in legal and agrarian history III: Appian and the Lex Thoria // *Athenaeum*. 2001. Vol. 89. P. 122) полагает, что эти сборы были введены ещё Тиберием Гракхом. Данная точка зрения не находит достаточной поддержки в источниках.
- ²³ Cic. Sest. 103.
- ²⁴ Cic. agr. 2. 31–32. Здесь Цицерон также упоминает земельный закон Тиберия Гракха, не говоря при этом ни единого слова о проектах его младшего брата.
- ²⁵ Cic. Cat. 4. 4.
- ²⁶ Это относится и к одному пассажиру из второй речи против земельного закона П. Сервилия Рулла (Cic. agr. 2. 10).
- ²⁷ Vell. 2. 6. 2–3. У Сикула Флакка речь идёт о 200 югерах (Sic. Flacc. 102. 29–33).
- ²⁸ Vell. 2. 6. 2.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. 2. 7. 7.
- ³¹ Как известно, колония Юнония была основана в соответствии с *lex Rubria*.
- ³² Flor. 2. 3.
- ³³ Flor. 2. 3.
- ³⁴ *Be de viris illustribus* она обозначается как *triumviri agris dividendis* (Vir. ill. 65).
- ³⁵ Vir. ill. 65.
- ³⁶ См.: ILS I, 24, 26; CIL I² 639–642; ILLRPI, 467–472, 474 (*termini Gracchani*).
- ³⁷ Oros. V. 12.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Текст и комментарий: *Campbell B.* The writings of the Roman land surveyors. Introduction, text, translation and commentary. L., 2000. P. 164–203, 402–432.
- ⁴⁰ *Hinrichs F. T.* Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Untersuchungen zu Landverteilung, Landvermessung, Bodenverwaltung und Bodenrecht im römischen Reich. Wiesbaden, 1974. S. 58–73.
- ⁴¹ См.: Liber Coloniarius I. 166. 5–6.
- ⁴² Liber Coloniarius I. 168. 28; 170. 33; 178. 7. 24; 180. 9; 186. 3. 24; II. 194. 21; II. 200. 24.
- ⁴³ Ibid. I. 182. 14.
- ⁴⁴ Ibid. I. 164. 14–15. 18. 25; 166. 5–6; 168. 21; 176. 23; 180. 35. 182. 1; 186. 33; II. 192. 8; II. 200. 31.
- ⁴⁵ Ibid. I. 182. 14.
- ⁴⁶ *Roselaar S.* References to Gracchan activity in the *Liber Coloniarius* // *Historia*. 2009. Bd. 58. S. 211.
- ⁴⁷ Liber Coloniarius I. 166. 5–6.
- ⁴⁸ Tarentum Neptunia.
- ⁴⁹ Liber Coloniarius I. 164. 14. 18.
- ⁵⁰ Vell. 1. 15. 4.
- ⁵¹ Liv. Per. 60; App. B.C. 1. 22.
- ⁵² Plut. Tib. et C. Gracch. 13. 1–2.
- ⁵³ CIL I² 583, 16:…quei tr. pl., q., IIIvir cap., tr. mil. 1. IIIprimis aliqua earum, triumvir a. d. a. siet fueritve…
- ⁵⁴ ILLRPI, 467: C. [Se] mpr [on] iu [s] Ti. f. Grac(cus) | Ap. Claudius C. f. Polc(er) | P. Licinius P. f. Cras(us) | IIIvir(ei) a(gris) i(udicandis) a(dsignandis).

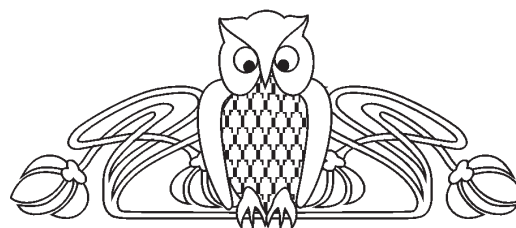
УДК 27–29(410) «10/11»

ПРОПОВЕДЬ ЭЛФРИКА ЭНШЕМСКОГО НА ВЕТХОЗАВЕТНУЮ КНИГУ «ЭСФИРЬ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ АНГЛИИ ЕГО ВРЕМЕНИ

И. И. Болдырева

Воронежская государственная медицинская академия
E-mail: boldyrevairi@mail.ru

Статья посвящена изучению различных аспектов культурной адаптации ветхозаветной книги «Эсфирь» в назидательных сочинениях аббата Элфрика Эншемского. Основываясь на анализе одноименной проповеди, автор исследует представления ранней английской церкви об идеальной христианской королеве и приходит к выводу, что в своем переложении этого библейского сюжета Элфрик стремился найти ответы на сложные политические вызовы, стоявшие перед его страной. Он призывал своих соотечественников к молитве и вере, которые рассматривал как действенное оружие в борьбе с язычниками-скандинавами.

Ключевые слова: англосаксонская проповедь, аббат Элфрик Эншемский, Бенедиктинское Возрождение, Эсфирь, Ветхий Завет, образ королевы в средневековой культуре, Этельред II Нерешительный, датские вторжения в Англию X–XI вв.

Ælfric's Homily on the Old Testament «Esther» in the Historical Context of Late Saxon England

I. I. Boldyreva

The article focuses on the Old Testament Book of Esther and various aspects of its cultural adaptation in the homiletic writings of abbot Ælfric of Eynshem. Considering Ælfric's homily on «Esther» the author

examines early English Church's ideas of exemplary queenship, and concludes that in his retelling of the biblical plot Ælfric attempted to find a solution to crucial political issues of his time. He called his compatriots for prayer and Christian faith – the virtues he regarded as major weapons for defending England against heathens.

Key words: Anglo-Saxon homily, abbot Ælfric of Eynshem, Benedictine Revival, Esther, the Old Testament, queenship in medieval culture, Æthelred II the Unready, Danish invasions to England in the X–XI centuries.

Рубеж X–XI вв. был ознаменован яркими событиями в культурной истории Англии. Еще при короле Эдгаре (959–975), правление которого большинство исследователей рассматривают как время значительной централизации страны и укрепления власти короны¹, ряд видных религиозных деятелей инициировали проведение масштабной церковной реформы. Они ставили своей задачей повысить уровень образованности священнослужителей и прихожан, возродить христианскую нравственность и былое монашеское благочестие, казалось, безвозвратно утраченное за годы разорительных скандинавских набегов, обрушившихся на страну с конца VIII столетия. Одним из основных результатов реформы стал расцвет письменности и монастырской культуры, получивший название Бенедиктинского, или Монашеского, Возрождения. Бенедиктинское Возрождение испытало на себе большое влияние клюнийского движения, распространявшегося на континенте, но в Англии оно имело ряд особенностей. Здесь преобразования осуществлялись при поддержке королевской власти и сопровождались появлением большого количества богословских трудов, комментариев, проповедей, житий, рассчитанных на широкую аудиторию и написанных на национальном англосаксонском языке.

Самым известным церковным писателем позднесаксонской Англии был аббат Элфрик Эншемский (ум. после 1005 г.), ученик епископа Винчестерского Этельвольда и автор многочисленных агиографических и назидательных сочинений, представляющих собой ценный источник для изучения этических идеалов, социальных и политических исканий той эпохи. Привычным способом оценки настоящего для средневековых книжников была апелляция к прошлому через богатую христианскую традицию, уходящую в глубь столетий. Особенно часто ученые монахи использовали ветхозаветные образы и сюжеты, пытаясь осмыслить сквозь их призму современную действительность². Такая специфика в работах Элфрика проявляется особенно заметно. Большинство его агиографических трудов по своей природе вторичны. Это адаптированные переводы на англосаксонский язык отдельных книг Священного Писания, латинских сочинений позднеантичных и раннесредневековых церковных авторов, выполненные с целью приблизить содержание оригиналов к сознанию рядовых

соотечественников, не искушенных в книжной премудрости.

Среди работ Элфрика, написанных на сюжеты библейских сказаний, неоднозначное место занимает принадлежащая позднему периоду его творчества проповедь на ветхозаветную книгу «Эсфирь»³. Наряду с «Еленой» Кюневульфа (VIII–IX вв.) и «Похвалой королеве Эмме» (XI в.) англосаксонская «Эсфирь» – один из немногочисленных письменных памятников, отразивших восприятие жены правителя в раннесредневековой английской культуре⁴. Отчасти проповедь продолжает «женскую» тематику в агиографии Элфрика, ведь в третий сборник своих работ, составленный несколькими годами ранее, он уже включает жития шести женщин-святых⁵. Между тем сходство «Эсфири» и этих житий достаточно условно. Подавляющее большинство их святых героинь – римские девы, вынужденные защищать свою непорочность, составлявшую главную добродетель в глазах бенедиктинского монашества⁶. История библейской царицы плохо вписывалась в этот тематический ряд. Пожалуй, единственное, что сближает «Эсфирь» с позднесаксонскими женскими мартириями – выраженный топос противостояния святого и язычников, получивший широкое распространение в агиографии того времени⁷. Однако здесь это противостояние приобретает иные формы и завершается победой избранного народа.

Согласно ветхозаветному преданию красавица-еврейка Эсфирь была супругой персидского царя Артаксеркса⁸, которая спасла иудеев от истребления нечестивым иноверцем знатным сановником Аманом. Симптоматично, что проповедь была написана около 1002 – 1005 гг., когда ослабленная после очередной волны скандинавских атак Англия испытывала большие внутренние и внешнеполитические сложности. Уже это дает основания предположить, что обращение одного из крупнейших англосаксонских проповедников к духовному подвигу Эсфири нельзя считать случайным.

Медиевисты нечасто баловали эту проповедь своим вниманием, возможно, потому, что она не содержит никакой информации о своих адресатах и культурном функционировании. По замечанию Стюарта Ли, ее англосаксонский пересказ очень близок к тексту Вульгаты, хотя и заметно сокращен; здесь нет отступлений, которые могли бы пролить свет на позицию самого богослова⁹. Так или иначе, царица Эсфирь, главная героиня повествования, являла собой, с точки зрения писателя, пример достойный подражания. Этот пример мог служить прекрасной иллюстрацией его собственных взглядов на роль и место жены правителя в древнеанглийском обществе, тем более что в конце X в. статус англосаксонской королевы подвергается существенному пересмотру во многом благодаря усилиям бенедиктинских реформаторов.

Фигура ветхозаветной царицы Эсфири как пример для христианских королей пользовалась большой популярностью у раннесредневековых богословов и за пределами Англии. Так, в 30-е гг. IX в. епископ Фульды Рабан Мавр отослал комментарии на книгу «Эсфирь» императрице Юдифи, второй жене Людовика Благочестивого (814 – 840), где писал: «На всякое время имей Эсфирь, царицу, подобно тебе, пред очами сердца твоего, подражая ей во всех смиренных и святых деяниях»¹⁰. Папа Иоанн VIII в письме к супруге Карла Лысого (843 – 877) Рикхильде призывал франкскую королеву стать защитницей христианской церкви: «Встань за церковь Христову пред твоим благочестивым супругом по примеру св. Эсфири, которая пред мужем своим стояла за народ израильский»¹¹.

Рикхильда и Юдифь жили в IX столетии. Сложно представить, чтобы адресатами этих наставлений были их англосаксонские современницы. По свидетельству епископа Ассера, биографа Альфреда Великого (871–899), в Уэссексе его времени жена короля не имела права носить титул королевы и сидеть на троне рядом с мужем¹². Лишь с началом бенедиктинской реформы она приобретает статус и функции, позволявшие стать значимой общественной фигурой. В «Regularis Concordia», своде правил монашеской жизни, принятых на Винчестерском синоде (966 г.), королева провозглашалась официальной патронессой всех женских обителей страны, а аббатам и аббатисам предписывалось искать покровительства у королевской четы¹³. В 973 г. в Бате состоялась двойная коронация Эдгара и его супруги Эльфрит – первый более чем за столетие прецедент венчания англосаксонской королевы на царство¹⁴. Отныне коронованная супруга правителя получила возможность принимать активное участие в политической жизни, и ее подписи начали фигурировать в свидетельских списках королевских грамот¹⁵.

Интерес Элфрика к библейской Эсфири невозможно рассматривать вне контекста произошедших перемен. Переложив ее книгу на англосаксонский, он писал не просто о жене персидского правителя, но о царице (swen). Высокий статус Эсфири Элфрик имплицитно подчеркивает на протяжении всей проповеди: если Вульгата в подавляющем большинстве случаев называет Эсфирь по имени (Hester), гораздо реже употребляя ее титул (regina), то у Элфрика практически обратная картина¹⁶.

Согласно библейскому сюжету иудейка Эсфирь выходит замуж за Артаксеркса после того, как он отвергает ее предшественницу Астинь. Несмотря на неодобрение церкви, практика частых разводов была широко распространена среди позднесаксонских правителей. Эдуард Старший (899–924), Эдгар (959–975), Этельред II (978–1016) несколько раз вступали в брак, и царский развод вряд ли мог смутить современников аббата. Парадокс, однако, состоит в том, что

сам Элфрик, будучи представителем английского духовенства, в отношении христианской брачной этики был предельно категоричен и, ссылаясь на авторитет Евангелия, причислял к прелюбодеям (eaw-bræse, forliger) всякого мужа, оставившего свою законную жену¹⁷.

Используя библейские сюжеты в пастырских целях, аббат хорошо понимал, какую опасность могут таить некоторые ветхозаветные эпизоды для несведущего в Писании читателя. Как правило, он снабжал их комментариями или редактировал текст. Излагая события библейской «Эсфири», Элфрик наверняка стремился, чтобы каноническая неловкость царского развода казалась не столь очевидной. Возможно, именно поэтому социальные модели-антиподы «хорошей» и «плохой» королевы приобретают в его проповеди еще большую выразительность.

Так, контрастность образов двух персидских цариц у Элфрика выражена даже в описании их облика, где он использует разный словарь. Представляя Астинь, Элфрик ограничивается прилагательным «wlitig» (красивая)¹⁸. Применительно к Эсфири «wlitig» всегда сопровождается ссылкой на «fægernysse»¹⁹, очевидно, с целью подчеркнуть не только внешнюю, но и внутреннюю привлекательность молодой жены. Понятие «fægerness», синонимичное «wlite» (красота), в древнеанглийской письменной культуре имело особую семантику и могло использоваться для обозначения нравственной, духовной красоты²⁰.

Первую жену Артаксеркса Элфрик, напротив, спешит обвинить в тщеславии²¹. Такое толкование ее образа символически сближает отвергнутую царицу со злейшим врагом евреев – гордым Аманом²². В грехе гордыни Элфрик, как правило, упрекал иноверцев, противников англосаксов и древнего израильского народа, а также гонителей ранних христиан²³. Один из основных тезисов его проповеди – «гордые будут низложены, а смиренные возвеличены» – предопределил участь тщеславной Астини²⁴.

В тексте Вульгаты эти детали отсутствуют. О «плохой» царице Астинь здесь известно лишь то, что она была очень красива (pulchra valde), но не пожелала выйти к гостям государя в царском венце. Тем самым Астинь не подчинилась супругу и подала дурной пример женщинам Персидской земли²⁵. Элфрик снабжает этот эпизод кратким, но весьма интересным комментарием, проливающим свет на любопытные детали политической культуры Англии его времени: «таков был их обычай, – пишет он о персах, – чтобы царица носила корону на своей главе»²⁶. Современникам Элфрика этот обычай был не привычен, хотя всего четыре десятилетия спустя корона оказалась непременным атрибутом Эммы Нормандской, изображенной на фронтисписе «Похвалы», составленной в ее честь²⁷.

По библейскому сюжету, Эсфирь скрывает от Артаксеркса свое происхождение. Вскоре об

этом узнает гордый вельможа Аман. Он намерен отомстить ее родственнику Мардохею за отказ преклонить перед ним колена и замышляет истребить весь еврейский народ. Услышав о страшной угрозе, царица приходит к государю и приглашает их с Аманом к себе на пир. На пиру она разоблачает коварный замысел возгордившегося царедворца против скромного Мардохея, который однажды спас Артаксерксу жизнь. В итоге благодаря вмешательству Эсфири евреи спасены, добро торжествует, а зло наказано.

В проповеди Элфрика, как и в тексте Библии, Эсфирь выполняет очень важную социальную роль – роль защитника своего народа. Краткий комментарий аббата на книгу «Эсфирь», помещенный в пастырском послании к тэну Сигверду, характеризует ее подвиг в том же ключе: «Эсфирь, царица, которая спасла народ свой, тоже имеет книгу среди сих прочих [книг Ветхого Завета. – И. Б.], так как она вмещает похвалу Господу»²⁸. Интересно, что представление о связи королевы с ее народом не было абсолютно новым в Англии начала XI в. Оно присутствует уже в древнеанглийских эпических сказаниях, отразивших особенности англосаксонской ментальности, восходящие к дохристианской эпохе²⁹.

У Элфрика заступничество Эсфири за свой народ проявляется в двух аспектах: с одной стороны, это заступничество перед государем, с другой – перед Богом. При этом последнему аспекту проповедник уделяет гораздо большее внимание, чем текст первоисточника, где акцент смещен на ходатайство Эсфири перед мужем-царем.

Элфрик использует любую возможность, чтобы обратить внимание своих читателей на религиозность царицы и ее веру в Бога. Он наделяет Эсфирь важными духовными функциями. Здесь она оказывается не только защитником, но духовным наставником всего еврейского народа, вдохновляя его ревностно исполнять закон Моисея. Эти две ключевые роли четко обозначены в финальной части проповеди: евреи «зажили в мире благодаря заступничеству царицы, – пишет Элфрик, – которая помогла им и спасла их от смерти благодаря помощи своего Господа, в которого она верила по обычаю Авраама. И евреи возрадовались, что нашли себе такого заступника и исполняли закон Божий с еще большей радостью, следуя наставлениям Моисея, великого пастыря»³⁰.

Кроме того, в проповеди Эсфирь принимает на себя функции духовного наставника мужа-язычника. На это ясно указывает концовка текста: «И царь был исправлен через веру царицы к поклонению Господу, который ведает всем. И он прославил Бога, который возвеличил его и поставил его владыкой в таком царстве. И он стал праведен и решителен в поступках...»³¹. В то время как в Вульгате нет прямых указаний на возможное обращение Артаксеркса в иудаизм³², Элфрик преподносит это как свершившийся факт и развивает

мысль о духовном преображении персидского владыки. Такое осмысление подвига св. Эсфири могло быть связано с особенностями ее образа в западной патристике, где Эсфирь фигурирует как символ христианской церкви³³.

Как одному из образованных людей своего времени, хорошо знакомому с «Церковной историей» Беда, Элфрику было известно о роли, которую сыграли в христианизации Англии иноземные принцессы, выданные замуж за языческих королей³⁴. Логично предположить, что пример высокой духовности королевы он считал особенно актуальным, тем более, что Этельред II, в чье правление была написана проповедь, не пользовался авторитетом у своих подданных. Характерно, что некоторые работы Элфрика прежних лет содержат скрытый упрек Этельреду за проводимую им церковную политику, не обеспечившую монастырям должного покровительства. Так, в проповеди «О молении Моисея» Элфрик сетует на притеснение «Божьих слуг» и испорченность нравов современников, с ностальгией вспоминая былое монашеское благочестие и государственное могущество времен короля Эдгара³⁵.

Между событиями, изложенными в Библии, и политическими реалиями Англии конца X – начала XI в. прослеживается важная историческая параллель, которую Элфрик не мог не заметить. Так же как древние евреи времен Эсфири, его соотечественники оказались перед лицом смертельной опасности, исходившей от иноверцев. При Этельреде II Нерешительном после нескольких мирных десятилетий на страну обрушилась новая волна скандинавской экспансии, о которой источники сообщают с 80-х гг. X в.³⁶ Известно, что Элфрик очень болезненно переживал эти трагические события. В своем трактате «О Ветхом и Новом Завете», написанном приблизительно в то же время, что и «Эсфирь», он призывает представителей военного сословия взять в руки меч и по примеру святой Юдифи и братьев Маккавеев оказать достойное сопротивление неприятелю³⁷. Вместе с тем вооруженное сопротивление – не единственная альтернатива, которую рассматривал Элфрик в поисках возможных путей решения скандинавской проблемы.

Еще в середине 90-х в проповеди «О молении Моисея»³⁸ он на материале ряда эпизодов Ветхого Завета разъясняет важное значение молитвенного подвига в деле противостояния внешнему врагу. Проповедь начинается описанием битвы евреев с амаликитянами, во время которой пророк Моисей простирает руки к небу, прося помощи у Бога. Когда уставший Моисей опускает свои руки, языческая армия начинает теснить евреев. Когда он снова простирает руки в молитве, евреи побеждают³⁹. Британский исследователь Малькольм Годен, обративший внимание на этот эпизод, считает, что здесь представлена своего рода парадигма отношений между военным могуществом государства

и церковь⁴⁰. В рамках этой парадигмы победа военачальника полностью зависит от молитвенной ревности Моисея, который, с точки зрения М. Годдена, олицетворяет монашество и клир⁴¹. В ряде своих сочинений Элфрик, действительно, разделял общественные функции различных сословий⁴². Однако здесь моление Моисея он ставит в пример всем христианам. «Из этого можем заключить, – пишет он, – что мы, христиане, в любой нужде должны взывать ко Господу, прося его о помощи с твердой верой... В книгах мы читаем, что всякий праведник получал помощь и избавление, если в своих бедствиях с полной верой призывал Всевышнего»⁴³.

Призывая свой народ молиться и поститься, благочестивая Эсфирь на практике следует той модели противостояния злу, которую предлагает Элфрик. Прежде чем предстать перед Артаксерксом, Эсфирь пытается заручиться поддержкой Всевышнего. Она постится и молится, распорядившись, чтобы молились все евреи⁴⁴. Пересказывая этот эпизод, Элфрик умалчивает, что самовольное появление Эсфири перед царем противоречило строгому дворцовому этикету и грозило ей смертью. Благодаря этой, на первый взгляд, несущественной детали моление евреев приобретает иной характер: в Вульгате Эсфирь просит народ молиться за нее⁴⁵, Элфрик опускает это уточнение. Следуя логике его изложения, евреи, как и их царица, просили Бога за весь еврейский народ. Такое толкование этого эпизода было ближе Элфрику ввиду культурно-исторических реалий Англии конца X – начала XI в., когда его соотечественники нуждались в ходатае перед Богом, а не перед грозным государем.

Приблизительная дата создания проповеди на книгу «Эсфирь» совпадает с появлением в Англии новой королевы – Эммы Нормандской (ум. ок. 1052). Впоследствии ей суждено было стать одной из самых влиятельных женщин в истории раннесредневековой Англии. Была ли проповедь как-то связана с этим событием? На наш взгляд, такое предположение не лишено оснований.

Эмма, как и библейская Эсфирь, оказалась иностранкой на родине своего мужа. Сестра графа Нормандии Ричарда II (996 – 1026) – она впервые прибыла в Англию в 1002 г. в качестве невесты уже немолодого и в прошлом неоднократно женатого короля Этельреда. В X в. англосаксонские короли предпочитали брать в жены своих соотечественниц. Брак Этельреда и Эммы носил политический характер и был заключен без учета скандинавского фактора. В конце X в. отношения между Нормандией и Англией были напряженными. Датчане часто использовали нормандские гавани в качестве плацдарма для своих рейдов на Британские острова. С заключением династического союза эти отношения заметно потеплели, что позже в момент политического кризиса 1013 г. позволило Этельреду II искать прибежище на нормандской земле⁴⁶.

Женитьба короля на иноземной принцессе не ускользнула от внимания «Англосаксонской хроники»⁴⁷. Сомнительно, чтобы для Элфрика, проявлявшего живой интерес к злободневным общественно-политическим проблемам, она осталась незамеченной. Даже если проповедь на книгу «Эсфирь» не была составлена как написание, адресованное непосредственно Эмме, весьма вероятно, что появление новой королевы при английском дворе оказалось именно тем событием, которое побудило Элфрика обратиться к этому ветхозаветному сюжету. Мы вряд ли когда-либо узнаем, надеялся ли он, что набожность и вера молодой королевы могли оказать помощь в противостоянии скандинавской угрозе. На основании проповеди, скорее, можно судить о том, какой желал проповедник видеть новую супругу правителя Англии.

В проповеди на книгу «Эсфирь» Элфрик предложил своего рода парадигму, определяющую социальные функции и образ идеальной государевой жены. Опираясь на Святое Писание, он по-своему осмыслил материал Вульгаты с позиций культурных и политических реалий Англии рубежа X–XI вв. В книжности того времени царица Эсфирь ассоциировалась не только с женской добродетелью. Ее имя фигурирует в древнейших средневековых чинах венчания королей. Образ Эсфири был символом женской власти и могущества: венчание на царство возводило государевых жен до статуса соправительниц и легитимизировало их политическую активность⁴⁸. Обращение Элфрика к этому библейскому сюжету стало отражением возросшего влияния англосаксонских королей, проявлением возросшего к ним внимания со стороны древнеанглийского общества.

Вместе с тем Элфрик был далек от пропаганды политического могущества своих современниц. Подчеркивая важность духовного влияния Эсфири, он в отличие от Вульгаты проявлял полное равнодушие к светским аспектам ее власти и исключил соответствующие детали из своего повествования⁴⁹. Излагая события ветхозаветной книги «Эсфирь», Элфрик, прежде всего, пытался найти ответы на сложные внешнеполитические вызовы, стоявшие перед его страной. Образ библейской царицы он рассматривал сквозь призму одного из центральных топов своего творчества – противостояние иноверцам. Ощущая слабость правящего монарха, Элфрик призывал соотечественников не охладевать в молитве и вере, отводя при этом особую роль королеве как духовному наставнику народа и короля. Духовный пример св. Эсфири в интерпретации англосаксонского богослова мог быть интересен широкому кругу читателей. Потенциальную аудиторию проповеди составляло не только англосаксонское монашество, для которого, по мнению Элфрика, подвиг молитвы был общественным долгом, но и благочестивые миряне, к которым принадлежала сама царица Эсфирь.

Примечания

- 1 См., напр.: *Brook C.* The Saxon and Norman kings. L., 1963. P. 140; *Edgar, King of the English, 959–975: new interpretations* / ed. D. Scragg. Woodbridge, 2008; *Fisher D. J. V.* The Anglo-Saxon age c. 400 – 1042. N. Y., 1993. P. 272–297.
- 2 См.: *Old English literature and the Old Testament* / eds. M. Fox, M. Sharma. Toronto, 2012. P. 3–22.
- 3 Проповедь сохранилась как единственная поздняя копия XVII в. из коллекции антиквара Уильяма Л'Исля (MS Laud Misk. 381), в распоряжении которого имелся более ранний не дошедший до нас манускрипт. Впервые текст памятника был представлен широкой публике во второй половине XIX столетия. Редактором издания стал известный немецкий ученый Бруно Асман (*Esther // Angelsächsische Homilien und Heiligenleben* / hg. von B. Kassel Assmann, 1889. P. 92–101). На сегодняшний день существует еще одно, электронное, издание «Эсфири», подготовленное британским исследователем Стюартом Ли (*Ælfric's homilies on Judith, Esther and Maccabees* / ed. by S. D. Lee. L., 1999. URL: <http://users.ox.ac.uk/~stuart/kings/main.htm>.) Далее текст проповедей Элфрика на книги «Эсфирь» и «Юдифь» цитируется по данному изданию с указанием номера строки.
- 4 *Cynewulf's Elene* / ed. P. Gradon. Exeter, 1996; *Encomium Emmae Reginae* / ed. A. Campbell. Cambridge, 1998. Интересно отметить, что даже в переведенном несколькими годами ранее житие королевы-девственницы Этельтриты Элфрик нигде не акцентирует ее королевский статус (*Natale Sancte Ældeldryde virginis // Ælfric's lives of saints* / ed. W. W. Skeat. L., 1966. Vol. 1. P. 432–441). Далее – ÆLS с указанием тома и номера страницы.
- 5 Духовные биографии св. Агафьи, Агнесы, Евгении, Люсии, Цецилии и Этельтриты.
- 6 См.: *Болдырева И. И.* Женщина в англосаксонской агиографии и церковная реформа в Англии второй половины X в. // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология.* 2006. № 2. С. 5–14.
- 7 Помимо уже упомянутых женских мучениц, см., например: *Natale Sancti Georgii Martyris // ÆLS.* Vol. 1. P. 306 – 319; *Natale Sancti Oswaldi Regis et Martyris // ÆLS.* Vol. 2. P. 124–143; *Passio Sancti Eadmundi Regis et Martyris // Ibid.* P. 314–334; *Passio Sanctorum Machabeorum // Ibid.* P. 66–125, etc.
- 8 В проповеди Элфрика, так же как и в Вульгате, он именуется Асуирусом (Asuerus).
- 9 *Lee S. D.* A Study of the themes in Judith, Esther, and Maccabees. URL: <http://users.ox.ac.uk/~stuart/kings/VII.htm>. В связи с этим высказывалось вполне правдоподобное предположение, согласно которому Элфрик мог поместить свои комментарии в конце основного текста, но переписчик их проигнорировал, и текст дошел до нас неполным (*Ibid.*).
- 10 *Esther quoque similiter reginam regina, in omni pietatis et sanctitatis actione imitabilem, vobis ante oculos cordis semper ponite* (*Hrabanus Maurus.* Expositio in librum Judith // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / ed. J. P. Migne. Vol. 109, col. 541 (Далее – PL с указанием номера тома и столбца).
- 11 *Et eritis pro Ecclesia Christi apud pium conjugem more sanctae illius Esther pro Israelitica plebe apud maritum* (*Pope John VIII.* Epistolae et Decreta // PL. Vol. 126 col. 698).
- 12 *Asser's life of King Alfred and other contemporary sources* / eds. S. Keynes, M. Lapidge. L., 1983. P. 71.
- 13 *Regularis concordia Anglicae nationis monachorum sanctimonialiumque* / ed. and trans. D. T. Symons. L., 1953. P. 2, 7.
- 14 Описание этого события сохранилось в житие св. Освальда, составленном в конце X – начале XI в. рамзейским монахом Бюрхтфертом (*Vita Oswaldi Archiepiscopi Eboracensis // The historians of the church of York and its archbishops* / ed. J. Raine. L., 1879. Vol. 1. P. 399–475). Единственный ранний прецедент, зафиксированный источниками, относится к середине IX в., когда в 856 г. была коронована франкская принцесса Юдифь, сочетавшаяся браком с правителем Уэссекса Этельвульфом (О ее коронации см.: *Annales de Saint-Bertin* / eds. F. Grat, J. Vielliard, S. Clemencet. Paris, 1964. P. 73; См. также: *Asser's life of King Alfred.* P. 71–72). Однако венчание Юдифи на царство оставалось исключением из правила вплоть до 973 г.
- 15 Краткий анализ подписей жен позднесаксонских правителей см. в одном из приложений к изданию «Похвалы королеве Эмме» под ред. А. Кэмпбелла: *Encomium Emmae Reginae.* Appendix II. P. 62–65.
- 16 *Be Hester,* 94, 141, 143, 147, 152, 210, 212, 228, 242, etc.
- 17 *Feria secunda. Letania maiore // Ælfric's Catholic homilies. 2nd series: text* / ed. M. Godden. Oxford, 1979. P. 185.
- 18 *Be Hester,* 24, 34.
- 19 *Ibid.* 68–69, 74, 148.
- 20 См.: *An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript of the late Joseph Bosworth: Supplement* / ed. T. N. Noller. Oxford, 1921. P. 197–198.
- 21 *Heo worhte eac feorme mid fulre mærdæ eallum þam wifmannum þe heo wolde habban to hire mærdæ* (*Be Hester.* 24–26).
- 22 *Ibid.* 105 – 114.
- 23 См., напр.: *Judith,* 344; *Natale Sancti Oswaldi Regis et Martyris,* 21, 28, 84; *Passio Sanctorum Machabeorum,* 7; *Passio Sanctae Cecilie virginis,* 315–317 // ÆLS. Vol. 2. P. 374.
- 24 *Be Hester,* 270 – 272.
- 25 *Hester,* I, 11–17 // *Biblia Sacra Vulgata.* URL: <http://www.biblegateway.com>
- 26 *swa swa heora seode wæs þæt seo cwen werode cynchelm on heafode* (*Be Hester,* 31–33). Древнеанглийское слово *cynchelm* (корона) буквально обозначает «шлем короля».
- 27 См.: *Encomium Emmae Reginae.* P. xlii. Рукопись с изображением коронованной Эммы хранится в коллекции Британского музея (BL Add. 332441).
- 28 *Hester seo cwen, þe hire kynn ahredde, hæfð ea cane boc on þisum getele, for ðan þe Godes lof ys gelogod færon* (*The Old English version of the Heptateuch, Ælfric's treatise on the Old and New Testament and his preface to Genesis* / ed. S. J. Crawford. L., 1922. P. 48).
- 29 Например, супруга конунга Хротгара Вальхтеов названа в «Беовульфе» народной королевой (*folccwen*), радеющей о народе (*cynna gemyndig*). Согласно тому

- же памятнику, королева Хюгд заботилась о своем племени, щедро одаривая геатов (Beowulf, 641, 613, 1929–1931 // Anglo-Saxon poetic records / ed. E. V. K. Dobbie. Vol. 4. N. Y., 1953. P. 3–94).
- ³⁰ ... hi on friþe wunedon þurh
þære cwene þingunge þe him þa geheolp fram
deafre ahredde, þurh hire drihtnes fultum þe heo on
gelyfde on Abrahames wisan. Ða Iudeiscan eac
wundorlice blissodon, þæt hi swilcne forespræcan him
afunden hæfdon, heoldon þa Godes æ þæs þe
glædlicor æfter Moyses wissunge þæs mæran heretogan.
(Be Hester, 263–269)
- ³¹ ... se cyning wearð
gerihtlæht þurh þære cwene geleafan Gode to
wurðmynte þe ealle þing gewylt, he herode God þe
hine geuferode to cyninge geceas ofer swilcne
anweald. he wæs rihtwis, rædfæst on weorcum
...
(Be Hester, 272–277)
- ³² Hester, XVI, 15–16.
- ³³ См., напр.: *Isidore. Allegoriae quedam sacrae scripturae* // PL 83, col. 116; *Hrabanus Maurus. De Universo* // PL 111, col. 66. И хотя в проповеди эта символика отсутствует, Элфрик наверняка был с нею знаком. В одном из его ранних сочинений с христианской церковью сравнивается Савская царица, пришедшая к Соломону (In dedicatione ecclesiae // *ÆCH. 2nd series*. P. 340 – 341).
- ³⁴ Беда Почтенный сообщает, что женой кентского короля Этельберта (591–616), первого англосаксонского правителя, принявшего христианство, была франкская принцесса Берта. По брачному соглашению христианке Берте гарантировалось беспрепятственное исповедание ее религии (*Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis anglorum. I, 25* // *Bede's ecclesiastical history of the English people* / eds. B. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford, 1969. P. 72–75). Похожие события предвляли крещение Пеады Мерсийского (656–658) и нортумбрийского короля Эдвина Святого (616–633), взявшего в жены дочь Этельберта кентскую принцессу Этельбургу (Ibid. II, 9; III, 21. P. 162, 278).
- ³⁵ Wel we magon gedencan hu wel hit ferde midus
þaða þis igland wæs wunigende on sibbe
and munuc-lif wæron mid wurð-scipe gehealdene
and ða woruld-menn wæron wære wið heora fynd
swa þæt ure word sprang wide geond þas eorðan
Hu wæs hit ða siððan ða þa man towearp munuc-lif
and godes biggengas to bysmore hæfde
buton þæt us com to cwealm and hunger
and siððan hæðen here us hæfde to bysmre.
(De oratione Moysi, 147–155 // *ÆLS. Vol. 1 P. 194*)
- ³⁶ The Anglo-Saxon Chronicle, aa. 980–982, 988, 991–994, etc // *English historical documents* / ed. D. Whitelock., L., 1955. Vol. 1. P. 211–218. (Далее – ASC с указанием года).
- ³⁷ The Old English Heptateuch. P. 49 – 50.
- ³⁸ De oratione Moysi. In medio quadragesime // *ÆLS. Vol. 1. P. 282 – 307*.
- ³⁹ Ibid. 1–29. P. 282–285.
- ⁴⁰ *Godden M. Apocalypse and invasion in late Anglo-Saxon England* // *From Anglo-Saxon to early Middle English: Studies presented to E. G. Stanley* / eds. M. Godden, D. Grey. Oxford, 1994. P. 133.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² См.: *Item alia. Qui sunt oratores, laboratores, bellatores* // *ÆLS. Vol. 2. P. 120 – 125*.
- ⁴³ Be þisum we magon tocnawen þæt we cristene sceolon
on ælcere earfoðnisse æfre to gode clypian.
and his fultumes biddan mid fullum geleafan.
...
Ælc rihtwis man hæfde swa swa we rædað on bocum
fultum and hreddinge. seðe mid fullum geleafan
on his earfoðnyssum to ðam ælmihtigan clypode.
(De oratione Moysi, 30 – 32, 47–49. P. 284–287).
- ⁴⁴ Be Hester, 143–147.
- ⁴⁵ orate pro me (Hester, IV, 16).
- ⁴⁶ ASC, a. 1013.
- ⁴⁷ Ibid. a. 1002.
- ⁴⁸ Например, Рабан Мавр, рассуждая о союзе Эсфири и Артаксеркса, использует термин «consortium» и параллельно отмечает, что Артаксеркс удалил свою прежнюю жену от «совместного правления»: «*Repulsa igitur Judaea [Vasti] a consortio regni*» (*Hrabanus Maurus. Expositio in librum Judith. Col. 657*).
- ⁴⁹ См. об этом подробнее: *Klein S. S. Ruling women: queenship and gender in Anglo-Saxon literature. Notre Dame, 2006. P. 169–171*.

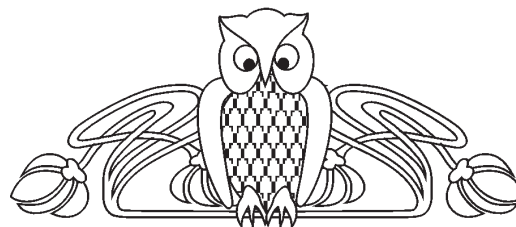
УДК1(410)(091)+929Бэкон

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ ФРЭНСИСА БЭКОНА

В. В. Феллер

Саратовский государственный университет
E-mail: feller-vv@mail.ru

В статье рассмотрена интерпретация Ф. Бэконом библейского мифа о шести днях творения. Его толкование показывает ограниченность идеи интеллектуального прогресса, а также, что уже «четвертый день» завершает построение системы абстрактного разума. «Пятый день» возвращает человека к эстетическому освоению мира, а «ше-

стой день» открывает в историческом опыте тайну родовой судьбы человечества. Именно на этой основе последователи Бэкона разрабатывали проблему всеобщей истории духа.

Ключевые слова: немецкий историзм, Бэкон, всеобщая история, Модерн.

The Bacon's Metaphysical Historism

V. V. Feller

The Bacon's interpretation of the Six Days of Creation myth is considered in this article. It shows the limitation of the knowledge-based progress idea. The Bacon's interpretation testifies that it is on «the fourth day» when the abstract reason framework is completed. «The fifth day» brings humans back to the aesthetic world perception while «the sixth day» unfolds the secret of human race destiny in historical experience. According to this principle universal history of Spirit was developed by Bacon adherents.

Key words: Historicism, Francis Bacon, universal history, Modern.

В отличие от Ф. Мейнеке, который обнаружил источник возникновения немецкого историзма и одновременно точку схождения основных интеллектуальных процессов Модерна в неоплатонизме Лейбница, Шефтсбери и Вико¹, мы предлагаем углубиться в историю Нового времени еще на столетие и обнаружить этот источник в учении Фрэнсиса Бэкона. Исследование бэконовского «Разделения наук» имеет внутреннюю структуру, происхождение которой не вызывает сомнений. Эта структура является результатом глубокой интерпретации первого из библейских мифов – о шестодневе.

В утопии о Новой Атлантиде Ф. Бэкон повествует о большом островном государстве, управляемом тайным орденом ученых. Он назвал этот орден Домом Соломона. Древнее же название Дома – Коллегия шести дней творения². Уже из этого замечания и предложенной в «Великом восстановлении наук» классификации знания (в плане «Разделения наук») можно сделать предположение о ключевом характере морфемы «шести дней творения» для метафизики истории великого английского мыслителя.

План «Разделения» состоит из шести частей. Он включает в себя: «Первоначальное Разделение наук», «Новый Органон или Указания по истолкованию природы», «Естественную историю для основания философии», «Лестницу разума», «Предвестия второй философии» и, наконец, «Вторую философию или Действенную науку»³. «Первоначальное Разделение наук» он предполагает необходимо предваряющим все последующие опыты, которые исходят из практических целей той или иной эпохи. Первая эпоха в интеллектуальном развитии человечества была всецело посвящена светоносному опыту обретения знания о структуре разума и структуре наук. Согласно философу, первоначально следует стремиться не к плодоносным (практическим как таковым), а к светоносным (дающим знание о действительности) опытам. Для этого при разделении наук необходимо последовать «божественному порядку, который в первый день создал только свет и на это уделил полностью один день, не производя в этот день никаких материальных творений, но обратившись к ним лишь в последующие дни»⁴.

Согласно Бэкону, само по себе исходное разделение наук является историческим – разделяющим основные этапы развития научного разума в соответствии с членением исторического развития на «шесть дней». Библейское толкование позволяет ему избежать философских ловушек, скрывающихся, например, в дедукции идеи прогресса. В указании, направленном на понимание «пятого шага», он говорит о «разбитой в дороге палатке, в которой ум, устремляясь к более верному, мог бы немного передохнуть»⁵, что, как кажется, противоречит основной, то есть «прогрессивистской», установке его философии на всемерное овладение истиной и научное освоение мира. Библейское толкование показывает, что уже «четвертый шаг» завершает построение «лестницы разума» с вершиной в системе абстрактных истин об устройстве внешней природы (*natura naturans*), а затем этот разум должен «расслабиться», поглотиться опытом спонтанности человеческой жизни и истории человечества, чтобы «поверить алгебру гармонией». Говоря же о «шестом шаге», Бэкон указывает на то, что его «завершение даст судьба человеческого рода, причем такое, какое, пожалуй, людям, при нынешнем положении вещей и умов, нелегко постигнуть и измерить умом»⁶.

Завершая предваряющее толкование «четвертого шага», не отделенного философом от толкования «третьего шага», который требует своего полного раскрытия в «четвертом», он формулирует основную задачу именно современной науки и современной культуры. Современность характеризуется Бэконом как укрепившая разум «самыми надежными средствами помощи и поддержки», как произведшая строгий отбор «правильного строя божественных дел». Поэтому уже наша всемирная эпоха должна завершить великое исследование в соответствии с этими «средствами разума» и «строем божественных дел», из которых и создается «лестница разума». При этом «божественные дела» упорядочены в истории бедоносного христианского монотеизма. «Средства разума» же, видимо, появляются в руках человека уже в завершающей фазе «третьего шага», когда в античной культуре формировались сами основания системной философии и науки. Затем, по ходу «четвертого шага», они совершенствуются, собственно и формируя институты Науки и Техники.

Сначала подымаясь, а затем спускаясь по «лестнице разума», мы найдем «настоящие типы и образцы», в свою очередь, способные «поставить как бы перед глазами все движение мысли и весь непрерывный ход и порядок открытия». Таким образом, считает философ, мы подготовим закономерный переход к «пятому шагу», обратив Истолкование природы в противоположную сторону от общего и универсального, т. е. ориентируя его на особенное, исторически индивидуальное. Из этого следует, что актуальной задачей столетий, завершающих мировую эпоху, соответствующую «четвертому шагу», становится типизация знания

и познания, определение «постоянного и возвращающегося» в природе. Это и есть натурализм как суть и цель философского развития Нового времени, превращающего «средства разума» в эффективный инструмент преобразования природы и общества.

В данных определениях-именах – сама сущность «исторического задания» для каждой из эпох, включенных в «генеральную последовательность». На этой основе Бэкон предлагает создать историю генезиса духа, в которой открывается ограниченность и историческое место основных типов самосознания человечества в границах каждой из «мировых эпох». Вводное толкование он завершает молитвой, обращенной к Творцу⁷. А в заключительном толковании он говорит о завершении философии человека как учения о «естественном свете». Это вершина созерцающей философии, которой увенчивается четвертая эпоха творения разума – та, в которой и пребывает современное человечество⁸.

Философ высказывает надежду на скорое (видимо, уже в начале пятой «всемирной эпохи») появление истолкования Писания, в котором бы приоткрылись «две вещи, сокрытые от человеческого ума: тайны помыслов и бег времени». Он мечтает о таком толковании библейского слова, которое «подобно тому, как вино, легко выдавливаемое при первом мягком отжиме ногами, слаще того, которое выходит из-под пресса, поскольку последнее всегда имеет привкус кожуры и косточек винограда, точно так же наиболее целительны и приятны те учения, которые свободно вытекают из Св. Писания, а не стремятся раздуть противоречия, споры или прибегать к общим местам»⁹.

Ф. Бэкон определил крайнюю необходимость для предстоящих веков исторического и систематического переосмысления тех плодов развития знания, какие собраны четырьмя первыми мировыми эпохами всеобщего развития человечества. Он сам «приложил руку» как к современному переосмыслению «Разделения наук», так и к созданию «Нового Органона», и к более глубокому пониманию «Естественной истории для основания философии». Но свое высшее назначение он видел в подготовке собственного, оригинального деяния христианской истории к ее завершающей фазе, позже получившей название эпохи Нового времени. В этой фазе необходимо закончить строительство «Лестницы разума» и, по мере возможности, подготовить сознание человека к приятной пятой «мировой эпохи», во времени которой, свободной игрою всех сил и сторон человека, будут сформированы «Предвестия второй философии». Отсюда двойственность бэконовской антропологии, с одной стороны, формирующей ограниченного в своей рассудочности «рационального человека» как строителя «Лестницы разума», сейчас уже больше напоминающей Вавилонскую башню, а с другой – ориентирующей на грядущее общее «рас-

слабление» и новое собирание человека – теперь уже в его божественной полноте.

Дж. Вико воспринял основание бэконовской антропологии и ее двойственную задачу, поставленную как основную задачу Нового времени (Модерна), не только завершающего «четвертый шаг», но и предуготовляющего к началу «пятого шага». Видимо, для него также «совершенно очевидно, что среди всех сочинений, созданных людьми, ничто не встречается реже, чем истинная, совершенная во всех отношениях история»¹⁰. Достоинство немецкого «романтического» историзма тоже основано на том, что он был последователен в решении этой широкой задачи¹¹. Он осмысливал светоносные опыты, не «размениваясь на мелочи» плодоносных опытов. Он был плоть от плоти философии Просвещения, как высшей точки мысли Модерна, но он видел свою и своего времени плоть на позвоночном столбе истории христианства – в преддверии нового мира, призванного восстановить человека в его божественной полноте. Поэтому, с нашей точки зрения, немецкий историзм объективно стал одним из наиболее последовательных исполнителей интеллектуальной программы Ф. Бэкона.

Но немецкий романтический историзм, в отличие от своего визави, неверно решил метафизическую проблему всеобщей истории человечества. Отказавшись от шестичленной (шестодневной) периодизации всеобщей истории, немецкий романтический историзм уже в лице И. И. Винкельмана, Ф. Шиллера и И. Г. Фихте принял пятичленную схему периодизации. Однако эстетически предположенная Винкельманом, психологически обоснованная Шиллером и философски фундированная Фихте пятичленная схема исторической периодизации оказалась весьма зыбким основанием для размышлений о структуре исторического процесса, ранее посредством библейского догмата отсылавшего философствующего историка к мифологической сопричастности родовой судьбе всего человечества.

Согласно онтологическому положению, утвердившемуся еще в ренессансной культуре, «начальной причиной» исторического развития стали считать противостояние логических принципов якобы «косной» общины и прозревающего, а потому якобы «динамичного», индивида. Следствием же неверного метафизического выбора и искаженности онтологического основания стала уже не просто прогрессирующая, но галопирующая секуляризация сознания и культуры в XIX–XX вв., сопровождаемая распадом наций и обществ на индивидов, а самих индивидов – на «рефлексы» и «комплексы». По этой логике «косная» община формировала незрячую «общую волю». «Динамичный» же индивид из «разрозненных ощущений» формировал зрячую, хотя и частную, «волю всех». Затем, встретившись с угрожающей самому его существованию «проблемой отчуждения», индивид будто бы устремляется к примирению

частной и общей «логик» и «воль». На нисходящей для его автономии, но восходящей для его мудрости ветви всеобщей истории индивид стремится к тому, чтобы в конце Истории вновь обрести «утраченный рай». Но помещает он этот «рай» не в потерявшую божественную гармонию «физическую» природу, а в приобретающую эстетическую гармоничность «культуру». В такой постановке проблемы деятельный индивид и после достижения «гармонии» остается единственным субъектом истории, противостоящим якобы «стихийным» природным и социальным силам. Он принципиально не нуждается в понимании и «беседе» с общинными индивидуальностями. Последнее же возможно для него только на путях сознания, герменевтически открытого религиозному догмату и священному мифу, в соизмерении опыта культуры с опытом культа.

Таким образом, отчасти косвенное, отчасти прямое влияние метафизики истории Ф. Бэкона на становление немецкого романтического историзма заключалось, прежде всего, в его интерпретации мифа о шестодневе. Этой интерпретацией в «Разделении наук» Ф. Бэкон дал сильный импульс развитию европейского, прежде всего английского и немецкого, исторического самосознания через осмысление опыта наступившей эпохи Нового времени. В свою очередь, в ней осмыслена «программа» дальнейшего развития потенций наступившей эпохи и всей истории человечества, так как каждому дню творения здесь соответствует *определенный этап развития разума и свой тип духовности*. На этой основе действительно возможно было создать подлинную всеобщую историю генезиса духа, который открывает историческое место основных его типов. Но последующее развитие философско-исторической мысли на пути французского картезианства, английского эмпиризма и немецкого идеализма привело к искажению, а затем и забвению этого ключевого метафизического учения великого английского философа. Поэтому последующая деградация метафизической сферы исторического разума стала закономерным следствием метафизической ограниченности «задания» эпохи Модерна в самом «строе божественных дел». Но Бэкон предвидел этот тупик. Он же провидел выход из этого тупика в сравнительно скором (по завершении эпохи Модерна) появлении нового свободного (вот еще одно измерение человеческой свободы!) истолкования Писания, в котором бы приоткрылись «две вещи, сокрытые от человеческого ума: тайны помыслов и бег времени».

Примечания

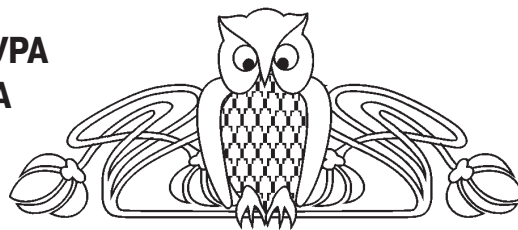
- ¹ Вывод, который делает Ф. Мейнеке из рассмотрения и сравнения трех предшественников немецкого историзма, заключается в том, что Шефтсбери и Лейбниц приблизились к идее индивидуальности, «но на пути к идее развития они остались в плену идеи совершенства». Вико же «с католическим и отмеченным воздействием барокко способом восприятия» раскрыл сущность идеи развития, а не идеи индивидуальности. Вследствие этого «и развитие сузилось до развертывания, но затем резко углубилось благодаря идее возрождения, а также осмысленности и особой ценности каждой ступени развития...» (Мейнеке Ф. Возникновение историзма : пер. с нем. М., 2004. С. 55–56).
- ² См.: Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 500.
- ³ См.: Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : пер. с англ. М., 1977. С. 68–69.
- ⁴ Там же. С. 64.
- ⁵ Там же. С. 79.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 79–80.
- ⁸ См.: Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : пер. с англ. М., 1977. С. 511–512.
- ⁹ Там же. С. 519–521. Именно в этом он видит задачу «пятого шага». В истолковании «предвестий Второй философии» Разум избавляется от ослепляющей его самоуверенности и начинает воспринимать то, что «нам встречается по дороге». (Бэкон Ф. Великое восстановление наук. С. 78).
- ¹⁰ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. С. 160–161.
- ¹¹ В понимании «духа времени» и исходящей из этого понимания периодизации всеобщей истории Ф. Бэкон, считает М. А. Барг, «явным образом опережал развитие исторической мысли по крайней мере на два столетия; ибо только на рубеже XVIII–XIX вв. мы сталкиваемся с теми же – в общем и целом – требованиями, составляющими вклад историков-романтиков в поступательное движение историзма». См.: Барг М. А. Историзм Фрэнсиса Бэкона // Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М., 1990. С. 227. М. А. Барг видит особую заслугу Ф. Бэкона в генезисе современного понимания исторической периодизации всеобщей истории, а также отмечает, что «в целом значение категории времени в системе воззрений Бэкона очень велико. Можно только удивляться, что до сих пор данная проблема не стала предметом специального исследования». (Там же. С. 228).

УДК 94(44)»72»Пакье

ФРАНЦУЗСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГУМАНИСТА Э. ПАКЬЕ

И. Я. Эльфонд

Саратовский государственный социально-экономический институт
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: iyelfond@mail.ru

Статья посвящена проблеме рецепции средневековой французской литературы в эпоху Возрождения во Франции. Автор доказывает тезис о формировании двух точек зрения по этой проблеме. Теоретики «Плеяды» выдвигали критическую точку зрения, другую, эволюционистскую, предложил Э. Пакье, гуманист и друг Ронсара. Э. Пакье выдвинул концепцию единства средневековой и ренессансной французской литературы, равно как и единства старофранцузской и окситанской литературы, и настаивал на влиянии последней на раннюю итальянскую поэзию эпохи Возрождения. Концепция развития французской литературы Э. Пакье (он вводит новый термин «bonnes lettres» для обозначения всех письменных памятников) вполне корреспондируется с его общей теорией цивилизации и прогресса.

Ключевые слова: культура, цивилизация, литература Ренессанса, французский гуманизм, «Плеяда», окситанская поэзия, средневековая французская литература, итальянская поэзия Ренессанса.

French Medieval Literature in Historical Concept of Humanist E. Pasquier

I. Ya. Iyelfond

The paper deals with a problem of reception of medieval French literature during the Renaissance in France. The author claims the thesis of formation of two points of view with that matter. The critical one formed by theorists of «Pleiade», and evolutionary by humanist and Ronsard's friend E. Pasquier. The latter proposed the concept of unity of medieval and Renaissance French literature as well as unity of literature of langu'd'oil and langue d'oc and stating the influence of oxitaine literature on the genesis of early Renaissance Italian poetry. Pasquier's concept of French literature (he suggests the new term «bonnes letters») corresponds with his theory of civilization and progress.

Key words: culture, civilisation, Renaissance literature, French humanism, Pleiade, oxitaine poetry, medieval French literature, Italian Renaissance poetry.

В культуре Ренессанса слово занимает особое место. Применительно к Франции нередко саму историю Возрождения начинают с выхода в свет знаменитого трактата «Защита и прославление французского языка» Жоашена Дю Белле (1549), значение которого выходит далеко за рамки теории языка. Трактат стал художественной программой «Плеяды» и ознаменовал оформление высокого идеала национальной культуры и искусства во Франции. Среди многих задач

«Плеяды» главной оставалась задача создания новой литературы и поэзии, которая оказалась бы способна возвеличить Францию, поставив язык и литературу на уровень лучших творений Античности и итальянского Ренессанса. Язык и литература впервые осмысливаются как явления, свидетельствующие об уровне развития народа, и в особенности его культуры, по сути, они понимаются как вербальная основа культуры. Высокие требования к новой литературе и языку означали необходимость знания древних языков, искусства, науки, философии и истории, сочинений античных и современных авторов. Тезис о необходимости следования античным образцам ориентировал на знание именно древних авторов и подражание им. Но такая постановка вопроса неизбежно порождала проблему рецепции предшествующей литературы Франции, в частности средневековой.

«Плеяда» критически относилась не только к средневековому литературному наследию, но и к поэтическому творчеству своих старших современников – Клемана Маро и Меллена де Сен-Желе¹. Естественно, что к средневековым поэтам отношение было еще более негативным, так, что Дю Белле от имени нового литературного движения отмечал, что «изо всех старых французских поэтов только Гийом де Лоррис и Жан де Мён достойны того, чтобы их читали, не столько за то, что у них есть многое, чему должны следовать современные писатели, сколько за то, что у них можно видеть как бы прообраз французского языка, почитаемого за свою древность»². Снисходительный тон и жесткий отбор доказывают, что «Плеяда» довольно негативно относилась к средневековой французской литературе.

Однако параллельно оформилась и иная точка зрения – Т. Себилле в своем «Поэтическом искусстве», написанном почти одновременно (в 1548) с трактатом Дю Белле, не отказывался от старого опыта и рассматривал историю литературы, суммируя поэтический опыт XVI в. и обращаясь к анализу средневековых форм, не отрицая их, как и опыта Средневековья. Еще до Себилле к проблеме рецепции литературы прошлого и ее великих авторов (Кретьен де Труа, Ален Шартье, Гийом де Лоррис, Жан де Мён, Гийом Кретен) обратился гуманист-печатник Жоффруа Торн³, который, как указывал Пакье, «в 1526 году напечатал книгу «Цветущий луг», где с высокой эрудицией излагает свой взгляд по рассматриваемой проблеме»⁴.

В этом контексте завязавшегося спора представляет интерес третья точка зрения, сформулированная Э. Пакье. Гуманист вошел в историю прежде всего как крупнейший историк-эрудит, у которого достаточно много достоинств. Но он известен также как ближайший друг Ронсара, человек, близкий к «Плеяде», и один из сторонников партии политиков, резко негативно относившийся к гражданским войнам и пришедший к программе веротерпимости. Кроме того, он был и поэтом, оставив в своем «Монофиле» ряд стихов. Историческая концепция Пакье отличалась важной особенностью: он настаивал на том, что показателем уровня развития каждого народа является степень его цивилизации. Для него это означало, что в истории важен не факт успешных завоеваний или расширения территории, а урбанизация и создание национальной культуры, которую он усматривал, прежде всего, в развитии языка и литературы. Пакье как историк настаивал на синтетической концепции этногенеза народов и их языков, что сыграло свою роль и в оценках культуры и литературы. Он разделял общую идею историков своего времени: стремление доказать древность своего народа и последовательное, системное развитие всех явлений, возникших в процессе этногенеза, – социальной структуры, институциональной истории, национальной церкви, городов, образования (университетов) и, наконец, языка и литературы, которым он отводит специальные главы своего, подчеркиваю, исторического исследования⁵.

Французскую литературу в целом гуманист рассматривает как «духовное явление» и поэтому стремится «возродить с помощью пера творения уже умерших поэтов», показав их подлинное значение. С этой целью он намеревается «дать обзор, поведав о ее генезисе, древности и развитии»⁶. Таким образом, в поле зрения попадает и средневековая литература, которую Пакье и не думает осуждать или отвергать, доказывая, что литература развивалась всегда, хотя и «иначе, чем у греков и римлян». Тем самым, Пакье настаивает на самобытности каждой национальной литературы и отмечает аналогичный путь развития литературы у всех европейских наций (в Италии, Испании, Германии, Англии)⁷. Он говорит о значении введения в поэзию рифмы, но полагает, что «даже нерифмованные латинские сочинения достойны изучения и носят следы древнейшей традиции»⁸. Начало французской литературы он относит ко времени правления Людовика VII, называя точную дату, – 1154 г. Отцом-основателем ее он считал некоего Леония, каноника Сен-Бенуа (впоследствии монаха Сен-Виктора), который «создал 12 книг в героических стихах по Библии от книги Бытия до книги Руфь»⁹. Анализу средневековой литературы, в частности поэзии, посвящена третья глава 7-й книги «Изысканий о Франции» («О древности и развитии нашей французской литературы»). Оценки гуманиста

достаточно трезвы. Пакье отмечал, что на раннем этапе великие поэты неизвестны, и такое явление нормально, поскольку «искусство и наука имеют свои перевороты (révolutions) и переходят из одной страны в другую»¹⁰. Логично, что в момент зарождения литературы «долго существовало невежество»¹¹. Однако Пакье утверждает, что «при Филиппе Августе литература (bonnes lettres) начала развиваться, свидетельство чему – творение Галтеруса «Роман об Александре» и вклад в нее великого Петра Абеляра»¹², а также мастерство в литературе не только Абеляра, но и Элоизы. Таким образом, он причисляет к литературным явлениям даже эпистолярное творчество, а далее впервые упоминает эпос, жести и роман, отмечая, в частности, роман об Ожье Датчанине и в особенности роман о Берте Большеногой, пересказывая его фабулу. Он подчеркивает не только древность и простоту слога, но и, ссылаясь на своего предшественника Жоффруа Тори, значение этих сочинений, утверждает, что авторы героических поэм впервые «продемонстрировали величие древнего языка»¹³. Характерен термин, употребляемый Пакье, – *bonnes lettres* в его понимании объединяют все формы прозы и поэзии, первые драматургические опыты (фарс о мэтре Патлене), эпистолярные памятники и даже исторические сочинения («Хроника» Фруассара).

Но, собственно, изящество стиля он связывает (как и Дю Белле) с «Романом о розе», историк ставит его авторов (Жана де Мёна и Гийома де Лорриса) необычайно высоко. По его мнению, по значимости «их можно сопоставить с итальянским поэтом Данте»¹⁴, а философские, нравственные и художественные достоинства их творчества настолько значительны, что «их следует уберечь, как и многих других, от забвения»¹⁵. Последнее доказывается тем, что К. Маро испытал влияние этого сочинения. Очень важен в его оценках социальный момент: Пакье считает, что национальная литература была широко распространена в средневековом французском обществе, в самых разных его слоях, «национальная поэзия была популярна как среди простого народа (*esprits du commun peuple*), так и среди принцев и вельмож Франции»¹⁶. Среди французских поэтов он выделяет Тибо Шампанского, Рауля де Суассона и Пьера Моклера, герцога Бретонского, к ним он причисляет и Карла Анжуйского (будущего короля Неаполя). Пальму первенства он отдавал Тибо, «создавшего множество любовных песен в честь королевы Бланки Кастильской»¹⁷. Как очень важный культурный факт, Пакье отмечает, что французская поэзия была неразрывно связана с музыкой («в начале каждой строфы многих из этих песен помещались ноты, так чтобы стихи можно было петь»¹⁸).

Особый восторг у гуманиста вызывает творчество Кретьена де Труа. Судя по всему, и в этом вопросе авторитетом для него был Жоффруа де Тори. Пакье фиксирует, что Кретьен посвятил

«Персиваля» графу Фландрскому, ссылаясь на трактат Тори. Он говорит о существовании множества рыцарских романов, с которыми ознакомился благодаря сведениям, взятым из специальной книги Клода Фоше. Существенно, что Пакье подчеркивает значение княжеских дворов для развития жанра рыцарского романа, в частности средневекового фландрского двора, в особенности при графе Филиппе, где хозяева покровительствовали развитию литературы. Как пример такого участия, гуманист называет создание романа об Ожье, т. е. Хольгере Датчанине.

Представляется, что принципиально важным в очерке истории развития французской литературы является появление в «Изысканиях о Франции» главы, посвященной провансальской, точнее, окситанской поэзии. Прежде всего, ее наличие подтверждает теоретическую культурно-историческую позицию Пакье. Он настаивает, что в процессе развития цивилизации и истории французского народа присутствовало слияние воедино многих явлений. Данный общий тезис гуманист распространяет и на процесс развития литературы. Но при этом Пакье выстраивает довольно сложную схему. По его мнению, окситанская поэзия трубадуров оказала огромное влияние на развитие итальянской лирики Проторенессанса. Более того, он полагает, что завершение провансальской поэзии определяет начало итальянской лирики. Важность этого положения имела вполне актуальный характер: Пакье вступает в косвенный спор с «Плеядой». Ее теоретики ориентировали на следование не только за античными, но и итальянскими ренессансными поэтами. Пакье, выдвигая свое положение, как бы спрашивал – стоит ли так отвергать средневековую национальную литературу, чтобы следовать за итальянской новой поэзией, которая не побрезговала изучить и усвоить уроки французской литературы. Ведь, по сути, культивировать творчество Данте и Петрарки (а глагол «петраркизировать» уже широко употреблялся во Франции)¹⁹ означает возвращение к собственным корням, поскольку провансальская поэзия является органической частью французской литературы. Так что обращение к итальянской традиции, собственно, ведет только к необходимости пристального изучения своей национальной литературы. Вероятно, этот тезис для него принципиально важен, так что прежде обратиться самому к рассмотрению наследия трубадуров, Пакье ссылается на аналогичную (вполне, кстати, верную) позицию итальянских гуманистов. Он, несомненно, знаком и с «Книгами о любви» Марио Эквинолы, и с сочинением Пьетро Бембо «Книги о любви», наконец, с трактатом по теории литературы «отца учености» (по определению Т. Тассо) Спероне Спероне «Диалоги о языках», которым, как известно, широко пользовался и Дю Белле в своем вышеупомянутом сочинении.

По мнению Пакье, если сами итальянцы признают подобное воздействие, то «так и сле-

дует считать»²⁰. Однако он полагает, что сама первопричина развитых франко-итальянских культурных связей на заре Ренессанса обусловлена исторической ситуацией. Тот факт, что «папы держали свой двор в Авиньоне», по его мнению, доказывает правильность суждений итальянских гуманистов; провансальская поэзия, он считал, широко распространилась благодаря культурной деятельности графов Прованса, в особенности последнего – Раймона Беранжера. Поэтому «итальянцы и восприняли от провансальских поэтов их многие прекрасные сочинения»²¹. И далее показательная фраза: которые (сочинения) они и «трансплантировали в свой народный язык vulgaire»²², (т. е. volgare. – И. Э.). Вывод делается показательный: «я и в самом деле оказался бы неблагодарным по отношению к собственной Франции, если бы не разделял преклонения итальянцев перед ними»²³.

Пакье анализирует поэтические формы трубадуров, выделяя сонеты, пасторали (пастуреллы), песни (кансоны), сирвенты и тенсоны. Сирвенты, по его определению, представляли собой сатиры, направленные против императоров, королей, принцев, а иногда и против лиц духовного звания. Тенсоны – это диспуты о любви. При анализе форм Пакье определяет ареал распространения окситанской поэзии, он оговаривает, что это явление характерно не только для Прованса, но и Дофине, Лангедока, Аквитании и других близких территорий региона. В принципе гуманист опирается на вполне конкретный источник информации: «Жизнеописание трубадуров» Жана Нострадама²⁴, брата Мишеля Нострадамуса. Поскольку это сочинение было опубликовано в 1575 г., очевидно, что Пакье данную главу вставил в свое сочинение уже в изданиях, последовавших после этого года. Характерен метод гуманиста: он не просто излагает ту информацию, которую приводит Нострадам, но критически оценивает и интерпретирует ее. Так, Пакье пытается установить количество трубадуров и сравнивает данные различных авторов. Нострадам называет 75 трубадуров²⁵, но Пакье считает, что это число не соответствует точным данным и пытается откорректировать его. С этой целью он ссылается на неизвестную средневековую книгу, которую использует Пьетро Бембо в своем трактате. Согласно ее данным, приведенным Бембо, трубадуров насчитывалось 96. Пакье не спорит со специалистом, по его мнению, «очевидно, что некоторых Нострадам просто забыл»²⁶. Однако и эти уточненные данные он полагает неточными и утверждает, исторически существовало еще более 20 трубадуров. К их числу он относит исключительно представителей знати, перечисляя Фридриха Барбароссу, Ричарда Львиное Сердце, графиню де Диа, Раймона Беранжера, графа Прованса, Петра II, короля Арагонского, ошибочно Дофина Овернского (Дофин в данном случае – личное имя, а не титул), графа Пуату, т. е. Вильгельма Аквитанского. Самое любопытное, что многие

из этого дополнительного списка фигурируют и у Нострадама (например, Фридрих Барбаросса).

Пакье с огромным удовольствием отмечает, что Петрарка в 4-й книге «Триумфа любви», давая общий перечень греческих, латинских и итальянских поэтов, которые прославляли в своем творчестве любовь, называет и 15 или 16 трубадуров, причем первым упоминает Арнаута Даниэля.

Анализ творения Нострадама и средневековых жизнеописаний и разо свидетельствует о том, что Пакье верен принципам гуманистической критики источника: он нередко вступает в полемику со своими предшественниками. Здесь показательны две истории – интерпретация романтической «дальней любви» Джауфре Рюделя и истории любви Рамбаута де Вакейраса.

Вслед за Нострадом Пакье упоминает о службе Рюделя у Джеффри, брата Ричарда Львиное Сердце, и гуманист переходит к изложению знаменитого разо о далекой любви, возникшей «благодаря рассказам паломников, вернувшихся из Леванта, об утонченности, красоте и добродетели графини Триполи»²⁷. Подвигла его на путешествие, по глубокому убеждению Пакье, любовь, но он добавляет мотив, которого нет ни у Нострадама, ни в жизнеописаниях трубадуров. Дворянская гордость побудила Рюделя прикрыть истину паломничеством: «для того, чтобы не стать объектом насмешек, он распространил слух, что собирается в паломничество, говоря, что хочет посетить святые места в Иерусалиме»²⁸. Похоже на истину, по мнению Пакье, утверждение Петрарки, который полагал, что эта любовь осталась неразделенной. Здесь он отходит от текста Нострадама, который уточняет, что «графиня явилась на корабль и взяла пиита за руку... он был столь нежно и ласково привечен»²⁹.

Очень характерно расхождение Пакье со своими предшественниками в отношении гибели Рюделя: «к довершению бедствий Жоффруа заболел так сильно, что моряки хотели избавить от него свой корабль и оставить его на волю волн»³⁰. Пакье доказывает свою версию ссылкой на Петрарку: «вот почему и Петрарка добавляет, что Жоффруа Рюдель был оставлен в море, чтобы встретить свою смерть»³¹. Петрарка в своем шестом трубадуров в «Триумфах» действительно бросает фразу о том, что «на гибель обрекли Жофре Рюделя весло и парус», но не о том, что он был брошен в море. Нострадам не упоминает вообще такого эпизода, он говорит лишь о намерениях корабельщиков, но сама смерть трубадура в его трактовке происходит на руках графини, которая к тому же «велела похоронить его в роскошной и почетной гробнице из Порфира»³². Спутник трубадура Бертран (д'Алламанон) не только сохранил его наследие, но графине Триполи «преподнес все его песни и кансоны, сложенные в ее честь»³³. Пакье отмечает, вслед за Нострадом, что «Бертран передал ей остатки сочинений умершего»³⁴, но при этом вводит неизвестный предшественнику

мотив «с целью утешить ее». Как видим, версия Пакье серьезно отличается не только от предшественников, но и от будущей пьесы «Принцесса Греза» Э. Ростана тем, что графиня Триполи неблагоприятна к обоим искателям, и версией смерти Рюделя. Пакье подвергает критике и другие биографии и разо.

Еще более любопытна его интерпретация истории любви другого трубадура. Он отбрасывает легенду, что тот прославился благодаря сочинениям в честь принцессы Беатрисы Монферратской, по его мнению, это «ничего общего не имеет с действительностью (precedente)»³⁵. Вообще весь этот эпизод очень показателен. Гуманист вполне в духе идей придворно-рыцарского французского Ренессанса сознательно меняет не только статус, но и имя своего героя, точнее заменяет персонаж. Во всех других сведениях об этой истории речь идет о трубадуре Рамбауте де Вакейрасе, Пакье приписывает приключение Рамбауту д'Ауренга, то есть представителю знати (принцу Оранском). История выглядит совершенно иначе. Согласно Пакье, трубадур «действительно был при дворе Бонифация в 1218 году и его приняли с почестями»³⁶. Но подобный прием, утверждает Пакье, был обусловлен тем, что трубадур был дворянином знатного рода, что и породило конфликт.

По мнению гуманиста, принцесса Беатриса с самого начала была недовольна как любовью Рамбаута, так и стихами, посвященными ей, и просила покинуть двор³⁷. Но Нострадам говорит о другом: «Беатриса питала к нему страстное чувство, но, будучи принцессой рассудительной, совершенно отдалилась от него, дабы не вызвать подозрений у мужа»³⁸; а в первом же разо, посвященном Рамбауту де Вакейрас, рассказывается о том, что «мадонна Беатрис сказала ему, что и он ей желанен»³⁹. Пакье в своей концепции любви считал, что идеальная любовь присутствует только в браке, и по этой причине мольбы дамы вызывались тем, что «она уже была замужем и не желала вызвать малейшее подозрение мужа»⁴⁰. Отсюда и нетипичная ситуация: героиня требует, чтобы трубадур покинул двор. Пакье заимствует (без лингвистических деталей) эпизод Нострадама о стихотворении, написанном на пяти языках (провансальском, тосканском (итальянском), французском, гасконском патуа и испанском), но добавляет совершенно иную, чем в оригинале, причину такого лингвистического разнообразия – жажду мщения: неблагодарность дамы возмутила принца Оранского, так что он как дворянин и подлинный поэт пожелал отомстить столь необычным образом. Следовательно, Пакье излагает факты биографий и мотивацию поступков трубадуров, критически интерпретируя данные Нострадама и средневековых биографий и разо.

Пакье отмечает, что популярность окситанской культуры и поэзии продолжалась долго, и связывал это с культурной политикой двора графов Прованса вплоть до гибели королевы

Неаполя Джованни I. По его мнению, только «после смерти ее всему был положен конец», и лишь «итальянцы честно сохраняют память»⁴¹ о них. Он специально устанавливает эту прямую связь между Италией и Францией, чтобы доказать значимость Данте и Петрарки, подлинных «источников поэзии», которые «берут свои истоки в нашей провансальской поэзии»⁴². Данте действительно уделяет большое внимание трубадурам. Он упоминает в «Божественной комедии» многих из них⁴³. Кроме того, уделяет им особенное внимание в трактате «О народном красноречии», прославляя целый ряд трубадуров, и прежде всего Бертрана де Борна, Арнальда Даниеля, Геро де Борнеля, а также Сорделло и Фолька Марсельского⁴⁴. Все это служит не только возвеличению поэзии на языке Лангедока, но и провансальская поэзия занимает особое место в оценках трубадуров.

Гуманист не ограничивает ценность французской литературы Средневековья только поэзией, но уделяет большое место эволюции прозы. Пакье дает свою схему формирования французской литературы. В эпоху Средневековья, констатирует он, «вместо поэзии, которая должна была прославлять подвиги храбрых рыцарей и великих вельмож, начинает среди нас развиваться новая форма литературы, которая описывает эти подвиги в прозе»⁴⁵. Речь идет о рыцарском романе, и он выделяет два основных направления его развития во Франции. По его мнению, «одни авторы обращались к подвигам Карла Великого и его дружинников, а другие – к истории короля Артура Бретонского и его рыцарей, которые назывались рыцарями Круглого стола»⁴⁶. Вероятно, он сближает с собственно рыцарским романом и части королевской жести. Но самое важное в этом анализе – его оценки нового жанра. Трудно даже представить себе, что в эпоху расцвета французского Ренессанса последователь «Плеяды» может давать столь высокие оценки рыцарскому роману. В его трактовке «книги, созданные умелым пером, много сделали для того, чтобы развить и усовершенствовать наш язык»⁴⁷. Правда, следует указать, что, к примеру, «Амадис Галльский» сохранял свою популярность даже в XVII в. Но развитие литературы шло постоянно и непрерывно, хотя, как отмечает Пакье, «с изменчивостью времени все менялось»⁴⁸. И хотя французская поэзия находилась на втором плане в период господства романа, в ней «разрабатывались новые формы, неизвестные древнейшим из французских поэтов»⁴⁹. К этим формам Пакье относит королевские песни, баллады и рондо и оценивает их художественные достоинства абсолютно иначе, чем его друзья по «Плеяде». Дю Белле крайне резко отзывается о названных жанрах, по его мнению, поэт должен оставить «все старые французские стихи Тулузских Цветочных игр и Руанского Холма, все эти рондо, баллады, вирилэ, королевские песни, песенки... которые портят вкус нашего языка и служат не чем иным, как свидетельством нашего невежества»⁵⁰. Па-

кье же не только рассматривает их, но и считает заслуживающими высокой оценки: «я отвожу самое почетное место королевским песням как наиболее достойному произведению этой новой поэзии»⁵¹. Балладу Пакье оценивает как более короткую форму королевской песни, в которой сохраняются и соблюдаются все правила первой формы, в дальнейшем в них появились рифмы, и установилась следующая форма – четыре десятистрочных или восьмистрочных строфы. Эти три стихотворные формы, уточняет Пакье, заметны еще и в наши дни, хотя он «представляет их читателю как архаизм».

При этом Пакье, в отличие от сторонников «Плеяды», высоко ценил сложившиеся в средние века формы организации поэтических состязаний. Он отмечал, что «всегда существовали состязания поэтов, но там не клеймили тех, кто писал хуже прочих, а, напротив, награждали почетным прозвищем короля или принца, того, кто сочинял лучше остальных, например, автор Ожье Датчанина, звался королем»⁵². Именно в этом контексте он вступает в прямой спор с Дю Белле, приводя его уничижительное высказывание о стихотворных формах Средневековья и опираясь на мнение Т. Себилле: «всем этим формам Тома Себилле посвятил специальную книгу под названием «Французское поэтическое искусство», где и рассмотрел все эти стихи»⁵³.

Расцвет новой литературы и становление новых литературных форм Пакье связывает с правлением Карла V: «Все эти королевские песни, баллады, рондо и пасторали возникают приблизительно в царствование Карла V»⁵⁴. Именно к этому периоду относительной стабилизации в течение Столетней войны, а именно тогда, по мнению гуманиста, «королевство было богатым и процветающим», он относит подъем в развитии литературы; именно тогда «зародилась и набирала силу наша литература»⁵⁵. Доказательством этого факта Пакье считает появление переводов античных авторов: «тогда епископ Лизье, мэтр Никола Орезм перевел на французский язык большую часть сочинений Аристотеля»⁵⁶. Кроме того, расцвет доказывается и возникновением новой поэзии и исторических сочинений, среди которых Пакье особо выделяет Фруассара: «Я полагаю, что максимально способствовал развитию этой новой поэзии Жан Фруассар, который создал свое огромное историческое сочинение от царствования Филиппа Валуа до 1400 г.»⁵⁷. При изложении фактов Пакье последовательно подчеркивает непрерывное развитие французской литературы, наличие преемственной связи в нем. Эстафету продолжило в его изображении царствование Карла VII, и произошло это благодаря творчеству секретаря короля Алена Шартье. Пакье посвятил ему целую главу своего сочинения. Процесс подъема литературы он доводит до самого вступления на престол короля Франциска I. По мнению гуманиста, «эта эпоха вскормила множество поэтов: братьев Арну

и Симона Гребана⁵⁸, Жоржа Шатлена, Франсуа Вийона, Мешино, Мулине»⁵⁹. Но особо высоко он ставит творчество того автора, который «сочинил фарс о мэтре Патлэне»⁶⁰.

Характерно, что, давая высокие оценки творчеству того или иного поэта (неважно, прошлого или настоящего), Пакье доказывает их правоту ссылками на оригинальный текст и приводит обширные цитаты из всевозможных сочинений. Показательно, что он не упоминает Карла Орлеанского как поэта, как и Рютбефа и Дешана, и фактически ничего не пишет о наследии Франсуа Вийона.

Завершает Пакье обзор средневековой литературы анализом наследия Лемера де Бельжа, переходной фигуры, особо подчеркивая характер деятельности автора «Прославлений Франции» и создателя Троянского мифа во Франции. Пакье усматривает значение его творчества, как и великих риториков, в том, что он «обогастил наш язык множеством прекрасных сочинений в прозе и поэзии, и известно, что многим писателям нашего времени он помог во многом»⁶¹.

Естественно, что Пакье считает необходимым особо выделить эпоху «восстановителя литературы» короля Франциска I, собственный пример которого «вызвал к жизни множество творений могучих умов»⁶² в поэзии. Среди этих умов он особо выделяет Клемана Маро и Меллена де Сен-Желе, которые в его изображении «уже во чреве матери были носителями поэзии»⁶³. Так Пакье переходит к современным ему литературным направлениям, детально их анализируя далее. Характерно, что рассмотрению творчества Ронсара, Дю Белле и других своих современников он уделяет столько же места, сколько наследию средневековой французской литературы. Пакье не противопоставляет творчество «Плеяды», Рабле и других своих современников наследию прошлого, а, напротив, подчеркивает последовательную, плавную эволюцию французской литературы. Он отмечает все большее ее совершенство, как в прозе, так и в поэзии с течением времени.

Значение очерка истории средневековой литературы Франции Пакье заключается в том, что он объединяет окситанскую и старофранцузскую литературу в единое целое и подчеркивает ее приоритеты по отношению к итальянской. Профессиональный анализ достоинств средневековой французской литературы был осуществлен историком, и он же вводит новое понятие «*bonne lettres*» для характеристики литературы в целом как составной и важнейшей части национальной культуры, трактуя ее как обязательный и необходимый элемент национальной идентичности.

Примечания

¹ О генезисе «Плеяды» и культурно-исторической ситуации см. первые главы монографии Ю. Б. Виппера. См.: Виппер Ю. Б. Поэзия «Плеяды». М., 1976.

- ² Эстетика Возрождения : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 368.
- ³ О Жоффруа Тори см.: Стаф И. К. Миф и печатня : мифологизация французского языка в «Цветущем луге» Жоффруа Тори // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 253–259.
- ⁴ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1633. P. 735.
- ⁵ О наследии Пакье см.: Kelley D. Foundations of modern historical scholarship. N. Y., 1970; Sweany S. Estienne Pasquier (1529–1615) et nationalisme littéraire. P., 1985; Bouteiller P. Recherches sur la vie et la carrière d'Etienne Pasquier, historien et humaniste du XVI e siècle. P., 1989; Эльфонд И. Я. Кабинетный ученый и бури гражданских войн // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 72–82; Она же. Концепция любви гуманиста Э. Пакье // Образы любви и красоты в культуре Возрождения. М., 2008. С. 184–194.
- ⁶ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 712.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Ibid. P. 720.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ibid. P. 723.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Ibid. P. 724.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ О петраркизме см.: Якушкина Т. В. Итальянский петраркизм XV–XVI веков : традиция и канон : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
- ²⁰ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 727.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Ibidem.
- ²³ Ibid. P. 727.
- ²⁴ См.: Nostredame J. de. Les vies des plus celebres et qnciens poetes provencaux qui ont flouri du temps des comtes de Provence. В работе использовалось издание: Нострдам Жан де. Жизнеописания древних и наиславнейших питов, во времена графов Прованских процветших / пер. С. В. Петрова. М., 1993.
- ²⁵ Пакье говорит о 76, но 76-й человек – это собиратель жизнеописаний трубадуров.
- ²⁶ Pasquie E. Les Recherches de la France. P., 1633. P. 728.
- ²⁷ Ibid. P. 729.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Нострдам Жан де. Указ. соч. С. 267.
- ³⁰ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729.
- ³¹ Ibidem.
- ³² Нострдам Жан де. Указ. соч. С. 267.
- ³³ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ Вообще упоминание об этом годе свидетельствует как раз о доверии со стороны Пакье к данным Нострдама, поскольку Бонифаций II Монферратский умер в 1207 году.

- ³⁷ См.: *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729.*
- ³⁸ *Нострдам Жан де. Указ. соч. С. 284.*
- ³⁹ *Вакейрас Раймбаут де. Разо первое // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 212.*
- ⁴⁰ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729–730.*
- ⁴¹ *Ibid. P. 730.*
- ⁴² *Ibidem.*
- ⁴³ Характерно, что в текстах Данте отсутствуют упоминания о первых трубадурах. И.Я. Голенищев-Кутузов полагал, что он просто не знаком с сочинениями Маркабрюна, Рюделя и Гильема Аквитанского. См.: *Голенищев-Кутузов И. Я. Данте и средневековая культура // Творчество Данте и мировая культура. М., 1961. С. 121.*
- ⁴⁴ См.: *Данте Алигьери. О народном красноречии. Книга 1 // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.*
- ⁴⁵ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 731.*
- ⁴⁶ *Ibidem.*
- ⁴⁷ *Ibidem.*
- ⁴⁸ *Ibidem.*
- ⁴⁹ *Ibidem.*
- ⁵⁰ *Дю Белле Ж. Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 256–257.*
- ⁵¹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 731.*
- ⁵² *Ibid. P. 734.*
- ⁵³ *Ibid. P. 739–740.*
- ⁵⁴ *Ibid. P. 734.*
- ⁵⁵ *Ibidem.*
- ⁵⁶ *Ibidem.*
- ⁵⁷ *Ibidem.*
- ⁵⁸ Создатели знаменитых мистерий «Подлинной мистерии о страстях Господних» и «Мистерии о деяниях апостолов»
- ⁵⁹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 735.*
- ⁶⁰ *Ibidem.*
- ⁶¹ *Ibidem.*
- ⁶² *Ibidem.*
- ⁶³ *Ibid. P. 736.*

УДК 94(460).087

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПАНСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Д. М. Креленко

Статья посвящена анализу соблюдения статуса нейтрального государства, как самой Испанией, так и ее партнерами, относящимися к противостоящим лагерям. В работе затрагиваются вопросы изменения экономической ситуации и последствия активизации внешней торговли Испании в годы войны. Особое внимание уделено эволюции внешнеполитического курса страны и прецедентам, связанным с нарушением испанского нейтралитета на протяжении 1914–1918 годов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Испания, нейтралитет, внешняя политика, Антанта, Тройственный союз.

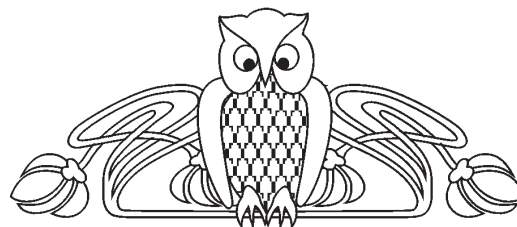
Spanish Neutrality During the First World War: Selected Aspects

D. M. Krelenko

The article analyses the maintenance of neutrality by Spain as well as its partners belonging to opposing sides. The article touches upon the issues of alterations in the economic situation and consequences of the facilitation of Spanish international trade in WWI. The author focuses on the development of the country's foreign policy and the cases when Spain infringed the neutrality during 1914–1918.

Key words: WWI, Spain, neutrality, foreign policy, Triple Entente, Triple Alliance.

Внешняя политика Испании в канун Первой мировой войны имела фундаментом комплекс соглашений с западными участниками «сердечного соглашения», достигнутыми в Альхесира-

се и Картахене. Альхесираские соглашения, касающиеся раздела Марокко, известны достаточно хорошо и не требуют дополнительного комментария. В контексте испанской проблематики решения, достигнутые в Альхесирае, означали лишь запрограммированную ими привязку Мадрида к политической линии Антанты. Наделив Испанию правом определения судьбы прилегающей к Гибралтару части Марокко, Лондон и Париж не только устранили риск взаимного трения, но и исключили возможность испано-германского сближения. Испанский король Альфонс XIII отныне не мог расстаться с прогнозируемыми экономическими выгодами от эксплуатации испанской зоны султаната, а кроме того утратить авторитет «реаниматора» империи. В Берлине Вильгельм II отныне полагал своего испанского подражателя соучастником творцов «штальринга», препятствующих обретению его Второй империей достойного места под солнцем. Впрочем, невнимание столпов германской политики к Испании и ее действиям косвенно свидетельствует о заведомой уступке в иберийском вопросе¹.

Тем не менее надежный клин в германо-испанские отношения требовал совершенствования. Выплатив Испании аванс в виде охваченных перманентным конфликтом марокканских территорий, партнеры затребовали дополнительных

услуг. На этот раз инициатива дополнений исходила из Лондона, где намеривались перестраховаться от случайностей, которые могли нанести урон британскому морскому доминированию. В апреле 1907 г. английский король Эдуард VII посетил Испанию, где предложил испанскому коллеге соглашение о соблюдении «статус-кво» в вопросе о пунктах базирования. Спустя месяц, 16 мая 1907 г., Картахенское соглашение вступило в силу. Великобритания, Испания и примкнувшая к ним Франция взаимно декларировали единство действий с целью недопущения в договорные воды и порты ВМС третьих стран. В случае подобных посягательств подписанты приступали к консультациям о мерах противодействия. Соглашение касалось западного Средиземноморья, вод Атлантики, непосредственно омывающих берега испанских метрополий, колоний и Канарских островов. Кроме того, неизменность принадлежности баз ВМС косвенно легитимировало английское присутствие в Гибралтаре². Данная позиция позволяла оценить «Первое Картахенское соглашение» как излюбленный английский прием с разделом сфер влияния, призванный ослабить напряжение в периферийных секторах ради концентрации на главном направлении, коим, несомненно, являлась Вторая империя.

Весной 1913 г., когда угроза европейского конфликта стала более осязаемой, французы и испанцы решили упрочить отношения. Осведомляя Лондон, остальные акторы нацелились на более конкретные военные обязательства, чреватые прямым союзом. Испания, вероятно, была удручена миссией Холдена³, за которой последовала активизация англо-германских контактов по ряду колониальных проблем в Африке⁴. Возможность умиротворения Вильгельма за счет португальских колоний по ряду причин тревожила Альфонса XIII, а возможно, и наводила на мысль о судьбе Фернандо-По и Испанской Гвинеи в свете британской модели компромиссов. Зондаж короля Альфонса XIII в Париже весной 1913 г. закончился повторным совещанием в Картахене, состоявшемся 7–10 октября того же года. Представлявший Испанию премьер граф Романьонес потребовал от французского президента Р. Пуанкаре оперативных планов по противодействию возможным германским амбициям в консультационном регионе⁵. Французская сторона явно замешкалась, не желая принимать конкретных обязательств – воевать по зову испанцев. Кроме того, сам театр не согласовался с англо-французским разделением оперативных зон, оговоренных в соответствующей конвенции от ноября 1912 г.⁶ Между тем, англичане, ответственные за Атлантику, отмалчивались, пребывая в роли осведомленного статиста. Зато Р. Пуанкаре поинтересовался перспективой транзита французских подкреплений из Алжира и Марокко по испанской территории и получил отказ ввиду слабости испанской железнодорожной сети.

Сам факт обсуждения трансиспанского маршрута свидетельствовал о серьезных намерениях Франции вовлечь средиземноморского партнера в грядущий конфликт с Германией. Уровень переговоров, за спиной испанской группы которых постоянно маячила фигура монарха, говорил о желании Парижа увидеть испанцев штурмующими Мец или форсирующими Рейн. Испанцы грамотно провели рекламную кампанию, демонстрируя мощь. В строй был срочно введен первый испанский дредноут, ставший главной декорацией завершающего раунда переговоров в Картахене⁷. В те годы обладание кораблями подобного класса было сродни современному владению ядерным оружием, свидетельствуя о первоклассном характере державной мощи. К слову, Францию на картахенском рейде представляли корабли попроще, а первенец французского дредноутного флота «Жан Бар» в октябре 1913 г. только испытывался⁸. Впрочем, «Эспанья» находилась в том же положении, ее ускоренное вступление в строй должно было пустить пыль в глаза потенциальному союзнику.

Таким образом, демонстрируя некоторое превосходство, испанцы набивали цену. Что касается сухопутной армии, то на бумаге Испания выглядела достойным партнером, имея 16 пехотных дивизий, 1 – кавалерийскую и 12 – разнородных бригад. В сумме эти силы приближались к 300 тыс. бойцов и выглядели как серьезное подспорье в европейском конфликте. Но Второе бюро французского генерального штаба не могло не знать и других цифр. Например, тех, что касались численности войск, связанных с борьбой в Марокканском протекторате, а таковых в 1913 г. насчитывалось свыше 60 тыс.⁹ Причем в 1913 г. ввиду обострения обстановки, вызванной восстанием племени Джибала под руководством Аль Райсуни, протекторат срочно требовал подкрепления¹⁰. Лучше того, французам была известна техническая база испанской армии, коль скоро заказы на орудия, автоматическое оружие, аэропланы для новорожденной авиации партнера выполнялись иностранными и преимущественно французскими фирмами.

Данный пласт информации оптимизма не вызывал, поскольку современного вооружения испанцам едва хватало для Африки. Испания имела серьезный демографический потенциал для мобилизации, но данные возможности не покрывались производством предметов снабжения, что угрожало по мере исчерпания скудных арсенальных запасов превращению испанской армии в иждивенца для французской экономики. Впрочем, даже такой вклад полуострова в труды грядущих фронтовых будней превосходил намеченный английский. Французы колебались. Иначе говоря, Испания явилась бы подходящим партнером при выполнении двух условий. Первого, подразумевающего скоротечность кампании, и второго – абсолютной политической покладистости и нестяжательства испанцев. В то, что случится первая

часть оптимистической концепции, французы в 1913 г. верили, равно как их враги и союзники. Но вот во втором сегменте Пуанкаре и свиту ожидало разочарование. Испанцы недаром прибегали к рекламным трюкам. Они готовили сенсационное требование за тесный военный союз.

У Альфонса XIII, как у многих посредственных властителей, была тяга к величественным деяниям. Он мечтал о поглощении Португалии и создании «Иберийской империи»¹¹. Следует оговориться, в период кануна великой войны повод помечтать существовал. В 1908 г. после двойного цареубийства, совершенного карбонариями-республиканцами и погубившего сразу и монарха, и легитимного наследника. Португалия вступила в фазу затяжного кризиса¹². Новоявленная республика, явившаяся следствием октябрьского переворота 1910 г., оказалась слабодеспособной. Радикальные преобразования вовсе не коснулись социальной сферы и экономики, зато имели ярко выраженную антиклерикальную направленность, что быстро поссорило Первую республику с большинством населения страны¹³. Началась цепочка антиреспубликанских заговоров и мятежей. В 1912 г. роялисты, в частности, провозгласили «Монархию севера» в центре во втором по значимости для страны городе Порту и несколько недель выдерживали под контролем треть территории государства. Причем базой роялистов и их надеждой была Испания¹⁴. Альфонс XIII, естественно, видел себя вождем «белой революции» и объединителем иберов. Однако решиться на вторжение без одобрения мирового сообщества не сумел. Но ситуация в Португалии не имела тенденций к улучшению, следовательно, ключевой вопрос для испанского монарха с повестки дня не снимался. В результате именно Португалию Альфонс и попросил в уплату за союз с Францией у ее президента¹⁵. Пуанкаре отказал, очевидно, памятуя об англо-португальском договоре, непрерывно возобновляемом, ни мало ни много, с 1666 г. по причине особой ценности Лузитании для Альбиона и его стратегии¹⁶. Вслед за тем пошли прахом идеи испанского транзита и совокупных ударов на Рейне. Картахенскую гавань Пуанкаре покидал с испанским обещанием «дружественного нейтралитета» и желательного возобновления консультаций при обострении обстановки¹⁷. Обе стороны сохранили свободу рук при известном добрососедстве, чем Испания не преминула воспользоваться. Едва в Европе заговорили пушки, правительство консерватора Э. Дато, вопреки традиционной для единомышленников ориентации считавшегося сторонником Антанты, объявило о нейтралитете. Это произошло 1 августа 1914 г. в одностороннем порядке, без каких-либо ранее намечавшихся консультаций с партнерами¹⁸.

Лишенная «португальской» либо любой иной мотивировки, Испания избрала благотворный нейтралитет. Причем выбор был сделан именно Испанией, ее народом, элитой, самой структурой

экономики. Отношение к противостоящим блокам буквально разрывало на куски любые политические объединения, партии и движения. Традиционно сменявшиеся в рамках конституционной монархии группировки либерал-демократов и либерал-консерваторов оказались раздробленными на равносильные фракции, каждая из которых приобрела свою долю вождей. Антантофильскую группировку возглавили консерватор Э. Дато и классический либерал А. де Фигуэро и Торрес, более известный как граф Романьонес. В германологии признавались А. Маура, авторитетнейший консерватор, и одновременно М. Гарсия Прието, известный как самый последовательный демократ среди испанских либералов¹⁹. Причем межпартийных разногласий внешнеполитическое позиционирование отнюдь не ослабляло, как и кризисных явлений в социально-экономической жизни Испании, приводя к частой смене правящих партий. В результате с 1914 по 1918 г. у руля страны прибывало семь кабинетов, возглавляемых всеми упомянутыми политиками. Группировки, оппозиционные режиму в целом, как республиканцы или сторонники карлистских кандидатов (альтернативные монархисты) склонялись соответственно к Антанте и центральным державам. «Левые» делились сложнее, вожди социалистов преимущественно симпатизировали «сердечному согласию», однако имела пацифистская прослойка, обильно одобренная анархо-синдикалистами. Эту, последнюю, группу французская контрразведка считала подверженной германскому влиянию²⁰.

Впрочем, выше изложенное являлось исключительно вопросом симпатий или антипатий, поскольку в условиях тотального дробления общества выпестовать реальную принадлежность к одному из лагерей было невозможно. Налицо тот редкий случай, когда плюрализм, возникший за отсутствием действительной общенациональной мотивации, сослужил благую службу стране.

Исходя из данных обстоятельств, испанский вклад в победу одного из лагерей мог иметь сугубо экономическое измерение. Нейтралитет мог быть истинным, подразумевающим эмбарго на торговлю со всеми комбатантами, примеров чего история вообще не знает. Либо в силу нецелесообразности таковых нейтральность зиждилась на свободном извлечении прибылей из потребностей обоих лагерей, что являлось мечтой «любой мудрой обезьяны, наблюдающей чужую свару». Но британская морская блокада, объявленная немедленно по вступлении в войну и ужесточенная в 1915 г., когда под контроль встали даже объемы внутреннего потребления граничащих с Германией нейтральных стран, практически исключила возможность систематического и объемного товарооборота между заинтересованными нейтралами и коалицией, возглавляемой Германией²¹. Начертание тверди и вод оставило возможность извлечения двояких прибылей лишь Швеции. Остальных нейтральных

продавцов мероприятия Королевского флота превратили в невольных союзников Антанты. Этой участи не избежали даже США и уж, конечно, Испания, пережившая период конъюнктурного взлета спроса.

Поздней осенью 1914 г. рухнули все предвоенные расчеты военных и политиков на скорое завершение конфликта. Оптимисты в руководстве противостоящих блоков либо прозревали до состояния прагматиков, либо заменялись таковыми. Стремительная аннигиляция ресурсов, перекройка границ зон размещения производительных сил, исчерпание трудовых резервов в условиях войны нового типа потребовали расширения и укрепления экономического фундамента сражающихся социумов. Кризисный характер перемен заставил прибегать к чрезвычайным мерам. Медленное, но надежное, интенсивное совершенствование экономических платформ не обеспечивало должной динамики роста, пришлось искать путей экстенсивного увеличения могущества. Наступал «звездный час» испанского экспорта. Его основу традиционно составили промышленное сырье и продовольствие. В 1914 г. обе группы товаров резко выросли в цене. Оставив свой основной железорудный бассейн в районе Лонгви-Бри, Франция разом лишилась почти половины сырья черной металлургии. В Англии определяющей морской мощью тандем У. Черчилль – Д. Фишер к ноябрю 1914 г. предложил чрезвычайную программу военного судостроения, включавшую 612 боевых кораблей и вспомогательных судов²². Подобные проекты, в свою очередь, требовали заметного роста выплавки чугуна и стали, даже на фоне и без того увеличившегося спроса на железорудные запасы планеты. Продукция испанских рудников расходилась невиданными темпами. Неслучайно именно рудная страна басков к 1919 г. вышла на первое место в стране по уровню концентрации капитала²³. Вторым по значимости товаром лихолье оказался уголь, добыча которого с 1913 по 1918 г. выросла почти вдвое, обогатив угледобывающую Астурию²⁴. Отлично продавались медь рудников Рио-Тинто, легирующие материалы и редкоземельные металлы.

Особую ценность Испания как поставщик сырья обрела из-за ее близости к основным промышленным центрам Англии и Франции, что существенно облегчило работы транспортных систем воюющих империй, упрощая логистику и снижая издержки. По той же причине ввиду мобилизационных изыятий рабочих рук из агросекторов экономик Англии и Франции существенно возросла потребность в продуктах питания. Правда, на данном поприще испанцев поджидал неприятный сюрприз – рост цены продовольствия на мировом рынке подтолкнул предпринимателей к наращиванию экспорта. Между тем, слабость Испании в деле производства средств производства и сокращение подобного предложения

на планетарном рынке ограничило интенсивное развитие сельского хозяйства.

Предел экстенсивному росту положил имевший место процесс перемещения рабочей силы в промышленность. В результате расширения экспорта отставание от роста производства спровоцировало к 1916 г. почти двукратный рост цен на продовольствие, что повлекло эскалацию социальной нестабильности²⁵. Не имея возможности конкурировать с иностранными потребителями, платившими золотом, испанцы ответили энергичным забастовочным движением, едва не закончившимся в августе 1917 г. политической революцией²⁶. Впрочем, кризис 1917 г. был лишь первым симптомом болезни конъюнктурного роста испанской экономики. До поры кризисные явления компенсировались успехами в других отраслях. Едва ли не впервые на протяжении Нового времени ликвидность обрели испанские товары многочисленных переделов. Шерстяные и хлопчатобумажные ткани текстильщиков Каталонии явились первым резервом нуждавшейся в миллионах комплектов обмундирования французской армии. Затем к французскому правительству в деле закупок присоединилось итальянское, в целом удвоив производство испанского текстиля²⁷. Война практически с нуля создала испанскую химическую²⁸. Наконец, испанские промышленники, кроме полуфабрикатов, предложили рынку высокотехнологичные, применительно к эпохе, товары. Ряд предприятий Басконии и Каталонии, размещенных в Эйбаре, Гернике и Барселоне, наладили поточный выпуск пистолетов. За годы войны Франция, Италия и Россия закупили в общей сложности более 900 тыс. экземпляров автоматических пистолетов типа «Руби» и свыше 460 тыс. армейских револьверов²⁹. Патроны, правда, испанцы покупателям не предоставляли, поскольку их производство велось государственными арсеналами, и, следовательно, поставки были невозможны в рамках нейтралитета. Но калибр пистолетов соответствовал французскому стандарту, что упрощало обеспечение боекомплект³⁰.

Безусловно, испанские полукустарные технологии производства, как и качество пистолетов, оставляли желать лучшего, но в любом случае прибыли четырех крупнейших фирм по производству оружия превосходили все ранее наблюдавшиеся в неизбалованной экспортом сложных изделий Испании.

Кстати, в связи с вышеизложенным возникает любопытный исторический казус. Всему миру известен факт военного преступления франкистского режима и его союзников-нацистов, совершенного против баскского города Герники. Причем, ведя речь о варварской бомбардировке этого населенного пункта, историки и публицисты обычно указывают на отсутствие там какой-либо оборонной инфраструктуры. Между тем, в Гернике работали предприятия сразу четырех фирм, дочерних

знаменитой «Унсетте», выпускавшей огнестрельное оружие³¹. Этот факт косвенно подтвержден даже Большой советской энциклопедией 30-х гг., где помещена фотография оружейного цеха в «Гвернихе»³². Написание и фонетику сложной смеси кастильского и баскского языков оставим на совести составителей. До рейда «кондора» название городка было известно не слишком широко. Однако следует признать, что данный военный объект располагался именно в древней столице Страны Басков. Более того, архаичный характер производства заставлял оружейников размещать мелкие подряды по семейным мастерским, где в кустарных условиях, буквально «напильником на коленке» изготовлялись комплектующие для сборочных цехов. То есть Герника, сохранившая градообразующее производство и в период после Первой мировой войны, была весьма военизированным населенным пунктом.

Автор своим замечанием никоим образом не оправдывает нацистских зверств и не имеет такого желания, но лишь обращает внимание на способность информационных технологий, присутствующих даже первой половине XX в., существенно корректировать облик реальности.

Возвращаясь к основной тематике, следует констатировать, что внушительные показатели реализации продукции промышленного производства не являлись общеиспанским рекордом. Сложность переоснащения заводов и фабрик вследствие дефицита соответствующего станочного парка на мировом рынке помешала завершению диверсификации испанской экономики. Производительность труда и его механизация медленно росли на оружейных производствах, переделанных из ткацких фабрик³³.

Иное дело транспорт, особенно морской. Доходы семи крупнейших компаний судовладельцев уже в 1915 г. возросли в 12,5 раз, в сравнении с 1910 г., а к 1918 этот показатель был превышен вчетверо³⁴. Понятное дело, сказочный рост доходов был сопряжен не с ростом общей вместимости судовых трюмов, а со стоимостью перевозок, включавших военные надбавки за риск. Риск, следует заметить, был реален. В августе 1915 г. немецкие субмарины потопили пару испанских рудовозов на маршруте между Бискайским побережьем и Глазго. Причем с погибшим 19 числа транспортом «Пенья Кастильо» на дне оказались 23 члена команды³⁵. Испания заявила протест, в связи с тем, что первый раунд неограниченной войны был формально завершен, хотя груз железной руды был явной контрабандой. Берлин объяснил произошедшее ошибкой, но практики борьбы с нейтральным судоходством не оставил. На протяжении следующего года испанские перевозчики потеряли от действий немецких подлодок 13 транспортов, в основном с грузами, подпадающими под понятие стратегических³⁶.

В ответ на протесты Мадрида германцы предложили компенсацию в виде интернированных

в испанских портах германских пароходов, коих насчитывалось семь³⁷. Берлин, вероятно, хотел избежать развития событий по португальскому сценарию, когда конфискация немецких судов явилась «казусом белли» в германо-португальских отношениях³⁸. Но имелась существенная разница. Португальцы могли пожить семьдесятками судов, укрывшихся в устье Тахо, тогда как испанцам добровольно предлагалось десятикратно меньшее число. Отклонив немецкие компенсации, которые в любом случае уже были в руках, испанцы поменяли режим нейтралитета применительно к германским боевым кораблям. В начале войны испанские власти на местах закрывали глаза на отдельные факты нарушения режима пребывания и бункерования германских субмарин в водах близ Канарских островов, Марокко и даже в портах метрополии³⁹. С 1916 г. режим был серьезно ужесточен, и немецким подводникам отказали даже в кратковременном посещении территориальных вод и портов под угрозой немедленного интернирования. В 1917–1918 гг. испанцы выполнили обещанное, поставив на прикол 5 немецких подводных лодок⁴⁰. Кайзеровские моряки в долгу не остались, доведя общий счет побед над нейтральным испанским судоходством до 50 единиц, общим водоизмещением свыше 150 тыс. т⁴¹. Еще 6 судов под испанским торговым флагом получили повреждение. В качестве ответного шага в октябре 1918 г. под занавес событий Мадрид все же распорядился конфисковать собственность германских судовладельцев, застрявшую в национальных портах⁴².

Еще одним важным аспектом испанского бытия периода великой войны был вопрос о функционировании на просторах Иберийского полуострова и протектората разведывательных ведомств воюющих государств. С легкой руки памфлетиста Бласко Ибаньеса и французских контрразведчиков Испания предстала неким раем, где даже его величество Альфонс Бурбон не гнушался роли германского информатора. Все верно, однако французские бойцы невидимого фронта в своих академических трудах признавали, что немецкие шпионские сети эффективно функционировали в Барселоне или Бильбао, равно как в Бордо и Гавре. Что же касается автора памфлета «Разоблаченный Альфонс XIII», убедившего даже Ивана Майского в королевской склонности к шпионажу⁴³, следует учесть, хлесткое произведение франкофила Ибаньеса писалось во Франции, куда публицист бежал после переворота 1923 г. Так что острая критика в адрес не оцененного его достоинств монарха понятна, как и желание вызвать сочувствие принимающей стороны.

В действительности Испания, наряду с Голландией, Швецией, Данией и, как водится, Швейцарией, естественно, стала ареной ожесточенной битвы разведок. Посольство Германии в Мадриде в лице полномочного князя Рагибора и его атташе по военным и морским вопросам май-

ора фон Калле и кавторанга фон Корна трудилось не покладая рук⁴⁴. Деятельность посольского коллектива была весьма разнообразна. Сам посол, помимо отправления обычных дипломатических обязанностей, отвечал за финансирование сочувствующих Германии политических сил, отстаивая интересы германских предпринимателей, и организовывал обнародование точки зрения Берлина на происходящие в мире события. Его усилиями корректировалось общественное мнение Испании, осуществлялось информационное проникновение в периодику США и Латинской Америки, а также формировались прогерманские группировки в кортесах (парламенте) страны пребывания⁴⁵. Своим первейшим долгом князь считал сдерживание амбиций антагонистов германских интересов, таких как Э. Дато и графа Романьонеса, через разжигание их конфликтов с лояльным Второму рейху А. Маурой. Еще одной расходной статьёй посольства была «дружба» с карлистами. На соратников тронного претендента Хайме возлагались большие надежды, на случай если Испания изберет лагерь Антанты. В таких условиях от карлистов ждали чуть ли не развязывания гражданской войны⁴⁶. Впрочем, карлисты в отношении к войне были разобщены не менее прочих испанцев, и вероятность осуществления посольского проекта вряд ли была высокой. Велась пропагандистская работа в офицерских хунтах, объединивших командные кадры испанской армии. Самым нетривиальным шагом посла стало прямое воздействие на социальную ситуацию в Испании. В 1917 г., когда неограниченная подводная война сорвала экспорт валенсийских померанцев, князь Ратибор запросил Берлин о выделении денег на благотворительность. После чего консул в Валенсии занялся распределением денег среди рабочих апельсиновых плантаций, пострадавших от возникшего кризиса сбыта⁴⁷. Кроме того, первое лицо посольства использовал дипломатические каналы для финансирования торгово-закупочной деятельности германских фирм-импортеров. Измученная голодной блокадой Германия особое внимание уделяла испанским фруктам, создав две крупные корпорации «Продуктос Иберикос» и «Гесперид», занимавшиеся скупкой и переработкой витаминизированных продуктов⁴⁸. Надежд прорвать английские препоны и доставить джемы и компоты к немецким берегам в военное время не было. Но деятельность с 1917 г. велась непрерывно, очевидно в надежде быстро заполнить рынки Кайзеррейха в случае перемирия. Впрочем, прозорливые союзники нивелировали эти и другие усилия немцев, включив в компьенские пункты положение о сохранении блокады до момента подписания мирного договора. Следовательно, стратегического значения усилия по закупкам и складированию консервов редкоземов и прочих сырых материалов не возымели.

Майор фон Калле работал на собственном поприще создания масштабной шпионской сети. Об

успехах его деятельности судить сложно. Размеры и качество информационных потоков составляют святая святых тайн разведки. Несомненно одно, сеть существовала и по данным Людовика Ривьера, служившего криптоаналитиком французского Второго бюро, информация из Мадрида в Берлин шла полноводным потоком. Допросы французами Маргарет Зелле, более известной под сценическим псевдонимом Мата Хари, и ряда других агентов фон Калле, закончивших свою деятельность во рву венсенского полигона, производили шокирующее впечатление. Но в целом, по французским данным, бюджет ведомства военного атташе был самым скромным среди расходных статей посольства, не дотягивая даже до 300 тыс. песет⁴⁹. Иначе говоря, берлинский центр либо не слишком ценил фон Калле, либо надежнее прятал истинные объемы финансирования.

Заметно большими казенными средствами в годы войны пользовался морской атташе фон Корн. Его сподвижники создали довольно эффективную систему контроля за режимом судоходства в средиземноморье, Гибралтаре и Бискайском заливе. Немецкие агенты, кроме того, в период до 1916 г. обеспечивали скрытное базирование и пополнение запасов субмарин в испанских территориальных водах. В качестве мест стоянок якобы использовались марокканский Адждир⁵⁰, Торгоса и даже Валенсия⁵¹. Безусловно, возможность опереться на разветвленную систему базирования способствовала успеху подводников кайзера. Но справедливости ради, следует признать, что триумфальные действия весьма ограниченных сил германского подплава продолжились и когда Испания ужесточила контроль за соблюдением нейтралитета. Иными словами, немецкая удачливость зависела не от испанцев, а от французов. Последнее, отвечая за операции в бассейне Средиземного моря, в тандеме с итальянцами не сумели создать эффективной системы противолодочной обороны, пренебрегали конвоями и, следовательно, более чем все остальные повинны в тяжелых союзных потерях на театре⁵². Тем не менее мощную службу информирования о перевозках, созданную атташе германского посольства в Испании, следует считать избыточно полезной, поскольку благодаря ее действиям немецкие субмарины в основном выбирали из множества целей наиболее значимые.

Берлин ценил это обстоятельство и не ограничивал фон Корна в финансовых расходах, ассигновав на его нужды почти втрое больше, чем на работу военного атташе⁵³. Отдел «S», занимавшийся диверсиями, на территории полуострова не работал, дабы не раздражать испанскую полицию и спецслужбы. Хотя в 1917 г. трофеями испанцев стали как минимум две партии взрывчатки и детонаторов, перехваченных полицией. Усмотрев в инциденте явное нарушение испанского нейтралитета, власти в Мадриде провели процесс, по итогам которого ответственный за авантюру фон Корн стал нежелательной фигурой⁵⁴.

Самые серьезные усилия, тем не менее, германская разведка прилагала отнюдь не к шпионажу, саботажу и пропаганде. Наибольшие надежды Берлин возлагал на антиколониальное движение в Северной Африке. Неустойчивость колониальных институтов Франции и Испании в Марокко оставляла возможности для активных и последовательных действий по подрыву стабильности в стратегически важном регионе. Не желая окончательно портить отношения с Германией, Мадрид после принятия Альхесирасских соглашений предложил подданным кайзера режим экономического благоприятствования в испанской зоне Марокко. Предприимчивые германцы открыли в протекторате консульства и приступили к освоению рынка. Так что кадров для формирования разведывательной сети у подчиненных князя Рагибора хватало как и полезных бенефициаров. Испанский колониализм использовал в основном административные рычаги для эксплуатации и управления протекторатом. Естественно, в условиях внеэкономического способа извлечения богатств большинство марокканцев не симпатизировали колонизаторам. Перманентная война в протекторате от кампании к кампании порядком никак не способствовала. Собственно поэтому в 1912 г. Франция пыталась пересмотреть вопрос об испанском владении областью Джебала⁵⁵. Испанцы, в свою очередь, отстояв западную часть протектората, не стремились ввиду обиды на Париж к обузданию немецкой активности. Пользуясь свободой рук, германские разведчики и дипломаты приступили к вербовке сторонников среди местной элиты. Экономическую помощь из Берлина накануне и в годы Великой войны получали все значимые вожди марокканских племен: Абд аль-Малик, сопротивлявшийся во французской зоне протектората, Каид ар-Райсуни, организатор восстаний в горах, заселенных племенами Джебала и Абд Эль Крим (старший), отец будущего вождя Республики Риф. Всего за 54 месяца марокканские лидеры получили 16 млн песет, около половины всех средств выделенных разведывательному центру в Мадриде⁵⁶. Но эскалации антиколониальной борьбы не произошло. Вероятно около 1915 г. в Мадриде осознали, что локализовать восстание исключительно французскими владениями не удастся. После чего генеральный комиссариат в Марокко приступил к выдавливанию немцев с территории протектората. Флот и береговые службы упрочили систему борьбы с контрабандой оружия. В декабре 1916 г. потерпела провал попытка экипажа субмарины UC-12 доставить в Марокко порох и пули⁵⁷. Германско-турецкая группа контрабандистов была интернирована испанскими властями. Позже, уже в разгар Версальской конференции, в Барселоне был перехвачен очередной груз для Марокко, что доказывает последовательность германского стремления извлечь политические выгоды из колониальных проблем противника. Испанским

патрулям, разумеется, удалось пресечь далеко не все попытки усилить марокканских повстанцев, но оттянуть начало масштабных военных действий в Северной Африке до 1919 г. оказалось возможным. Это последнее обстоятельство лучше других свидетельствует об испанском благоразумии и деятельных попытках обеспечить реальный нейтралитет. Отсутствие мотивации и правовой базы для борьбы с германской разведкой, а также высокий уровень коррупции и децентрализации госаппарата, действительно, позволили последней работать смелее, нежели в странах противника. Но такая ситуация немедленно изменилась при угрозе жизненным интересам Испании. В таких случаях немцев по возможности ставили на место. О деятельности спецслужб Антанты в Испании известно немного, поскольку «победителей не судят». Однако известно, что французский атташе имел контакты самого высокого уровня и аудиенций в королевском дворце имел не меньше, чем фон Калле⁵⁸.

В важных вопросах стратегии и политики Испания стремилась к соблюдению нейтрального статуса и по адресу центральных держав. Мадрид отказался рассматривать возможность транзита на западный фронт войск Португалии и позже США. Хотя подобная перевалка через испанскую территорию зачастую разрешалась для грузов, в том числе и военного характера. В результате военные части Португалии и США вынужденно прибывали в порты, совершенно очевидные для германских подводных корсаров. Потопление торговых судов в испанских прибрежных водах имело место, но являлось следствием не халатности или попустительства, но скорее слабости противолодочной составляющей испанских ВМС. Испания располагала всего семью миноносцами, пригодными к патрульной службе. Еще 24 единицы в силу скромных ТТХ не могли всерьез напугать немецких подводников. Десяток канонерских лодок мало что меняли в общей картине, связанных действиями вдоль линии очень протяженного побережья полуострова и протектората⁵⁹. То была способность, характерная для всех европейских флотов эпохи. Таким образом, заявления о пособничестве немецкой подводной войне были беспочвенны.

В экономической сфере, фактически, одно-стороннее сотрудничество с Антантой, изредка нарушаемое попытками частных экспортеров тайком снестись с Германией, было обусловлено стратегической ситуацией. В остальном испанское королевство стремилось к поддержанию нейтрального статуса через участие в работе Красного Креста, прибегало к посредничеству при обмене военно- и гражданскопленными, безуспешно стремилось к посредническим функциям.

Еще один якобы испанский вклад в историю Первой мировой на самом деле вовсе не имел испанской природы. Речь идет о пандемии гриппа, прозванного «испанкой». По современным

данным, Кастилья и прочие области Иберийского полуострова не являлись родиной страшного вируса. Поветрие стартовало в иных местах, но в воюющих державах цензура скрывала сам факт катастрофической санитарно-эпидемиологической обстановки. В Испании военная цензура отсутствовала, и национальные СМИ первыми озвучили тяжесть и масштаб эпидемии⁶⁰. Так и появилось историческое название явления, вовсе не подразумевающего какой-либо даже условной ответственности испанцев за данное явление.

Дистанцировавшись от войны, на сколько позволяли обстоятельства, Испания, тем не менее, оказалась в русле общего для человечества процесса. Его позитивные последствия заключались преимущественно в существенном росте национального капитала. Пять уникальных лет, с 1915 по 1919 г., испанский экспорт преваляровал над импортом, причем на протяжении периода позитивная разница четырежды составляла около 60%. 5 «тучных» лет банки Испании концентрировали деньги и золото. За это время экономика страны впитала около 12 млрд песет инвестиций. Золотой запас Испании увеличился почти в 4 раза с объема равного 567 млн песет до 2223 млн⁶¹. Правительствам удалось полностью рассчитаться с прежними долговыми обязательствами и выкупить у иностранных компаний национальную транспортную инфраструктуру. Вообще иностранный капитал серьезно потеснился, несмотря на широкое инвестиционное поле, причем английских и французских резидентов существенно дополнили американские⁶². Испанцы отлично заработали на общечеловеческой трагедии. Страна встала на ноги, и слово «индустриальная» в общей характеристике аграрно-индустриального общества обрело реальный смысл. Но именно в этом положении таилась главная перспективная проблема. Возникшие урбанистические тенденции с присущей концентрацией рабочих рук в промышленности в обычном режиме не соответствовали мировому и национальному спросу на труд испанцев. За годы войны число людей, занятых в промышленности и на транспорте, возросло с 700 тыс. человек до приблизительно 1800 тыс. к 1919 г.⁶³ Между тем, емкость национального рынка выросла не в разы, а лишь на 20–30%, тогда как рынки мировые вновь вернулись в руки традиционных хозяев. В таких условиях Испанию ждал неизбежный социально-экономический кризис, чреватый либо революцией, либо становлением структуры государственно-монополистического капитала в чрезвычайно жестокой форме. Следует отметить, что глубина послевоенного кризиса оказалась столь существенной, что испанцам довелось испытать все исторические варианты. Такой оказалась цена временного улучшения экономической конъюнктуры в эпоху Великой войны, причем отнюдь не только для испанцев.

Примечания

- 1 Б. Бюлов, А. Тирпиц и другие в основополагающих трудах абсолютно игнорируют вопросы, связанные с выбором Испанией геополитической позиции.
- 2 Дипломатический словарь : в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 32.
- 3 Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 99–109.
- 4 История дипломатии : в 2 т. Т. 2. М., 1945. С. 212.
- 5 Дипломатический словарь. Т. 2. С. 33.
- 6 Евдокимова Н.П., Виватенко С. В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб., 2006. С. 47.
- 7 Митюков Н.В., Фернандес Р. Линкоры типа «Эспанья» // Морская коллекция. 2004. № 12 (69). С. 20.
- 8 Балакин С.А. ВМС Франции 1914–1918 // Морская коллекция. 2000. № 3 (33). С. 3.
- 9 Guerrero Acosta J.-M. El Ejército Español en Campaña 1643–1921. Madrid, 1997. P. 67–78.
- 10 Casas de la Vega R. Franco, military. Madrid, 1995. P. 102–112.
- 11 Бласко Ибаньес В. Разоблаченный Альфонс XIII. М., 1925. С. 13–14.
- 12 Эрману Сарайва Ж. История Португалии. М., 2007. С. 229.
- 13 Капранов Р. М. Португалия после Второй мировой войны 1945–1974. М., 1992. С. 24.
- 14 Там же. С. 24.
- 15 Евдокимова Н.П., Виватенко С. В. Указ. соч. С. 47.
- 16 Капранов Р. М. Указ. соч. С. 48.
- 17 Renouvin P. Les questions mediterranes de 1904 a 1914. Paris, 1966. P. 38.
- 18 Майский И. М. Испания. М., 1957. С. 408.
- 19 Там же.
- 20 Ривьер Л. Центр германской секретной службы в Мадриде в 1914–1918 гг. М., 1938. С. 22.
- 21 Каверин И. Н. За кулисами английской блокады. М., 1955. С. 88–90.
- 22 Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993. С. 129.
- 23 Historia de España. Т. VIII. Madrid, 1993. P. 447–448.
- 24 Гарсия Х. Испания XX века. М., 1967. С. 58.
- 25 Там же. С. 63.
- 26 Historia de España. Т. VIII. P. 501–502.
- 27 Ibid. P. 437.
- 28 Ibid.
- 29 Henrotin G. The Spanish Ruby pistol explandid. H&L Publishing (Belgium), 2004. P. 27.
- 30 Семенов Л. Испанские «браунинги» // Мир оружия. 2006. № 2 (17). С. 45.
- 31 Там же. С. 48.
- 32 БСЭ : в 65 т. Т. 29. М., 1935. Ст. 437.
- 33 Семенов Л. Указ. соч. С. 45.
- 34 Historia de España. Т. VIII. P. 438.
- 35 UBOAT.NET. URL: http://uboard.net/wwi/ships_hit/4714.html (Дата обращения: 18.07.2012).
- 36 Там же
- 37 Балакин С.А. ВМС малых стран Европы 1914–1918 // Морская коллекция. 1999. № 3 (27). С. 17.

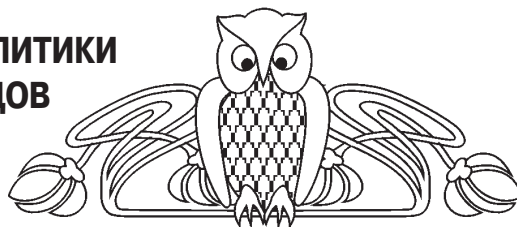
- ³⁸ Эрману Сарайва Ж. Указ. соч. С. 332.
³⁹ Бласко Ибаньес В. Указ. соч. С. 17.
⁴⁰ UBOAT.NET. URL: http://uboard.net/wwi/ships_hit/4714.html (Дата обращения: 18.07.2012).
⁴¹ Там же.
⁴² Гарсия Х. Указ. соч. С. 58.
⁴³ Майский И. Указ. соч. С. 409.
⁴⁴ Ривьер Л. Указ. соч. С. 8.
⁴⁵ Там же. С. 11.
⁴⁶ Там же. С. 12.
⁴⁷ Там же. С. 27.
⁴⁸ Там же. С. 47.
⁴⁹ Там же. С. 73.
⁵⁰ Луцкая Н. С. Республика Риф. М., 1959. С. 43.
⁵¹ Бласко Ибаньес В. Указ. соч. С. 17.
⁵² Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918. Минск, 2002. С. 260–262.
⁵³ Ривьер Л. Указ. соч. С. 73.
⁵⁴ Там же. С. 62.
⁵⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1878–1917. Серия II. Т. XVIII. М., 1938. С. 340.
⁵⁶ Ривьер Л. Указ. соч. С. 70–71.
⁵⁷ Гибсон Р., Прендергаст М. Указ. соч. С. 139.
⁵⁸ Ривьер Л. Указ. соч. С. 15.
⁵⁹ Балакин С. А. ВМС Франции 1914–1918 // Морская коллекция. 1990. № 3 (27). С. 19.
⁶⁰ Супотницкий М. В. Пандемия «испанки» 1918–1920 гг. в контексте других гриппозных пандемий и «птичьего гриппа». URL: <http://www.supotnitskiy.ru/stat/stat51.htm#gl2> (Дата обращения: 20.07.2012).
⁶¹ Historia de España. Т. VIII. Р. 428.
⁶² Майский И. Указ. соч. С. 380–381.
⁶³ Там же. С. 382.

УДК 94:329.055.3

ПОИСК НОВЫХ ВЕКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье определены основные этапы внешней политики СССР в Европе в 1920-х гг., анализируются особенности установления дипломатических отношений между СССР и европейскими государствами. Характеризуется период временного равновесия в механизме принятия внешнеполитических решений, существовавшего благодаря давлению оппозиции в ЦК ВКП (б) на Сталина и Политбюро.

Ключевые слова: межвоенный период, международные отношения, внешняя политика СССР.

The Search of the New Vectors of Russian Foreign Policy in Europe at the Beginning of 1920s.

V. G. Tsyplin

The article defines the major points of Russian foreign policy in Europe in 1920s. Author analyses relations between USSR and European countries during the period of temporary balance in the mechanism of decision making due to the pressure on Stalin and his supporters by the opposition inside the Communist Party.

Key words: interwar period, international relations, USSR foreign policy.

Историки уже многократно пытались разобрататься в сложном узле политических и этнотерриториальных проблем в Европе в межвоенный период, а так же определить основные направления советской внешней политики в Европе. Многие исследователи придерживаются мысли, что пока Европейские государства приходили в себя в надежде, что мировая война не повторить-

ся, в советском обществе ожидание новой войны усиливалось с каждым годом. Это продолжалось вплоть до конца 1920-х гг. В целом в Европе четко просматриваются попытки дипломатии изменить традиционные правила игры. Это подтверждают подписание пакта Бриана – Келлога о запрещении войны в качестве орудия национальной политики, созыв конференции по разоружению, создание Лиги Наций, воздержание от силовых методов решения своих проблем.

Во внешней политике СССР периода 1920-х гг. четко прослеживаются два этапа:

Первый этап (1920–1923 гг.) характеризуется усиленной дипломатической деятельностью стран-победительниц, направленной, во-первых, на создание и укрепление версальско-вашигтонской системы послевоенных международных отношений; во-вторых, на изоляцию Советской страны в целях её скорейшего подчинения или разгрома путем вооруженной интервенции.

Второй этап (1923–1929 гг.) был ознаменован, во-первых, обострением внутренних противоречий версальско-вашигтонской системы; во-вторых, постепенным расшатыванием этой системы усилиями враждебных ей государств; в-третьих, вступлением Запада на путь дипломатического признания Советского государства.

Практически это выглядело так, что на протяжении всех 1920-х гг. любое событие, происходящее на международной арене и хоть

как-то затрагивающее СССР, воспринималось массовым сознанием, прежде всего, как признак надвигающейся войны. Информационный отдел ОГПУ в декабре 1924 г. констатировал: «Всякое международное положение Советской власти истолковывается как близкая война и скорая гибель Советской власти»¹.

Что представляла из себя Европа того времени? Во всех центрально-европейских государствах, за исключением Албании и Греции, население было скорее этнически разнородным, чем однородным. Доля этнических меньшинств колебалась от 10–15% всего населения в Эстонии и Венгрии до 30–35% в Польше и Чехословакии. Между нациями, как, например, между Югославией и Чехословакией, были напряженные отношения на этнической почве. В 1920 г. на территории площадью около 1450000 кв. км. от Балтийского моря до южных Балкан проживало около 90 млн человек, представлявших более 30-ти этнических групп². Поэтому неслучайно на протяжении практически всего межвоенного периода в основе противоречий, разделявших центрально-европейские государства, лежали этнические проблемы.

Российские дипломаты в начале 1920-х гг. придерживались теории мировой революции и планировали создание на своих границах собственных советских буферных государств. Кроме того, на международной арене действовали после Октябрьской революции, фактически, три России – «красная», «белая» и эмигрантская, а при выработке внешней политики Кремля шла борьба между отдельными членами Политбюро ЦК РКП (б), официальной линией Наркоминдела и неофициальной, но очень влиятельной, которой придерживался Коминтерн.

Внешняя политика Советской России (СССР) после подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., имевшего основополагающее значение для системы международных отношений и перехода к новой экономической политике, отражала ориентацию большевиков не только на европейскую революцию, но и реальную политику. Это нашло отражение в принципах мирного существования и пролетарского интернационализма, которые, по сути, отражали дипломатические усилия по созданию благоприятных международных условий для укрепления Советского государства, с одной стороны, а с другой, действия в плане содействия мировому революционному процессу. Решения, которые были приняты на III конгрессе Коминтерна летом 1921 г., призывали перейти «от штурма к осаде» и брали курс на перевод большинства пролетариата на сторону политики компартий. Это происходило в ходе дискуссий со сторонниками «теории наступления». Л. Д. Троцкий и его сторонники рассматривали этот период как «неустойчивое и весьма ограниченное по времени равновесие»³. По вопросам взаимосвязи революции и войны Сталин в середине 1920-х гг. высказал мысль о возможности в будущем «мир-

ного пути» победы революции трудящихся в некоторых странах, когда социализм станет фактом в крупнейших державах мира и капиталистическое окружение сменится социалистическим. Капиталисты могут тогда пойти на уступки трудящимся. Но, боясь возможного укоренения в создании людей труда иллюзий на этот счет, он подчеркивал, что это касается далекого возможного будущего⁴. В условиях того времени это предположение, по его мнению, не имело никаких оснований. Необходимо отметить, что сценарий революционной войны, которая «снилась» многим российским руководителям в течение всех 1920-х гг., возникал с завидной регулярностью. В связи с этим поразительно, что сохранились лишь отрывочные сведения о представлениях командования Красной армии об «освободительных акциях» в Европе.

Политику США по отношению к России можно охарактеризовать следующим образом: оставаясь вне прямого дипломатического контакта с Москвой, стремиться перекрыть точки роста и приложения сил, которые явно обозначились в политике большевиков по укреплению безопасности в соответствии с исторически сложившейся топографией страны⁵. В целом же для планировщиков новой постверсальской внешнеполитической стратегии США «русская ситуация» становилась частью американской проблемы – проблемы новой роли Америки в миропорядке, сложившемся после Первой мировой войны. Один из идеологических вдохновителей политики непризнания Советской России Джон Спарго, поздравляя демократа Бейнбриджа Колби с вступлением в должность госсекретаря США 26 февраля 1920 г., писал: «Ваше назначение (президентом Вильсоном. – В.Ц.) считаю крайне удачным, принимая во внимание критическое положение, возникшее в связи с русской ситуацией. От того, как мы будем решать эту проблему, будет зависеть и в значительно большей мере, чем мы сознаем, существование цивилизации на много лет вперед... Величайшая по масштабам задача, стоящая перед нашей страной, – это привязать Россию к нам посредством сильных и прочных уз и предотвращение подчинения ее экономической жизни любой другой страной, будь то Германия, Япония или Англия»⁶. В этой сентенции Спарго была одна центральная и традиционная для американских либералов мысль: Россия и после своей революции обречена на отсталость и несвободу и может существовать, только волочась, на буксире у передовых стран⁷. США – «колыбель демократии» – способны и должны осуществить такую пасторскую роль спасителя от одичалости и воинствующего безбожия почти одной шестой земной суши, которая управляется представляющим ничтожное меньшинство народа правительством, поправшим права человека и законы международного общения. Какие «практические» способы и шаги при этом могли бы возобладать после победы большевиков в Гражданской войне

и отражения интервенции, должно было показать время, но международно-правовая поддержка национального сепаратизма и ослабление позиций советского режима как на Западе, так и на Востоке, его непризнание рассматривались в качестве опорных составляющих «русской политики» госдепартамента в 1920-х гг.⁸

Что же все-таки притягивало США в России в начале 1920-х гг.? Ответ на этот вопрос дает в своей монографии А. В. Гришин, и с ним трудно не согласиться. Крупным интересом Америки в России были претензии на бакинские месторождения, которые «Стандарт Ойл» приобрел у Общества Нобель в 1920 г. Те, кто оспаривал право государства на отчуждение частной собственности иностранцев, признавали, что закон и прецедент стоят на стороне правительства, которое конфискует собственность своих подданных. В таком случае советская сторона могла добавить, что, покупая претензию на нефтяные месторождения, явившуюся результатом декрета о национализации, у продавца, который больше не являлся её собственником. «Стандарт Ойл», в свою очередь, надеялся на падение Советского правительства или на силовое аннулирование акта о национализации⁹.

Рассмотрим, какой представляли себе политику Англии и Франции руководители Советского государства. Версальская система международных отношений основывалась на взаимной заинтересованности Англии и Франции в сохранении и упрочении итогов Первой мировой войны, а также сохранении мира в Европе. Разница была в том, что для англичан мирная Европа считалась мирным тылом Британии, для французов сохранение мира в Европе – это вопросы незыблемости границ их государства и обеспечение национальной безопасности. На этом основывалась их принципиальная разница в концептуальных подходах на Парижской конференции. Степень охлаждения англо-французских отношений после победы над германским блоком руководители Советского государства трактовали правильно. Они прочувствовали английскую политику «равновесия сил», которая требовала сдерживания все усиливающейся гегемонии Франции на континенте и поддержки в качестве противовеса ей Германии. Англия вынашивала идеи быстрого возрождения экономики Германии, хотелось видеть её такой же сильной, как и Франция. Это стремление лежит в основе англо-французских противоречий. Франция же, обладая самой мощной сухопутной армией в начале 1920 гг., в условиях отсутствия системы всеобщей безопасности, гарантом которой могла выступить сила, была вынуждена искать возможность заключения военных союзов, направленных на сдерживание германской военной машины. Эта посылка лежит в основе французской внешней политики. Руководители Советского государства всемерно способствовали распространению мировой революции и не видели возможностей

возрождения русско-французского союза. Более того, СССР, по мнению французской дипломатии, угрожал мирному устройству Европы наравне с Германией. А уж после заключения советско-германского пакта в Раппало и подписания военно-политического соглашения «Радек – фон Сект» французы забили тревогу. Созданные в середине 1920-х гг. англо-французские тыловые союзы на деле оказались «санитарными кордонами» против СССР, с задачей отрезать Россию от европейской международной политики.

Те мысли, которые блуждали в умах граждан Советской России, сложно прокомментировать. Представления о войне с Англией базировались на воспоминаниях об интервенции союзников на Севере. В Архангельской области почему-то распространились слухи о высадке десанта и начале захвата этой области, вырубке лесов и переселении туда каких-то жителей, а после признания Англией СССР, в 1924 г., крестьянами начали муссироваться варианты укрепления на этой почве Советской власти¹⁰. Позднее опять пошли слухи о передаче Англии части территории Архангельской губернии.

Любопытно, что в 1920-е гг. Англия чаще всего фигурирует в роли потенциального противника и «освободителя» от большевиков. Германия в массовом сознании как враг практически не представлена, зато в зависимости от географического расположения губерний упоминаются Польша, Франция, Япония, Китай и США¹¹.

Для советских лидеров вопрос о признании нашего государства крупными западными державами на рубеже 1923–1924 гг. оставался главным. И именно Англия по всем причинам должна была быть первой. Россию и Англию традиционно связывали поставки продовольствия и сырья, Лондон по-прежнему виделся крупнейшим источником финансового капитала, Великобритания была примером, за которым следовали остальные страны. В это время она переживала серьезные внутривнутриполитические изменения. К тому же в январе 1924 г. пост премьер-министра впервые занял лидер лейбористской партии Дж. Р. Мак. Дональд, высказывания которого изобиловали призывами к экономическому сближению с Россией.

Одним из первых государств, установивших торговые отношения с Россией, была Италия. Соглашение от 21 декабря 1921 г. способствовало выходу России из политической и экономической изоляции, создавало благоприятные условия для установления взаимовыгодных торгово-политических связей между странами. Оно предусматривало обмен официальными агентами, аккредитованными при правительствах, и предоставление им дипломатического иммунитета. По существу, это было признание правительства РСФСР де-факто¹². 7 января 1924 г. глава внешнеполитического ведомства Г. В. Чичерин выдвинул принцип: «Взаимные уступки ради взаимных выгод». Советские дипломаты предупредили

итальянскую сторону о том, что если Англия первой признает советское правительство, то представленные ранее уступки могут быть взяты обратно. «Наша тактика, – писал М. М. Литвинов полпреду в Берлин – состояла в том, чтобы подхлестнуть Муссолини угрозой приоритета, а Макдональда – угрозой скорого признания со стороны Италии. Нам важно было выждать время». Расчеты и тактика советской дипломатии подтвердились. 1 февраля Англия объявила о признании СССР де-юре. Муссолини, поняв свой просчет, дал указание немедленно подписать торговый договор и ускорить дипломатическое признание СССР. 7 февраля в Риме состоялось оформление договора о торговле и мореплавании между СССР и Италией, после этого нарком Г. В. Чичерин получил ноту итальянского правительства о признании де-юре правительства СССР¹³.

Отношения между советскими руководителями и Румынией после разрыва Бухарестом русско-румынского соглашения о Бессарабии осложнились, но к военному конфликту они не привели, хотя в 1921 г. в руководстве ЦК и рассматривались варианты захвата Бессарабии, которые частично сдобривались готовностью нормализовать отношения с Румынией, признав вхождение в неё Бессарабии. У правительства Румынии, в отличие от советского, преобладали более мирные настроения, но к мирному договору и нормализации отношений они не привели, хотя такие предпосылки просматривались как на Варшавской конференции в сентябре–октябре 1921 г., так и на венской встрече в марте–апреле 1924 г.¹⁴.

В начале 1920-х гг. был подписан целый ряд соглашений, которые привели к установлению советского строя в странах Балтии: с Литвой – 12 июля 1920 г., Латвией – 11 августа 1920 г., Финляндией – 14 октября 1920 г.

Особое место в истории дипломатии занимает сближение СССР и Германии в 1920-е гг. За ним стоял конкретный политический расчет, суть которого сводилась к использованию противоречий между Антантой и побежденной Германией для раскола капиталистического окружения, ведущего враждебную политику в отношении СССР. За счет военно-политического и технического сотрудничества с Германией СССР стремился прорвать экономическую и дипломатическую блокаду страны, усилить её оборонную мощь.

Советско-германские отношения переживали время подъема после окончания Генуэзской конференции и подписания наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным 16 апреля 1922 г. Рапалльского договора об установлении нормальных дипломатических отношений между двумя странами. 5 ноября между Россией и Германией был подписан договор о распространении действия Рапалльского договора на другие союзные с РСФСР республики. От имени РСФСР этот договор подписал полпред Н. Н. Крестинский, а от имени Украины – полпред В. Х. Аусем. Тем самым

между Германией и Украиной также устанавливались дипломатические отношения¹⁵. Рапалльский договор содержал третью статью, которая была секретной. В ней как раз и говорилось о сотрудничестве Германии и России в военной области. О такой договоренности ни в Москве, ни в Берлине открыто упоминать не могли.

Таким образом, вопросы сотрудничества СССР и Германии в обход требований Версальского договора в 1920 гг., не говоря об отношениях этих государств после прихода Гитлера к власти, были строго засекречены, исследования на эту тему были скудными. И только после радикальных социально-политических трансформаций – объединения Германии и распада СССР – стали доступны архивные документы по этой теме, после чего появились и исследования, которые были свободны от идеологических стереотипов.

Среди диссертационных исследований пальму первенства держит исследование В. В. Захарова¹⁶, в которой анализируются политические, военные и промышленно-экономические аспекты взаимоотношений двух государств. Особого внимания заслуживает книга Ю. Кантор¹⁷, в которой впервые на основе ранее неизвестных документов ЦА ФСБ РФ, АВП РФ, АВП ФРГ, РГВА, РГАСПИ исследуются вопросы секретных военно-политических контактов СССР и Германии в 1920-е гг., которые не были разорваны после 1933 г. Автор проливает свет на причины зарождения дружбы двух тоталитарных режимов.

Большое количество исторических работ в США и Великобритании посвящены освещению отношений Советского государства со странами Европы в рассматриваемый период. К ним относятся исследования Дж. Кеннана, У. и З. Коутс, С. Граубарда, Л. Кохана, Р. Уллмана, Р. Хейга, Дж. Гатхорн-Харди, Д. Доннелли, Р. Ариота, Л. Фишера.

Давая характеристику британским и американским исследованиям проблемы, хочется отметить небрежное отношение их авторов к историческим источникам и фактам. Если определенный фактический материал отвечает концепции авторов, то они зачастую не занимаются проверкой его достоверности. К тому же, характеризуя историю внешней политики Советского государства, они довольно редко обращаются к первоисточникам изучаемой проблемы, часто ограничиваясь пересказами тех или иных партийных и государственных документов. Также при рассмотрении исторической действительности не учитывается цепь исторических событий и явлений, нет анализа и сопоставления с рядом других звеньев. Однако тот объем теоретического материала, который накопился в англо-американской литературе с большим разнообразием точек зрения на вопросы советской внешней политики, конечно, заслуживает внимания.

Контакты между советскими и германскими военными в период существования Веймарской

республики были довольно плодотворными, особенно для германской стороны, получившей возможность в обход Версальского договора разрабатывать и испытывать на российской территории новое вооружение. Связующим звеном между РККА и рейхвером выступал заместитель председателя РВС СССР И. С. Уншлихт, позднее руководство перешло к Разведпуру, где среди руководителей был и Я. К. Берзин. Информация о сотрудничестве двух стран под зорким присмотром Разведпура по каналам военной разведки шла в правительство¹⁸.

Необходимо отдельно сказать о деятельности советской дипломатии на международных конференциях 1922–1923 гг., так как события, связанные с подготовкой и проведением международной экономической конференции в Генуе, а также с её продолжением в Гааге, показали, что Советская Россия являлась необходимым недостающим элементом в системе европейской политики и экономики. Советским представителям удалось отстоять позиции молодой республики, с честью выйти из сложнейших переговоров, закончившихся провалом по вине делегатов капиталистических государств¹⁹.

В 1923 г. после разгрома Гамбургского рабочего восстания все романтико-милитаристские надежды советского руководства на грядущую мировую революцию выглядели весьма призрачными. Подавление революционных выступлений в Саксонии и Тюрингии, да и быстрый разгром Гамбургского восстания вызвали определенные изменения в расстановке сил в ЦК РКП (б). Здесь очевидно поражение Зиновьева, Радека и Троцкого, которых можно смело отнести к сторонникам революционной тактики. В противовес им Сталинская группировка в первую очередь понимала, что социализм можно строить только в одной отдельно взятой стране. С другой стороны, сталинисты в целях усиления своих позиций решили обвинить своих оппонентов в германском фiasco. Этот рубежный период можно отнести к довольно продолжительной эпохе двойных стандартов, носящей одновременно прагматичный характер, преследующей в качестве основной задачи поиск новых векторов внешней политики СССР.

После победы П. фон Гиндербурга на выборах президента в Германии в 1925 г. у некоторых российских немцев возникли бредовые идеи возвращения последнего на Украину, в связи с чем стали распространяться слухи об угрозе оккупации. Эти слухи базировались на ассоциациях прошлых лет. В Псковской губернии дело дошло до подбрасывания записок в почтовые ящики об отмене неправильно введенного большевистского порядка и замене его на немецкий²⁰. Данный, надуманный, в народе факт, являлся, пожалуй, единственным случаем германской угрозы в межвоенный период до прихода Гитлера к власти. Это является классическим примером мифологической составляющей массового сознания.

Нормализация отношений между Советской Россией и Чехословацкой республикой произошла в апреле 1922 г. после подписания соглашения о взаимном признании и установлении отношений де-факто. До этого момента осложнение отношений между странами объяснялись участием Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России.

Говоря о механизме принятия внешнеполитических решений в начале 1920-х гг., можно сказать, что при жизни В. И. Ленина было создано определенное равновесие при рассмотрении вопросов внешней политики СССР, которое стало расшатываться после его смерти, в 1924 г. Это объясняется фракционной борьбой в Политбюро ЦК РКП (б). Л. Д. Троцкий воспринимался членами Политбюро как законный ленинский преемник, что вызывало к нему страх и ненависть.

20 марта 1924 г. Политбюро приняло решение о проведении «особых еженедельных заседаний по международным вопросам» и установило, что «в течение недели должны проходить два заседания Политбюро», причем «вопросы наркомата иностранных дел должны обсуждаться только на одном заседании». Поскольку регламент заседаний Политбюро не всегда исполнялся, особенно в период участвовавших дискуссий с «левой» оппозицией, с июля 1925 г. оно проводило свои заседания раз в неделю (по четвергам), а в случае рассмотрения неотложных вопросов допускало и внеочередные (экстренные) заседания, которые назначались особыми решениями Политбюро²¹.

С августа 1924 г. все решения в Политбюро принимались «семеркой», в состав которой входили все члены Политбюро (кроме Троцкого) и председатель Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП (б)-ВКП (б) В. В. Куйбышев. «Семерка» собиралась накануне заседаний Политбюро и обсуждала все вопросы.

Двойственный характер советской внешней политики определялся социально-экономической ситуацией в стране и международным положением. Необходима была мирная передышка, но и был соблазн разыграть карту европейской революции. Уже в конце 1924 г. потеряла свою прежнюю силу и притягательность, настойчиво пропагандируемая Троцким, теория «перманентной революции», вступившая в противоречие с внутривнутриполитическим курсом сталинского «большинства» в Политбюро на «строительство социализма в одной стране». СССР в этот период более чем любая другая великая держава нуждался не в иллюзиях о «мировом революционном пожаре», а в международном мире и стабильности, необходимых для восстановления разрушенной революцией, Первой мировой и Гражданской войнами экономики и укрепления своей политической системы²².

Формирование новых государств Восточной Европы оказалось переплетено с военно-политическими конфликтами, наследие которых легло тяжелым бременем на отношения больше-

вистской России со своими соседями. Советская дипломатия в начале 1920-х гг. не смогла воспрепятствовать процессу сближения со странами – победительницами в Первой мировой войне и вхождению в Лигу Наций Германии, а также найти для СССР иную опору в европейской политике и заручиться гарантией его безопасности. Сталин и другие члены партийного руководства опасались капиталистического сговора за своей спиной и рассматривали Советский Союз как «объект международного давления». Их преследовал подлинный кошмар всевозможных реальных и нереальных коалиций – от миража капиталистической реставрации России объединенными силами Франции, Польши, Румынии и Чехословакии при поддержке английского флота и американских капиталов до расчленения территории поляками и японскими самураями. В начале 1920-х гг. странам-лимитрофам отводилась роль объединяющего звена между Советской Россией и революцией на Западе, и здесь оперировали понятиями «буфер», «санитарный кордон», «плацдарм». Большевикам по целому ряду позиций в ходе мирных переговоров пришлось временно отказаться от отстаивания национально-государственных интересов и пойти на уступки.

Напрашивается обобщающий вывод, что советская внешнеполитическая парадигма 1920-х гг. отражала попытку большевиков соединить ориентацию на мировую пролетарскую революцию и реальную политику, направленную на установление мирных и взаимовыгодных отношений с другими государствами.

Советская дипломатия, исходя из реалий первой половины 1920-х гг., была вынуждена учитывать в своей деятельности исторические и политические традиции, национальные особенности своих контрагентов. Европейские соглашения заключались с учетом политического и экономического статуса государств, их взаимоотношений между собой.

В основном Советская Россия позиционировала себя как базу для развития европейской и мировой революции, готовая при этом резко изменить свое статус-кво либо подталкиванием революционного движения в любом регионе мира, либо применением военной силы. Большевистские лидеры некоторое время придавали политике нового режима исключительно революционный характер, отказываясь от его включения в систему международных отношений. Однако по мере усиления позиций Сталина партийно-государственное руководство, не отказываясь от лозунгов пролетарского интернационализма, все более концентрировало усилия на укрепление международных позиций СССР на основе принципов мирного существования еще до провозглашения генсеком курса на построение социализма в одной стране. Впоследствии все это способствовало замене революционной ментальности в вопросах

внешней политики на авторитарно-государственный внешнеполитический курс.

Примечания

- 1 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 4 об.
- 2 См.: Соломон Ф. Европа национальных государств против Европы национальных меньшинств. Версальско-Вашингтонская система : возникновение, развитие, кризис. 1919–1939 гг. : сб. ст. / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М., 2011. С. 19.
- 3 Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала : стенографический отчет. Тверь, 1922. С. 41.
- 4 См.: Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. М., 1947. Т. 6. С. 117–118.
- 5 См.: Мальков В. Л. Холодная война : истоки и уроки // Россия XXI. 2007. № 2. С. 70.
- 6 Library of Congress (далее – LC). Bainbridge Colby Papers. Correspondence, 1888–1920. Box 2. John Spar go to Colby. 1920. February 26.
- 7 См.: Фоглесонг Д. С. Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию». Торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. 2002. № 5. С. 100–133.
- 8 LC. Box 3. A. Colby to Woodrow Wilson. 1920. April 23 ; Norman Davis to Colby. 1920. August 7.
- 9 См.: Гришин А. В. Внешняя политика Советского государства первой половины 1920-х годов. Брянск, 2009. С. 66.
- 10 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 116.
- 11 См.: Голубев А. В. Если мир обрушится на нашу Республику : советское общество и внешняя угроза в 1920–1940 гг. М., 2008. С. 168.
- 12 См.: Москва – Рим : Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939. М., 2003. С. 17.
- 13 Там же. С. 8.
- 14 См.: Виноградов В. Н., Ереценко М. Д., Покивайлова Т. А., Семенова Л. Е. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии : документы и материалы. М., 1996. С. 251.
- 15 См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1961. Т. 5. С. 658–663.
- 16 См.: Захаров В. В. Политика советского государства по отношению к Германии в военной области и её влияние на обороноспособность СССР (1921 – июнь 1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
- 17 См.: Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930 годы. СПб., 2009.
- 18 См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 98.
- 19 См.: Гришин А. В. Указ. соч. С. 74.
- 20 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 110.
- 21 См.: Макаренко П. В. Сталинская реконструкция механизма внешнеполитических решений на рубеже 1920–1930-х // Российская история. 2011. № 5. С. 39.
- 22 Там же. С. 37.

УДК 329 (492)+929 Вилдерс

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕРТА ВИЛДЕРСА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ УЛЬТРАПРАВОВОГО ДВИЖЕНИЯ НИДЕРЛАНДОВ

О. А. Старков

Саратовский государственный социально-экономический университет Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: olegstarkov87@mail.ru

В статье рассматривается феномен политического успеха нидерландской ультраправой организации «Партия Свободы». Автор анализирует политическую деятельность лидера партии – Герта Вилдерса и исследует роль «Партии Свободы» в политической системе Нидерландов.

Ключевые слова: ультраправые, национализм, правые радикалы, Пим Фортейн, Герт Вилдерс, «Партия Свободы».

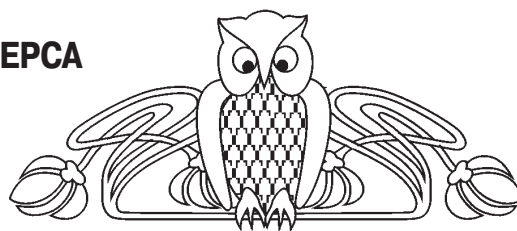
Political Program of Geert Wilders in the Context of Development of the Extreme Right in Netherlands

O. A. Starkov

The article discusses the phenomenon of political success of the dutch extreme right party – «Party of Freedom» Author makes an analysis of the political activity of the party leader – Gert Wilders. Discusses the role of the «Party of Freedom» in the political system of Netherlands.

Key words: far right, nationalism, extreme right, Pim Fortuyn, Gert Wilders, «Party of Freedom».

В политической жизни современной Европы активно принимают участие партии различных идеологических направлений. При этом за последние десять лет заметно выросла активность и популярность активистов ультраправого движения. Среди них Французский «Национальный Фронт», Британская Национальная Партия, «Австрийская Партия Свободы» и др. Возникшие на фоне экономической и этносоциальной нестабильности, ультраправые партии в качестве основных лозунгов политической борьбы предлагают радикальные решения острых экономических и социокультурных проблем. В последние годы среди известных политиков Нидерландов все чаще звучит имя лидера «Партии Свободы» Герта Вилдерса, депутата Парламента страны с 1998 г. Вилдерс строил свои выступления и политические программы на антииммигрантской теме и сопутствующей антиисламской риторике. Сочетая антииммигрантские лозунги, полные расизма и ксенофобии, с популистскими лозунгами экономической поддержки коренного населения, Вилдерс приобрел поддержку электората, что демонстрируют результаты парламентских выборов. И число парламентских мест, занимаемых ультраправыми, неуклонно росло. Это объясняется тем, что законодательство Нидерландов весьма широко трактует понятие «свободы слова», закрепленной в Конституции.

Возникнув в 2006 г., «Партия Свободы» в том же году получает 9 мест (5,9%) на парламентских выборах – достаточно высокий результат для начинающей партии¹. В 2010 г. на следующих парламентских выборах партия Вилдерса получила уже 24 места из 150, став третьей по значимости после центристской «Партии за свободу и демократию» и умеренно социалистической «Партией Труда». В отличие от первых двух партий, имеющих солидный политический стаж, «Партия свободы» является сравнительно молодой организацией, но уже уверенно набирает очки в политической борьбе. На фоне возрастающих противоречий этнокультурных групп, острой социальной напряженности, обусловленной замедленной интеграцией иммигрантов в европейское общество, рост популярности Вилдерса представляет интерес для политической и социальной науки.

Рассмотрим феномен политического успеха Герта Вилдерса в русле развития современного ультраправого движения Нидерландов.

Экономическая нестабильность, безработица, вызванная кризисом 1998 г., стремительный рост нелегальной иммиграции и последующий за этим рост уровня преступности создавали благодатную почву для популяризации праворадикальных идей во многих европейских странах. К началу 2000-х гг. влияние ультраправых стремительно растет на территории Западной Европы, в том числе и в Нидерландах. Лидеры ультраправых умело подогревали возникшую социальную напряженность между коренными нидерландцами и иммигрантами из стран Ближнего Востока, акцентируя внимание обывателей на усилении влияния радикального исламизма и возрастании угрозы терактов в стране и мире. Борьба с неконтролируемой иммиграцией и введение жестких иммиграционных норм как средство обеспечения безопасности страны и противостояние террористической угрозе все чаще становятся ведущей темой политических выступлений лидеров ультраправых. На волне антииммигрантской риторики растет популярность Пима Фортейна, лидера ультраправой организации «Список». Он стал известен своими категоричными высказываниями в адрес иммигрантов-мусульман и требованиями полного запрета их въезда на территорию страны². В своих выступлениях он допускал возможность проживания этой категории населения в Нидерландах при условии полной ассимиляции и интеграции в европейскую культуру. Сочетание антииммигрантских высказываний с популистскими

идеями социальной поддержки коренного населения принесло партии Фортейна победу. На выборах в Роттердаме, в марте 2002 г., она получила 36% голосов³. Идея ужесточения иммигрантских барьеров являлась ядром партийной программы и на парламентских выборах в мае 2002 г. Однако уже 6 мая 2002 г. политическая карьера Фортейна завершилась, он был застрелен активистом леворадикальной экологической группировки Волкертом ван дер Графом. Мотивы преступления были не совсем ясны: после задержания ван дер Граф утверждал, что был несогласен со взглядами Фортейна относительно экологической ситуации, а затем поменял свои показания, утверждая, что причиной убийства послужили антимусульманские высказывания Фортейна⁴. Несмотря на гибель лидера незадолго до парламентских выборов, партии «Список» удалось удержать на своей стороне значительную часть электората, набрать 17% голосов и стать второй по влиянию партией в палате представителей. Однако достаточно скоро популярность партии стала быстро снижаться⁵.

Интересно, что к 2002 г. антииммигрантские позиции в Парламенте Нидерландов занимала не только партия Пима Фортейна. Все чаще идею введения жестких иммиграционных барьеров берут на вооружение и активисты «Народной партии за свободу и демократию». Среди них наибольшую известность приобрел к тому времени Герт Вилдерс, член партии с 1989 г. Проанализировав политическую деятельность Герта Вилдерса за последние 10 лет, можно понять, каким образом и при каких условиях этот ранее малоизвестный в Нидерландах политик со сравнительно узкой партийной программой сумел приобрести поддержку электората и привести свою партию к третьей позиции в Парламенте Нидерландов. При этом он выдвигал в публичных выступлениях категоричные и часто неприемлемые для западной политической системы тезисы и высказывания.

Известно, что политик Герт Вилдерс на протяжении ряда лет изучал проблемы нелегальной иммиграции и ее социальных последствий для стран Европы. Политическая деятельность Герта Вилдерса в определенной мере уникальна для современной политической системы Западной Европы. В политической деятельности он последовательно прошел все ступени партийной иерархии – от рядового активиста до партийного руководителя среднего звена. С 1990 по 1997 г. он был помощником у партийного руководителя Фрица Болькенштейна⁶, одного из первых голландских политиков, выступивших с критикой государственной программы поддержки иммигрантов. Интересно, что Болькенштейн был одним из немногих политиков, критиковавших не только государственную программу, но и иммигрантов в целом, как явление. Вилдерс, помогавший Болькенштейну в составлении речей, постепенно пришел к выводу, что использование в политических выступлениях ранее «табуированных» западной

демократией тем иммигрантов и проблем культурной самоизоляции выходцев из стран третьего мира привлекает потенциальных избирателей, жителей крупных городов, тех, кто уже ощутил негативные последствия массовой иммиграции. В 1997 г. Вилдерса избрали в орган местного самоуправления г. Утрехт, четвертого по величине в Нидерландах⁷, где проживало много представителей этнических меньшинств, и был высок процент преступлений, совершаемых иммигрантами. Картину дополняла медленная или практически нулевая интеграция в европейское сообщество. На основе указанных тенденций Вилдерс построил свою политическую программу.

В 1998 г. прошли очередные парламентские выборы, в ходе которых «Народная партия за свободу и демократию» получила 38 мест⁸. Одним из тех, кто получил депутатское кресло, был и Герт Вилдерс. В течение срока депутатского мандата Вилдерс часто выступал с критикой либеральной государственной и европейской политики в области поддержки иммигрантов, допускал резкие выпады в отношении мусульман и ислама в целом, а также выступал против вхождения Турции в состав ЕС.

2001 г. отмечен всплеском антииммигрантских, в том числе антиисламских, настроений в Западной Европе. Связывая воедино теракты 11 сентября, усиление радикального исламизма и нарастающую террористическую угрозу с присутствием в Европе иммигрантов из стран Ближнего Востока, представители коренного населения стран Западной Европы видели в ультраправых реальную политическую силу, способную ввести антииммигрантские барьеры и осуществить социально-экономические реформы. Этими настроениями можно объяснить достаточно высокий успех ультраправых в ряде стран Западной Европы начиная с 2002 г. второе место лидера французской партии «Национальный фронт» Жана Мари Ле Пена на президентских выборах 2002 г., усиление влияния «Британской национальной партии» Ника Гриффина и успех нидерландской партии «Список Пима Фортейна», набравшей в мае 2002 г. 17% голосов.

2002 г. стал успешным и для Герта Вилдерса. Назначение спикером партии позволило ему чаще выступать и поднимать острые социальные вопросы. В своих выступлениях он отмечал угрозу усиления влияния исламского радикализма в целом и расширение этого влияния на мусульманскую общину Нидерландов.

Категоричный тон речей, сопровождающийся критикой не только линии правительства, но и коллег-депутатов, высмеиванием соратников по партии, привел к постепенному ухудшению отношений между Вилдерсом и «Народной партией за свободу и демократию». Возрастали и внутренние противоречия в отношении линии партии, которые привели к тому, что в сентябре 2004 г. Герт Вилдерс покинул ряды «Национальной партии за

свободу и демократию». Также одной из причин разрыва с партией стало несогласие Вилдерса с партийным руководством по вопросу одобрения возможного вступления Турции в Европейский Союз.

Сразу же после выхода Вилдерса из партии создается так называемая «Группа Вилдерса», которая в 2006 г. была переименована в «Партию Свободы». Лидер новой партии не изменил своим прежним политическим взглядам. Ядром партийной программы стала антииммигрантская и антиисламская риторика, теперь выраженная в более категоричной форме и не ограниченная рамками норм «Народной партии за свободу и демократию». Основной и постоянной темой выступлений Вилдерса стало противостояние «исламизации» Европы. В качестве потенциального электората Вилдерс избрал коренных жителей крупных городов, таких как Амстердам, Роттердам, Антверпен, Утрехт и т. д. В районах этих густонаселенных иммигрантами городов (доля этнических меньшинств Роттердама, Амстердама и Антверпена составляет около 30%⁹, около трети их населения) существует социальная напряженность вследствие высокого уровня преступности и частых общественных беспорядков. Поэтому некоторая часть коренного населения Нидерландов разделяет мнение, что только жесткими антииммигрантскими барьерами и депортацией можно «навести порядок» в стране. Под влиянием таких настроений избиратели готовы были голосовать за того, кто выразит готовность реализовать их планы по «наведению порядка». Перед парламентскими выборами 2006 г. таким человеком стал Герт Вилдерс. Его политическая кампания, имевшая громкое название «Кампания против исламизации Нидерландов»¹⁰, предвыборные выступления на грани экстремизма и ксенофобии, предложенные жесткие запретительные меры отвечали требованиям тех, кого не устраивала либеральная политика правительства. Свою политическую программу Вилдерс строил на нескольких пунктах: «культурный консерватизм», «антиисламская позиция», «евроскептицизм», «национальный либерализм». Понятие «либерализм» в данном контексте кажется чуждым для партии ультраправого толка. Однако риторика Вилдерса в области национального вопроса весьма противоречива. С одной стороны, Вилдерс позиционирует себя как противник расизма, шовинизма и фашизма. Он не отрицает слухов о своих предках, прибывших из колоний Нидерландов в Индонезии¹¹, а один из его постоянных телохранителей – чернокожий¹². С другой стороны, Вилдерс в своих выступлениях постоянно критикует иммигрантов из арабских стран, преимущественно мусульман, при этом поясняя, что «он не против мусульман, а против радикального ислама». Данная формулировка позволяет Вилдерсу избежать обвинений в расизме, так как он в данном контексте представляет себя не противником определенной группы людей,

а гражданином, излагающим свою позицию по отношению к определенной религии, что не запрещено Конституцией Нидерландов. За категоричность высказываний политологи называют Вилдерса «новым Фортейном»¹³, отмечая схожесть политических программ и последующий успех на политических выборах. Парламентские выборы в ноябре 2006 г. показали, что Вилдерсу и его партии удалось получить 9 мест в Парламенте, что является значительным успехом для недавно образованной партии.

Следует отметить, что в целях увеличения диапазона распространения идей партии, а также привлечения новых слоев электората, в первую очередь молодежи, Вилдерс активно использует информационные ресурсы сети Интернет. В частности, одним из самых скандальных его проектов было создание и распространение в Интернете провокационного фильма «Фитна» (в переводе с арабского означает «Раздор»), в котором посредством смонтированного видеоряда и сочетания различных фраз представителей радикального исламизма у зрителя создавалось искаженное представление о мусульманской религии и культуре. Данный фильм, несмотря на предостережения бывших соратников Вилдерса по партии, был выложен в начале 2008 г. в Интернете и вызвал многочисленную критику не только представителей мусульманской общины, но и многих либерально настроенных жителей Нидерландов. Политический резонанс был столь силен, что в феврале 2008 г. Герту Вилдерсу «как представляющему потенциальную угрозу безопасности страны» был запрещен въезд в Великобританию, где он собирался продемонстрировать свой фильм в палате лордов¹⁴.

Удача на выборах 2009 г. означала бы для партии Вилдерса выход на международную политическую арену, так как она получила бы право принимать участие в деятельности Европарламента. Интересно, что новая предвыборная программа 2009 практически не отличалась от предвыборной кампании в Парламент Нидерландов в 2006 г., – остался даже прежний слоган: «Нидерландами снова будут гордиться»¹⁵. В программе, помимо реформы экономики, образования и здравоохранения, предполагался проект внесения поправки в статью 1 Конституции с установлением приоритета христианского и иудейского вероисповедания¹⁶. Также предполагалось ввести квоту на въезд иммигрантов европейцев (ограничив число до 5 тыс.) и запрет на въезд иммигрантов их неевропейских стран¹⁷. В отношении внешней политики Вилдерс выступал против членства Турции в составе Евросоюза, против использования Евро, а также возвращения колоний Голландской Ост-Индии (территория современной Индонезии) в состав Нидерландов.

В результате на выборах 2009 г. партии Вилдерса удалось получить 17% голосов и 4 места в Европарламенте¹⁸. Находясь в составе

Европарламента, депутаты от «Партии Свободы» расширили свою программу, добавив к существующим пунктам требования усилить меры по борьбе с международным терроризмом, а также настаивали на выходе Нидерландов из состава Евросоюза¹⁹.

Политическая программа парламентских выборов 2010 г. в Нидерландах отличалась избирательным и противоречивым характером. С одной стороны, она содержала ряд статей, типичных для либеральной партии: в отношении здравоохранения, пенсионной и образовательных реформ, но в то же время призывала к введению дискриминационных мер по национальному признаку: Вилдерс требовал провести депортацию и ввести запрет на въезд определенных этнических меньшинств, в частности марокканцев, иммигрантов-турок, а также установить введение лимита на въезд в страну иммигрантов-европейцев²⁰.

Выборы 2010 г. принесли партии значительный успех: 15,5% голосов – 24 места в Парламенте Нидерландов. Партия Свободы стала третьей по значимости после «Партии за свободу и демократию» и «Партии Труда». В октябре 2010 г. был назначен новый премьер-министр. Им стал лидер «Партии за свободу и демократию» Марк Рютте. Партия Вилдерса формально изъявила желание оказывать поддержку «Партии за свободу и демократию» в принятии правительственных решений. В то же время Вилдерс не собиравшись соглашаться с заведомо непопулярными инициативами правительства. В начале 2012 г. партия Вилдерса не поддержала решение правительства о принятии плана по выходу из кризиса, в частности, об увеличении пенсионного возраста. Вилдерс аргументировал это тем, что антикризисные меры – диктат Евросоюза, который приведет лишь к ухудшению экономического положения страны. Несогласие между партиями в отношении антикризисных мер привело к отставке правительства Марка Рютте 23 апреля 2012 г. Следующие досрочные парламентские выборы должны пройти в стране осенью 2012 г. При этом нельзя исключить, что политическая активность Вилдерса, умелое сочетание в его программе либеральных и радикальных мер, дополненных популистскими идеями, могут вывести его в число потенциальных кандидатов на пост премьер-министра страны.

Политическая деятельность Герта Вилдерса в какой-то мере уникальна для современной Западной Европы. Предлагая в своих программах и выступлениях радикальные меры, за которые во многих европейских странах грозит административная или уголовная ответственность, Вилдерс умело использует законодательство и Конституцию Нидерландов, чтобы придать своей деятельности легальный характер. Подчеркивая значимость свободы слова как одну из основ современной демократии, Вилдерс в то же время призывает к дискриминации определенных кате-

горий населения по национальному или религиозному признаку. Сочетая в своих политических программах либеральные реформы в отношении коренного населения Нидерландов и антииммигрантские лозунги, Герт Вилдерс быстро добился заметных политических успехов и рассматривается в настоящее время как претендент на руководящие посты в государстве. Феномен «Партии Свободы» требует обстоятельного исследования, так как перспектива дальнейшей деятельности лидера ультраправых в качестве представителя одной из влиятельных парламентских партий в правительстве Нидерландов может стать реальностью, с которой придется считаться не только в стране, но и в Европарламенте.

Примечания

- 1 См.: *Ansari H. Hafez F. From the Far Right to the Mainstream : Islamophobia in Party Politics and the Media*, Campus Verlag, 2012
- 2 См.: Fortuyn : grens dicht voor islamiet // Amsterdam. 2002. 09.02.
- 3 См.: *Rydgren J. Movements of Exclusion : Radical Right-wing Populism // The Western World*, Nova Publishers, 2005. P. 47.
- 4 См.: *Taguief P. A. L'illusion populiste : de l'archaïque au médiatique*. Berg, 2002. P. 67.
- 5 Пим Фортейн был связующим звеном, харизматичным лидером организации, поддерживающим успех партии и перетянувшим электорат на свою сторону. В *политологической* науке такой элемент называется аттрактором. Само слово «аттрактор» (attractor) в переводе с английского означает «притягиватель». Первоначально аттрактор – это точка в фазовом пространстве, к которой притягиваются все траектории в определенных ее окрестностях. В данном случае аттракторы – понятие, обозначающее активные устойчивые центры потенциальных путей эволюции политической системы, способные притягивать и организовывать окружающие элементы политической системы, активистов партии и электорат. Более подробно см.: *Николаев А. Н., Фомин О. Н. Российский политический процесс с синергетической парадигме // Вестн. СГСЭУ. 2012. № 2 (41).*
- 6 Фриц Болькенштейн (р. 1933) – голландский политик, активист «Народной Партии за свободу и демократию», депутат Парламента с 1978 по 1982, 1986 по 1988 и с 1989 по 1999, с 1988 по 1989 – министр обороны, с 1990–1998 – лидер парламентской фракции «Народной партии за свободу и демократию». С 1999 по 2004 – комиссар Евросоюза по налоговым и таможенным делам. С начала 90-х гг. занял антииммигрантскую и антимусульманскую позицию, постоянно подчеркивая в речах о невозможности интеграции иммигрантов в нидерландское общество в силу культурно-религиозных особенностей. Более подробно см.: *Baumgartl B. New Xenophobia in Europe*, Martinus Nijhoff Publishers, 1995.
- 7 См.: *Stokmans D. Who is Geert Wilders // NRC Handelsblad. 2009. 13.03.*

- ⁸ См.: *Van Schie P. G., Voermann G.* The Dividing Line Between Success and Failure: A Comparison of Liberalism in the Netherlands and Germany in the 19th and 20th Centuries, LIT Verlag Munster, 2006. P.131.
- ⁹ См.: Population and population dynamics; month, quarter and year. URL: <http://statline.cbs.nl/StatWeb/publication/?VW=T&DM=SLEN&PA=37943eng&D1=0—3,5—7&D2=a,!0-169,!173,!177,!181,!185,!190&HD=110511-1943&LA=EN&HDR=T&STB=G1> (дата обращения: 25.04.2012).
- ¹⁰ *Donselaar J. Van.* Monitor Racisme & Extremisme Pallas Publications, Amsterdam, 2008. P. 167.
- ¹¹ См.: Geert Wilders' Indonesian roots define his politics, says anthropologist. URL: <http://vorige.nrc.nl/international/article2350022.ece>. (дата обращения: 24.05.2012).
- ¹² См.: *Mock V.* Wilders makes shock gains in Dutch elections // The Independent (London).2010. 18.06.
- ¹³ *Harding G.* Interview : Geert Wilders –the New Fortuyn? // United Press International. 2004. 01.12.
- ¹⁴ См.: *Esen C.* The Rise of the «New Right» in Europe from the 2000s onwards, GRIN Verlag, 2011. P. 6.
- ¹⁵ *Backes U.* The Extreme Right in Europe : Current Trends and Perspectives, Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. P. 107.
- ¹⁶ Вилдерс, в отличие от ряда ультраправых, являющихся антисемитами, достаточно терпимо относится к иудейскому вероисповеданию и сам несколько лет жил в Израиле.
- ¹⁷ См.: *Backes U.* The Extreme Right in Europe... P. 107.
- ¹⁸ См.: Нидерланды. Парламентские выборы 2009 // Электоральная география. URL: <http://www.electoral-geography.com/new/ru/countries/n/netherlands/niderlandy-parlamentskie-vybory-2009.html> (дата обращения 25.04.2012).
- ¹⁹ См.: *Backes U.* The Extreme Right in Europe... P. 108.
- ²⁰ См.: VERKIEZINGSPAMFLET. URL: http://www.pvv.nl/index.php?option=com_content&task=view&id=788&Itemid=139 (дата обращения: 24.05.2012).

УДК 94(73)|1991/2000|

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ USAID¹ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ Б. КЛИНТОНА

Е. А. Афонина

Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterina.afonina@list.ru

Данная статья посвящена изучению деятельности агентства международного развития США в республиках Центральной Азии бывшего Советского Союза в 90-е гг. XX века в контексте геополитических интересов Соединенных Штатов в данном регионе. **Ключевые слова:** Агентство международного развития Соединенных Штатов Америки, Б. Клинтон, развивающиеся страны, иностранная помощь.

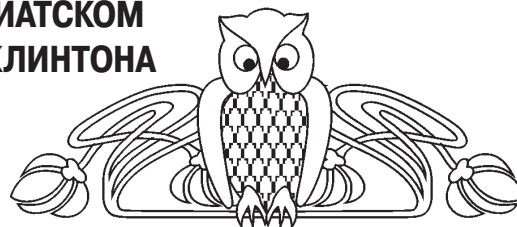
The USAID Activities in the Central Asian Region During the Clinton's Administration

Е. А. Aphonina

Given article is devoted to the study of the U. S. Agency for International Development in the Central Asian republics of the former Soviet Union during the 1990s in the context of the geopolitical interests of the United States in the region.

Key words: United States Agency for International Development, Central Asian region, B. Clinton, developing countries, foreign aid.

Геополитическое местоположение Центрально-Азиатского региона обуславливает наличие здесь интересов крупнейших мировых держав. Если до 1991 г. регион находился в составе СССР и не представлял собой самостоятельного субъекта международных отношений, то распад «советской империи» ознаменовал наступление эпохи независимости для государств Центральной Азии. Стратегически важный регион мира недолго

оставался без внимания мировых и региональных держав. Одним из основных игроков на мировой арене, чьи долгосрочные цели, безусловно, были связаны с закреплением своих позиций в Центрально-Азиатском регионе, являлись Соединенные Штаты Америки.

Среди причин столь пристального внимания США к новым независимым государствам Центральной Азии можно выделить несколько основных. К ним следует отнести, во-первых, «расширение» зоны своего влияния согласно «стратегии Клинтона» и, вместе с тем, стремление ослабить влияние России, Китая и Ирана на данный регион; во-вторых, активизацию присутствия США в ключевых странах Центральной Азии, Казахстане и Узбекистане; в-третьих, получение доступа к энергоресурсам этого региона и нахождения новых путей транспортировки углеводородов в обход России, а также создание новых рынков сбыта американских товаров и услуг².

Для создания новой системы взаимоотношений между Центрально-Азиатским регионом и США использовались самые различные методы, в число которых входила и организация оказания помощи, основным координатором которых в рассматриваемый период являлось USAID. Официальные документы вполне отчетливо говорят о том, что регионы для реализации проектов агентства выбирались не случайно, а в соответствии

со стратегическими планами США, хотя часто в СМИ, да и в заявлениях чиновников агентства, приходилось слышать, что помощь предоставляется «от имени американского народа для улучшения жизни людей во всем мире»³.

Так, например, обосновывая помощь Казахстану, Соединенные Штаты подчеркивали, что республика является их «стратегическим партнером» в Центральной Азии, влияние которого на регион продолжает возрастать⁴. Что же касается Туркменистана, то он обозначался стратегически важным государством, граничащим с представляющими для США интерес Афганистаном и Ираном, а «большие запасы углеводородов, имеющиеся в стране, делают его потенциальным и ведущим поставщиком данного сырья на региональный и мировой рынки»⁵. Узбекистан также заслужил внимание агентства к себе своим стратегическим расположением к северу от Афганистана и наличием богатых природных ресурсов (включающих золото, уран, природный газ и хлопок) и тем, что его население составляло около 45% от общей численности населения региона⁶.

Посредством предоставления помощи бывшим советским республикам Центральной Азии Соединенные Штаты, в первую очередь, стремились повысить уровень глобальной безопасности путем строительства демократии и рыночной экономики, нераспространения оружия массового поражения, а также борьбы с инфекционными заболеваниями и наркоторговлей в данном регионе. Для Белого дома программа поддержки республик постсоветского пространства являлась одним из способов претворения в жизнь американской внешнеполитической стратегии в Средней Азии. Так, Дональд Л. Прессли, помощник администратора бюро USAID в Европе и Евразии, подчеркивал, что «цель проведения американской внешней политики в этих пяти республиках (республики Центрально-Азиатского региона – Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан. – Е. А.) – это устойчивое, демократическое, ориентированное на рынок, развитие с целью предотвращения вооруженных конфликтов и распространения глобальных угроз, а также гарантированного доступа Запада к нефти региона, газу и полезным ископаемым»⁷.

Изначально помощь Центрально-Азиатскому региону бывшего СССР, которая начала выделяться США в 1992 г., в основном носила гуманитарный характер, но с приходом к власти администрации Клинтон и сменой руководства в агентстве международного развития ситуация существенно изменилась в сторону увеличения размеров предоставляемой помощи и наличия в ней технической составляющей. Так, пик финансирования программ помощи странам СНГ приходится на 1993 (ассигновано 1816 млн долл.) и 1994 гг. (ассигновано 2396 млн долл.). Если в абсолютном исчислении около половины всех средств было выделено на программы для России,

то в пересчете на душу населения РФ оказалась далеко не на первом месте, а первую тройку составили Армения, Грузия и Кыргызстан⁸.

Так как одной из первоочередных задач агентства в регионе было содействие созданию системы открытой рыночной экономики, то требовалось строительство прочного институционального фундамента для проведения рыночных реформ, которые позволили бы американскому капиталу действовать в более стабильной среде на территории стран Центральной Азии.

Например, оказывая помощь локомотиву Центрально-Азиатского региона, Казахстану, USAID способствовало реструктуризации целого ряда институтов и законодательной базы, «наиболее значимых для перехода страны к рыночной экономике». Сюда, безусловно, можно отнести приватизацию и пенсионную реформу, реформирование судебной системы, а также те реформы, которые Всемирный банк рассматривает как создающие благоприятные условия для предпринимательской деятельности⁹.

Поскольку Центрально-Азиатский регион располагает значительными топливно-энергетическими ресурсами, а энергетический сектор здесь является движущей силой экономического развития, необходимость в усовершенствовании методов управления этими ресурсами в региональном масштабе была чрезвычайно высока. Исходя из этого, агентство предпринимало усилия по оказанию помощи в реформировании топливно-энергетического сектора.

По мнению экспертов USAID, помощь агентства органам власти центрально-азиатских республик и бизнес-ассоциациям способствовала росту защищенности инвесторов, упрощению процедур торговых операций и сокращению числа разрешительных документов, требуемых для открытия, осуществления и ликвидации бизнеса¹⁰.

В республиках Центральной Азии, как впрочем и на всем постсоветском пространстве, при поддержке Агентства международного развития США была создана сеть неправительственных организаций (НПО), занимающихся решением вопросов, соответствовавших «глобальным целям» агентства. По мнению некоторых экспертов, использование НПО представляет собой тактику «роения», когда небольшие организации, действуя по отдельности, решают целостную, общую для всех задачу¹¹. По средствам деятельности НПО USAID «пыталось плотнее интегрировать себя в экономические проекты в СНГ, чтобы гарантировать свое участие и долгосрочную «нужность»»¹². Неправительственные организации, наряду с участием в социальных, экологических, правовых программах помощи, подталкивали местные органы власти в сторону их соответствия «демократическим стандартам» и обновлению выборной системы.

В целях улучшения доступа населения Центральной Азии к информации агентство оказыва-

вало содействие местным СМИ в производстве и распространении общественной, политической и экономической информации, актуальной для жителей региона¹³.

Что же касается инвестиций в человеческий капитал, то здесь USAID сосредоточивало свои усилия на внедрении мер по оказанию более качественной первичной медицинской помощи, профилактике ВИЧ-инфекции, образовательных программах для различных слоев населения, а также мерах поддержки материнства и детства. Агентство способствовало реализации стратегии краткосрочного курса противотуберкулезной терапии под прямым наблюдением для контроля за течением болезни, включая улучшение электронной системы надзора и совершенствование работы лабораторий по исследованию палочки Коха¹⁴. Только в Казахстане в результате внедрения мер по борьбе с туберкулезом за период с 1998 г. по 2000 г. включительно было спасено 13 тыс. жизней¹⁵.

Если в социальной сфере реализация проектов USAID имела положительные результаты, то что касается оказания помощи в экономической и политической сферах, демократизации общества, а также борьбы с коррупцией, успехи здесь оставались незначительными. Действия агентства подвергались ожесточенной критике со стороны американских СМИ и республиканского конгресса, обвинявшего руководство USAID в неэффективном расходовании средств налогоплательщиков.

Под прессом критических замечаний администрации агентства пришлось признать, что переход к демократии и открытым рынкам в центрально-азиатских республиках бывшего Советского Союза – «дело сложное». А в малоэффективности программ помощи следует винить «трудную окружающую среду», особенности исторических условий, в которых развивались народы Центральной Азии, многовековое отсутствие демократических институтов, а также слабую гражданскую позицию населения¹⁶. 12 апреля 2000 г. в своем выступлении перед членами комитета по международным отношениям палаты представителей Д. Л. Прессли подчеркнул, что бывшие члены коммунистической партии все еще возглавляют четыре из пяти правительств центрально-азиатских республик и что в данном регионе имеет место развитие тенденции в сторону деспотического и авторитарного управления. Он также отметил, что участие граждан в общественно-политических процессах остается минимальным, а необходимость активизации демократических процессов крайне высокой¹⁷.

Учитывая нарастание критики в адрес агентства перед президентскими выборами 2000 г., его руководство было вынуждено прибегнуть к изменению стратегии предоставления помощи в Центрально-Азиатском регионе путем сосредоточения своих усилий на людях, конкретных общинах и учреждениях, а также на воспитании у молодого поколения демократической культуры¹⁸,

т. е. произошла переадресация помощи из центра на периферию, в конкретные организации, к конечному адресату.

При этом следует учитывать и то, что реализация долгосрочных планов США в регионе в период работы администрации Клинтона была вполне успешной. Доказательством тому явились тесные взаимоотношения Вашингтона и республик Центральной Азии на протяжении первого десятилетия XXI века. Речь идет о том, что Центрально-Азиатский регион играет важную роль в ведении войны с «мировым терроризмом», т. е. является плацдармом для осуществления боевых действий в отношении места базирования «террориста номер один» Афганистана, который неоднократно в истории становился ареной для борьбы мировых держав.

Теракты 11 сентября 2001 г. внесли существенные коррективы во внешнеполитическую концепцию Соединенных Штатов. По словам заместителя администратора USAID Кента Хилла, «после событий 11 сентября геополитическая важность Среднеазиатского и Кавказского регионов для США чрезвычайно возросла», а «бывшие советские республики стали ключевым регионом для защиты интересов США»; «значение этих регионов для США обусловлено находящимися здесь громадными запасами нефти и газа»¹⁹.

Таким образом, Соединенные Штаты оказались более активно вовлечены в процессы, происходившие в Центральной Азии в начале 2000-х гг. Несмотря на военную операцию в Афганистане и на критику предоставления помощи внутри самих США, новая администрация Дж. Буша-мл. продолжила финансирование программ USAID, которые стали инструментом сохранения и укрепления стратегических связей Вашингтона с центрально-азиатскими республиками СНГ.

Примечания

- 1 United States Agency for International Development – Агентство международного развития США.
- 2 См.: Холкиназаров Х. Соперничество мировых держав в Центральной Азии и фактор безопасности [Electronic Resource] // ИА ЦентрАзия. 11.11.2010 [official web-site]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1289481540> (Дата обращения: 10.02.2011 г.)
- 3 Remarks by Don Pressley, Assistant Administrator for Europe and Eurasia. May 20, 2000. [Electronic Resource] // United States Agency for International Development: [official web-site]. URL: http://www.usaid.gov/press/spe_test/speeches/2000/nars.html (Дата обращения: 14.05.2009 г.).
- 4 См.: Казахстан. Краткий очерк. [Electronic Resource] // United States Agency for International Development : [official web-site]. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/kazakhstan> (Дата обращения: 16.11.2011 г.).
- 5 Туркменистан. Краткий очерк. [Electronic Resource] // United States Agency for International Development :

- [official web-site]. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/turkmenistan> (Дата обращения: 16.11.2011 г.).
- ⁶ См.: Узбекистан. Краткий очерк. [Electronic Resource] // United States Agency for International Development: [official web-site]. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/uzbekistan> (Дата обращения: 16.11.2011 г.).
- ⁷ Testimony of Donald L. Pressley, Assistant Administrator Bureau for Europe and Eurasia, April 12, 2000 [Electronic Resource] // United States Agency for International Development : [official web-site]. URL: http://www.usaid.gov/press/spe_test/testimony/2000/ty000412.html (Дата обращения: 14.05.2009 г.)
- ⁸ См.: *Лебедев И. Л.* Об американской правительственной помощи странам СНГ // США : Экономика, политика, идеология. 1996. № 10. С. 51–52.
- ⁹ См.: Казахстан. Краткий очерк.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: *Чернов М.* США готовят новую российскую элиту. [Electronic Resource] // ИА ЦентрАзия. 06.03.2004 [official web-site]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1078555320> (Дата обращения: 10.02.2011 г.)
- ¹² *Шенин С. Ю.* USAID в России : взгляд из Америки (90-е гг. XX века) // Новая и Новейшая история : межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 23. 2008. С. 189.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Узбекистан. Краткий очерк.
- ¹⁵ См.: Информационное письмо «Международная конференция «Опыт внедрения программы по контролю за туберкулезом (Стратегии DOTS) в Восточной Европе и Центральной Азии»». 09.01.2003. [Electronic Resource] // Project HOPE [official web-site]. URL: http://www.projecthope.kz/news/konfl_ru.htm (Дата обращения: 19.11.2009 г.)
- ¹⁶ См.: Testimony of Donald L. Pressley, Assistant Administrator Bureau for Europe and Eurasia. April 12. 2000.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ *Чернов М.* Указ. соч.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 902(470).44/.47|637.7|

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: 1900–1917 ГОДЫ

Н. М. Малов

Саратовский государственный университет
E-mail: malovnm@mail.ru

Статья посвящена истории изучения и интерпретации памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья. Анализируются точки зрения археологов относительно археологических объектов, сыгравших ключевую роль в моделировании срубной культурно-исторической области.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, поздний бронзовый век.

Studying the Bronze Age Monuments in the Lower Volga Region: 1900–1917

N. M. Malov

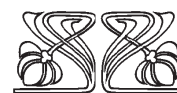
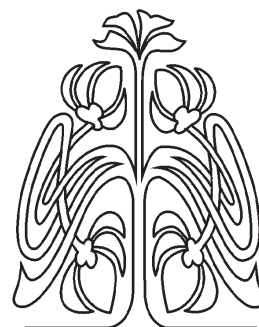
The paper deals with the history of studying and interpreting the monuments of the Late Bronze Age in the Lower Volga region. Viewpoints of various archeologists are analyzed concerning the archeological objects of crucial importance for modeling the timber-grave cultural-historical area.

Key words: archaeology, Lower Volga Region, Late Bronze Age.

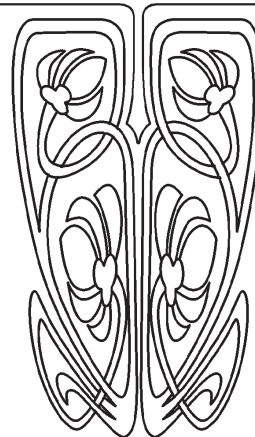
С конца 1980-х гг. активизируется внимание исследователей к проблемам истории и историографии отечественной археологии. Это обусловлено тем, что российская археологическая наука достигла соответствующего уровня зрелости. В данной статье рассматривается история изучения бытовых и погребальных памятников, кладов и находок металлических предметов позднего бронзового века (ПБВ) Нижнего Поволжья с 1900 по 1917 г.

Этот период становления и накопления информации по эпохе поздней бронзы связан с деятельностью Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СУАК), члены которой открыли памятники ПБВ на севере Нижнего Поволжья¹. Кроме того, в музей СУАК поступали находки металлических, каменных, костяных изделий и литейных форм эпохи поздней бронзы. Существенное влияние на формирование научных подходов археологов СУАК в оценке памятников ПБВ оказывали работы и непосредственные советы выдающихся русских археологов А. А. Спицына и В. А. Городцова. Обнаруженные в те годы памятники члены СУАК относили к эпохам меди или бронзы, а иногда и к позднему бронзовому веку. Так, например, А. А. Кротков отметил по поводу многослойных городищ побережья Волги Саратовской губернии: «здесь можно встретить (напр., в Березниках или Ахмате) городки по типу посуды и рисунку на ней относимые специалистами к поздней поре бронзовой эпохи<...>»²

ПБВ Нижнего Поволжья характеризуется более широким, чем в предшествующие эпохи, распространением металлургии бронзы и искусственных сплавов на медной основе. Первый известный нам клад металлических орудий эпохи поздней бронзы был найден в 1876 г. в с. Знаменское (имение графа А. С. Уварова) Вольского уезда Саратовской губернии. Он содержал кельт и копьевидное долото³. Начало XX в. отмечено в истории изучения ПБВ Нижнего Поволжья знаковым событием – открытием крупного Сосново-Мазинского клада, отражающего

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сферу накопления металлургической продукции и сырья⁴. Учитывая культурно-историческую и источниковедческую ценность, важность этого сокровища для синхронизации очагов металлургии, металлообработки и абсолютной хронологии, рассмотрим не публиковавшиеся ранее архивные документы об его обнаружении.

Следует начать с письма от 7 августа 1901 г., направленного за подписями исполняющего делами, вице-губернатора и других чиновников правления Саратовского губернатора в вышестоящие инстанции, где впервые и фигурируют сосново-мазинские вещи. Саратовская губернская власть сообщала (исх. № 1743): «Согласно циркуляру Министерства Внутренних Дел от 27 ноября 1886 г., за № 25, имею честь препроводить на рассмотрение Императорской Археологической Комиссии представленные Хвалынским Уездным Исправником разное оружие старого образца и другие предметы из красной меди, найденные крестьянином села Сосновой Мазы Хвалынского уезда, Тимофеем Михайловым Токаревым во время пашни своего поля, в местности между упомянутым селом и деревнею Елховкой. Приложение: опись препровождаемым вещам»⁵.

Согласно Описи в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) передали медные предметы Сосново-Мазинского клада общим весом 1 пуд 8 фунтов. Суммарно было сдано 78 вещей: «1. Четыре штуки оружия в форме тесака, из которых два с ручками, а два без ручек. 2. Четыре штуки двух форм наконечника. 3. Двадцать семь разных ломатых кусков. 4. Сорок три штуки изделий одной формы, в виде косыря, с пробитым в конце каждого предмета отверстием»⁶. Вскоре ИАК подтвердила письмом (от 16 августа, исх. № 1363) получение этих вещей и просила известить крестьянина-находчика, что полагающееся ему «<...>за упомянутые предметы денежное вознаграждение будет выслано не позже октября месяца»⁷.

Крестьянину Т. М. Токареву должны были выплатить денежное вознаграждение в размере ста рублей за приобретенные у него Комиссией древние медные предметы⁸. Однако с выплатой вознаграждения произошла небольшая задержка. Об этом свидетельствует документ (ноябрь 1901, исх. № 1837) за подписью Председателя ИАК графа А. Бобринского: «Удостоверение. Дано от ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии г. Хвалынскому, Уездному исправнику Саратовской губернии, на получение из Хвалынского уездного Казначейства ста рублей, переведенных туда Кабинетом ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА через Главное Казначейство»⁹.

В конечном итоге, Сосново-Мазинские предметы были переданы ИАК в Московский исторический музей (ГИМ), после чего их официально стали интерпретировать как клад. Это подтверждается письмом (от 25 ноября 1901 г. исх. № 1163) направленным в ИАК: «Управле-

ние Императорского Российского исторического музея с благодарностью имеет честь уведомить о получении препровожденного для коллекции Музея, при отношении Комиссии от 30 октября сего года за № 1243, клада медных вещей<...>»¹⁰ Первоначально в музее СУАК не было вещей из Сосново-Мазинского клада. Единственной информацией служили фотографии, присланные, при отношении ИАК, от 25 октября 1902 г. за № 1808. Об этом в Книге записи вещей СУАК было записано: «Три фотографических снимка различных медных предметов, найденных крестьянином Т. Токаревым близ с. Сосновой Мазы Хвалынского уезда и относящихся к бронзовому веку»¹¹. В 1903 г. о находке клада было сообщено в Отделе II (Случайные находки и приобретения) Отчета ИАК: «Весьма ценный в научном отношении и редкий клад из 51 экз. медных кинжалов, ножей, кельтов и долот и 27 различных обломков, найденных при распашке поля между с. Сосновой Мазой и дер. Елховкой Хвалынского уезда»¹².

Приведенные выше архивные документы и первая публикация свидетельствуют о том, что переданная в ИАК и ГИМ часть клада содержала всего 78 разных категорий медных предметов, собранных через Хвалынского уездного исправника. Поскольку иногда искажаются данные о нашедшем клад, напомним, что клад обнаружил в начале своей пахотной межы крестьянин Тимофей Михайлов Токарев. Судя по выявленным архивным и опубликованным сведениям, весной – летом 1901 г. археологи не обследовали и точно не зафиксировали этого памятника. Сосново-Мазинский клад изначально скудно документирован, нет детального описания, планов и фотографии места его нахождения, не известен его полный состав на момент обнаружения. Несомненно, что клад содержал больше вещей, чем Хвалынский уездный исправник смог собрать и передать губернским властям. Некоторые вещи «разошлись по рукам», остались у крестьян, кладоискателей и коллекционеров.

Это подтвердилось несколько лет спустя, когда члены СУАК – хвалынские археологи М. А. Радищев (1859–1920) и В. Ф. Орехов (1873–1942) – дополнительно обследовали место находки клада и собрали вещи, растащенные крестьянами-соседями Токаревых¹³. Сейчас основная часть предметов из клада хранится в ГИМ, несколько – в Саратовском областном музее краеведения и Хвалынском краеведческом музее. Согласно музейной документации Сосново-Мазинская коллекция включает 85 предметов. Один серп-косарь следует вычленивать из коллекции, поскольку он найден позже в насыпи на огородах, вместе с рогом и кусками истлевшей кожи¹⁴. К тому же медь этого косаря существенно отличается по показателям и набором от всего сосново-мазинского металла, поэтому Е. Н. Черных вполне справедливо отделил его от прочей группы¹⁵. Следовательно, к данному кладу следует относить только 84 предмета.

Сосново-Мазинский литейный клад является очень важным археологическим источником, сыгравшим ключевую роль в моделировании срубной культурно-исторической области ПБВ Нижнего Поволжья и Восточной Европы. А. А. Спицын, член СУАК с 3 мая 1895 г., полагал, что «это запас мастера или торговца», отметив высокое содержание железа в проанализированных предметах¹⁶. В. А. Городцов заключил, что в конце бронзового века здесь могла существовать культура типа Сосново-Мазинского клада, и назвал её хвалынской¹⁷.

Из других памятников Хвалынского уезда, сыгравших существенную роль в изучении ПБВ Нижнего Поволжья, следует отметить Ивановское селище и курганы около с. Адоевщина, раскопанные В. Ф. Ореховым по Открытым листам ИАК. Курганы близ Адоевщины были первым нижеволжским памятником, который В. А. Городцов отнес к срубной культуре. Кроме того, в кургане № 1 В. Ф. Орехов впервые в Нижнем Поволжье обнаружил остатки сожжения ПБВ¹⁸. О. А. Кривцова-Гракова использовала материалы Ивановского селища для характеристики второго хвалынского периода срубной культуры, признав ивановскую землянку «едва ли не первой» из исследованных построек бронзового века Восточной Европы¹⁹.

Первые самые крупные раскопки бытового памятника ПБВ в Нижнем Поволжье, продолжавшиеся несколько лет, осуществил М. А. Радищев близ с. Ст. Яблоновка Хвалынского уезда по Открытому листу ИАК²⁰. Здесь не только впервые обнаружили остатки котлованов трех прямоугольных построек, но также створку литейной формы и другие свидетельства металлургического производства ПБВ²¹. К сожалению, материалы исследований М. А. Радищева с поселения в Липовом долу введены в научный оборот фрагментарно.

В дореволюционные годы шло активное накопление случайных находок различных металлических изделий ПБВ, происходящих с территории Саратовской губернии. Среди них бронзовые кельты, наконечники копий, серповидные орудия и топоры, но чаще всего находили ножи разных типов. В 1908 г. музеем СУАК подарили редкое бронзовое серповидное орудие «в форме кривой бритвы» с отверстием на рукояти, обнаруженное при производстве земляных работ в Чемизовско-Кисилевской волости Аткарского уезда у подошвы правого берега р. Колышлей²². М. А. Радищев передал Российскому историческому музею «бронзовый серп сибирского типа, который найден в усадьбе крестьянина Д. Тарасова в с. Старая Яблоновка, Хвалынского уезда Саратовской губернии»²³.

В 1908 г. в музей СУАК поступили два бронзовых кельта. Один обнаружен в поле между селами Стригай и Старая Жуковка Вольского уезда, место находки другого неизвестно²⁴. Кроме того, в 1915 г. на Белой Дороге по Зелёному гребню близ с. Старая Яблоновка найден асимметричный

бронзовый кельт²⁵. В Хвалынском краеведческом музее хранятся один фрагмент и два целых бронзовых наконечников копий ПБВ, найденных в дореволюционные годы близ сел Благодатное, Апалиха и Подлесное²⁶. Тогда же были обнаружены два бронзовых топора южноуральского типа (Дурасовка, Старая Яблоновка)²⁷.

Таким образом, в первый период изучения ПБВ происходило накопление информации, открывались важные археологические памятники и закладывались основы для последующих исследований. Не только в столичных изданиях, но и в выпусках Трудов СУАК (их было 33) публиковались первые статьи об изучении бытовых и погребальных памятников, а также случайных находках эпохи поздней бронзы. Основополагающее влияние на культурно-историческую трактовку памятников стали оказывать работы В. А. Городцова, в которых были выделены комплексы срубной и хвалынской культуры Нижнего Поволжья. Хотя исследованные закрытые археологические комплексы были единичны, тем не менее материалы, накопленные в дореволюционные годы, не потеряли своего научного значения и до сих пор используются археологами при изучении ПБВ Нижневолжского региона.

Примечания

- 1 См.: Малов Н. М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения, вып. 1. С. 95–100.
- 2 Кротков А. А. О памятниках старины в Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29. С. 164.
- 3 См.: Бочкарев В. С. Знаменская находка // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 245–252.
- 4 См.: Малов Н. М. Сосново-Мазинский клад : история обнаружения и комплектования коллекции // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 420–422.
- 5 О находке древних медных предметов между д. Елховкой и с. Сосновой Мазой Хвалынского уезда Саратовской губернии // Архив ИИМК. Ф. № 1. 1901. Арх. № 191. Л. 1.
- 6 Там же. Л. 2. Описание.
- 7 О находке древних медных предметов... Л. 3.
- 8 Там же. Л. 4.
- 9 Там же. Л. 7.
- 10 Там же. Л. 13.
- 11 Книга записи вещей СУАК. Т. I. Л. 161 № 30 // Фонды СОМК.
- 12 Отчет ИАК за 1901 год. СПб., 1903. С. 140 (Отд. II). С. 170 (Отд. III).
- 13 См.: Малов Н. М. Сосново-Мазинский клад... С. 443–442.
- 14 Там же. С. 430–431. Рис. 1–1.
- 15 См.: Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. М., 1970. № 172. С. 19.

- ¹⁶ См.: Спицын А. А. Некоторые находки медного века // Изв. ИАК. СПб., 1909. № 29. С. 65–67.
- ¹⁷ См. Малов Н. М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 37.
- ¹⁸ См. Орехов В. Ф. Раскопки 2-х курганов при с. Адовщине, Хвалынский у. // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31. С. 131–134.
- ¹⁹ См.: Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. М., 1955. № 46. С. 46.
- ²⁰ См.: О выдаче М. А. Радищеву открытого листа на раскопки в пределах Хвалынского уезда Саратовской губернии. 1914–1915 гг. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. № 320. Лист 3, 10.
- ²¹ См.: Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 119. С. 113–116; Малов Н. М. Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 5–7.
- ²² См.: Зайковский Б. В. Находки на Колышлее // Тр. СУАК. Саратов, 1910. Вып. 25Б. С. 18–21. Рис. 1.
- ²³ Отчет ИАК за 1914 год. М., 1915. С. 9. Рис. 1.
- ²⁴ См.: Книга записи вещей СУАК. Т. I. Л. 318. № 860 // Фонды СОМК; Максимов Е. К. Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3. С. 282–283. Рис. 2–2,4.
- ²⁵ См.: Максимов Е. К. Указ. соч. С. 283–284. Рис. 2–1.
- ²⁶ Там же. С. 282–283. Рис. 1.
- ²⁷ Там же. С. 285–286. Рис. 3–3, 5

УДК 94(47).044

ДОРОГА ЦАРЕВИЧА МУРАД-ГИРЕЯ В АСТРАХАНЬ

А. В. Беляков

Филиал Московского психолого-социального университета, Рязань
E-mail: feb@ru.ru

Статья посвящена тому, как Москва организовала приезд крымского царевича Мурад-Гирея, оказавшегося в результате очередного династического конфликта Гиреев в России, в Астрахань осенью 1586 г. и как данное событие было ею использовано для решения своих внешнеполитических задач по усилению своего влияния на Северном Кавказе и борьбе с крымскими набегами.

Ключевые слова: Мурад-Гирей, русско-крымские отношения, русско-ногайские отношения, Чингисиды, Россия в XVI в.

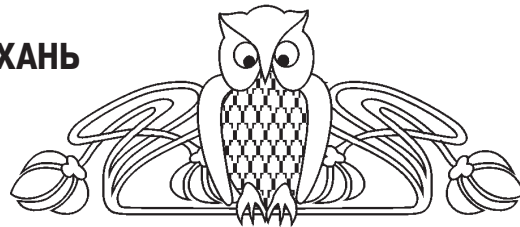
A Trip of Tsarevich Murad Geray to Astrakhan

A. V. Belyakov

The given article focuses on the visit of a Crimean tsrevich Murad Geray in the autumn 1586 to Astrakhan, organized by Moscow authorities. It was the time when Murad Geray had to come in Russia in because of another dynastic conflict. The author also engages the issue, how this event was used by the Moscovites for the sake of their foreign-policy objectives regarding their empowerment at North Caucasus and fight against Crimean invasions.

Key words: Murad Geray, Russian-Crimean relations, Russian-Nogaian relations, descents of Genghis Khan, Russia of XVI century.

На протяжении 80-х гг. XVI столетия Крымское ханство пребывало в состоянии затяжного кризиса, получившего в историографии наименование «династический кризис Гиреев». «Ссора великая в Крымском юрте» разгоралась постепенно. Ее корни лежат в самой системе престолонаследия в доме Гиреев, допускавшей как наследование ханского престола старшим сыном умершего хана, так и следующим по старшинству братом. При этом помимо противоречий между двумя системами наследования, под которыми следует

понимать традиции оседлых государств (наследование престола старшим сыном) и монгольским правом (наследование старшим представителем династии)¹, существовало еще и противоречие между султанской инвеститурой нового хана и его утверждением (или избранием) главами ведущих татарских родов в русле многовековой джучидской традиции. Подобная ситуация уже приводила к длительным периодам «двоецарствия» в Крыму. Правда, к 70-м гг. XVI в. династия Гиреев была представлена только потомками хана Девлет-Гирея I (1551–1577 гг.) – его многочисленными сыновьями и внуками. Потомство братьев Девлет-Гирея I оказалось уничтоженным в ходе многочисленных династических распрей 40–50-х гг. XVI в.

В начале 80-х гг. XVI в. последовала очередная эскалация кризиса, в результате которой был убит хан Мухаммед-Гирей II (1577–1584 гг.). Новым ханом провозгласили его брата Ислам-Гирея II (1584–1588 гг.). Однако новый хан имел слабую поддержку среди местной аристократии. Благодаря этому летом 1584 г. царевичи, сыновья Мухаммед-Гирея II Сеадет-Гирей, Мурад-Гирей и Сафа-Гирей, до этого вынужденные бежать из Крыма, при помощи ногайских мирз на два с половиной месяца захватили власть на полуострове².

Ханом провозгласили Сеадет-Гирея, Мурад-Гирей стал калгой. Осенью 1584 г. при помощи 3 тыс. турецких янычар Ислам-Гирею удалось восстановить свою власть³. Но сыновья Мухаммед-Гирея II не сложили оружия. Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей пытались найти поддержку в Больших Ногах, исконных врагах Крыма, и на Северном

Кавказе – «в Шевкалах» (северо-восточная часть Дагестана, где находилось Тарковское Шахмальство, населенное кумыками). Мурад-Гирей должен был заручиться поддержкой московского царя Федора Ивановича. Вначале он отправился в Астрахань. После ссылок астраханских воевод с Москвой царевич прибыл в столицу, где ему была устроена торжественная встреча. Это произошло, судя по описи Посольского приказа 1626 г., до 1 сентября 1585 г.⁴, после чего начались долгие переговоры о возможной помощи беглым Гиреям.

Окончательная договоренность была достигнута в начале лета 1586 г. Мы можем в общих чертах реконструировать условия договора: по нему Мурад-Гирей был послан на жительство в Астрахань. Статус царевича в городе установить тяжело. У нас нет однозначных сообщений о пожаловании Чингисиды городом⁵. Но астраханские доходы частично шли на содержание Гирея и его двора⁶. Хотя нельзя не отметить, что Астрахань в рассматриваемое время не могла существовать без постоянных присылок продуктов питания и иных товаров из центра. Царь Федор, судя по всему, обещал всестороннюю, в том числе и военную, помощь братьям в их борьбе за Крым. В частности, была обещана помощь терских, волжских, яицких и донских казаков⁷. Мурад-Гирей, в свою очередь, становился подданным московского царя и, по-видимому, отказывался от права отъезда⁸. Возможно, Сеadet-Гирей и Сафа-Гирей обещали согласовывать свои действия с Москвой. Сеadet-Гирей как признанный в России крымский хан обязался отправить одного из своих сыновей (Кумо-Гирея) в Москву в качестве аманата (заложника).

В последнее время появилось значительное количество работ, посвященных истории пребывания крымского царевича Мурад-Гирея в Астрахани на рубеже 80–90-х гг. XVI в.⁹ Однако в этой истории по-прежнему еще можно найти много интересных сюжетов. Один из них касается описания дороги царевича из Москвы в Астрахань летом – осенью 1586 г. Рассмотрим его. При этом нас в первую очередь будет интересовать то, как Москва организовала и использовала данное событие в своих внешнеполитических целях.

21 июня 1586 г. царевич Мурад-Гирей присутствовал на пиру у царя с боярами Ф. И. Мстиславским, Б. Ф. Годуновым, Ф. Н. Юрьевым, И. В. Сицким и окольниковым И. М. Бутурлиным. А 18 июля ему объявили об отпуске в Астрахань¹⁰. В июле Мурад-Гирей шертовал Федору Ивановичу за себя и за своих братьев, «царя» Сеadet-Гирея и царевича Сафа-Гирея, в том, «что быти им под государеву рукою в ево государеве жалованье и воле, и жити под Астараханью, и во всем государю лиха не хотети, и стояти против государевых недругов». Данная шертная грамота хранилась в Посольском приказе еще в 1626 г.¹¹ Время между двумя этими датами, скорее всего, было затрачено на организацию каравана, с которым Мурад-Гирей должен был прибыть в Астрахань.

С царевичем отправили думного дворянина и воеводу Романа Михайловича Пивова, воеводу Михаила Ивановича Бурцева, переводчика Степана Степанова, из Большова Дворца с кормом сытника (?) Федора Мисюрева, а также 73 человека послов ногайских и людей царевича. Для «береженья» и службы послали 10 детей боярских, стрелецкого голову Ивана Калемина с четырьмя сотниками и четырьмястами московскими стрельцами, 200 новгородских стрельцов с головою, а также терского атамана Бориса Татарина с десятью казаками. В Нижнем Новгороде к ним должны были присоединиться пятидесятник с тридцатью нижегородскими и двадцатью васьингородскими стрельцами¹². На самом деле стрельцов было несколько меньше заявленного. Некоторые из них находились «в нетях», другие решали свои дела в московских приказах. Имелся и просто некомплект сотен¹³.

Отправление царевича и его людей решили совместить с посылкой большого астраханского каравана с запасами. Из Москвы царевич с сопровождавшими его лицами вначале отправился в Ярославль. Нам неизвестно, формировался ли весь караван в этом городе или же здесь находились только струги, предназначенные под царевича, новых астраханских воевод и сопровождавшего их военного отряда. Интересен тот факт, что Гирея ни в этот, ни в последующих случаях не захотели посылать прямым водным путем через Москву-реку и Оку. Можно предположить, что это было сделано с тем, чтобы не показывать крымскому царевичу окских берегов, по которым в XVI в. проходил главный оборонительный рубеж от набегов крымских татар. Также следует сказать об особом статусе Ярославля как месте проживания знатных выходцев с Востока, сохранявших верность исламу, и приобретшего данную функцию приблизительно в это время¹⁴. Так, в непосредственной близости от города проживали романовские ногайские мирзы Юсуповы и Кутумовы со своими военными отрядами. Знакомство с ярославскими реалиями могло стать некоей демонстрацией, призванной показать царевичу терпимое отношение к мусульманам в России.

Из Ярославля караван должен был выйти в конце июля – начале августа. По возможности ночевки, скорее всего, планировались в проплываемых городах. Здесь же царевичу, судя по всему, устраивали торжественные встречи. Нам известно косвенное упоминание об одной из них – организованной в Нижнем Новгороде. В Строгановской редакции Нижегородского летописца читаем: «Лето 7093-го (1594/95 г. – А. Б.). Приехал к Москве царевич крымской Мурат Киреев сын Девлеткиев государю, царю служить»¹⁵. В приезде в город Чингисиды не было ничего удивительного. Нижний Новгород в этот период играл роль своеобразных «восточных ворот» Московского государства. Через него проходили восточные купцы, посольства мусульманских го-

сударств и татарские царевичи, по тем или иным причинам вынужденные эмигрировать в Россию. Известны случаи, когда они даже вынуждены были оставаться в городе на зиму, до начала весенней навигации¹⁶. Интерес провинциального летописца к данному событию, очевидно, был вызван его явной экстраординарностью. Пути первого и последующих визитов Мурад-Гирея из Астрахани в Москву пролегали через Нижний. Но отмечено данное событие единожды. Возможно, причиной этого послужила пышная встреча, оказанная ему здесь по приказу из столицы. Но в таком случае летописец объединил воедино два события: дорогу царевича в Москву летом 1585 г. и торжественное его водворение в Астрахани в 1586 г. В противном случае получается, что уже в 1585 г. у Москвы были более чем определенные планы на Мурад-Гирея, и ему хотели польстить необычайно пышным и торжественным приемом на всем пути следования от Астрахани до Москвы. Если мы предположим торжественную встречу царевича в Нижнем Новгороде в 1586 г., то тогда мы вправе допустить подобное развитие событий и в иных городах, мимо которых он проплывал. Тогда мы видим несколько нелогичную ситуацию, когда в одних городах Мурад-Гирею устраивают торжественный прием как человеку, обладающему неким особым статусом (лидера иноземного государства?), а в других – просто не замечают. Для чего была оказана столь пышная встреча, мы скажем несколько ниже.

Нам известно, что плавание оказалось более длительным, нежели планировалось. В день проплывали не более 30 верст. Поэтому расходы на прокорм царевича и сопровождающих его людей оказались значительно больше ожидаемого. Ситуацию кардинально не изменило и пополнение запасов в Казани. Здесь же с разрешения казанских воевод было решено взять с собой местных рыбных ловцов. Однако ветер мешал успешной рыбной ловле. 15 сентября, когда караван находился в 20 верстах ниже Самары, у «Сервсково Самарсково устья», неожиданно поднялся сильный встречный ветер, выбрасывавший суда «на пески» и разломавший отдельные струги. Была потеряна часть запасов, в результате чего воеводы могли начать использовать запасы, предназначенные для Астрахани¹⁷.

Мы не знаем точных размеров поденного корма, положенного царевичу. Сохранились только сведения о поденном питье. «По дороге из Москвы Мурад-Гирей ежедневно получал по кружке меду вишневого или боярского, кружке меду обарного, три ведра меду цеженного, а его людям на всех давали по десяти ведер меду расхожего на день, да по полуведра вина горячего»¹⁸. В Астрахани, помимо этого, людям царевича полагался квас. В самом городе могли возникнуть проблемы с обеспечением царевича и его людей мясом (тоже могло происходить и в дороге). В таком случае его следовало заменять рыбой. В Астрахани для

царевича следовало поставить питьевые меды из (50 пудов) привезенного меда. 300 пудов меда предполагалось потратить на производство питьевых медов для приезжих мирз и ожидаемых братьев Мурад-Гирея¹⁹. Другая информация отсутствует. Частично восполнить ее могут данные о поденном корме вдовы царевича, царицы Ертуган, отпущенной в Крым осенью 1593 г. Тогда ей в дороге давали на день: «Две курицы, два денежных калача, крупы, соли, луку и чесноку на 3 деньги, свечей на 2 деньги. Ее людям (56 человек) полагалось 56 хлебов денежных, круп и соли на гривну. Кроме того, царице и ее людям на 2 дня была положена яловица (шкуру следовало отдавать назад)»²⁰. Дачи женщинам, как правило, были приблизительно в два раза ниже дач мужчинам того же ранга²¹. Если принять во внимание, что дорога царевича в Астрахань заняла не менее двух с половиной месяцев, то общие объемы получились значительно больше.

Еще больше ситуацию с едой усложнял тот факт, что к царевичу постоянно приходили волжские, яицкие и черкасские (донские) казаки. Так, 29 сентября на «Большклавском острове» царевич Мурад-Гирей встречал черкасского атамана Счастливого Матусова Грандина и 82 казаков конных. Узнав о пожаловании царевича, они пришли сюда еще в середине августа. За это время их запасы закончились. И они с голоду «громили» волжского атамана Федю Рязанцева с казаками, ватагу рыбных ловцов нижегородца Сивка, а также двух стругов Гришки Гольша с товарищами, которые шли с рыбою снизу. При этом многие оказались убитыми и ранеными со всех сторон. Мурад-Гирей взял их к себе на службу, отправив двух казаков, Ивана Бакбаза и Адама Романова, в Москву «за свои вины» бить челом царю²². По дороге к крымскому царевичу присоединились в общей сложности 22 черкасских, яицких волжских и терских атамана с 869 казаками²³. Е. Н. Кушева называет несколько иные цифры прибывших с царевичем в Астрахань военных людей: «1000 стрельцов, 900 волжских казаков и атаманов»²⁴. В Астрахани по царскому указу казакам назначают денежное (по 2 руб.) и хлебное жалование. Но их следовало кормить и в дороге, которая продлится еще более двух недель²⁵.

Приезд казаков не был случаен. Дело в том, что царевича планировалось использовать в крупной внешнеполитической игре, в которую в той или иной степени были вовлечены Крым, Османская империя, Персия, Большая и Малая Ногайские Орды, Речь Посполитая и ряд иных государств. Отправка Мурад-Гирея в Астрахань, при этом обставленная с особой пышностью, должна была стать демонстрацией силы. Следует отметить, что для разных участников этой игры тем самым давался свой особый сигнал, который мог полностью противоречить всем остальным. Москва однозначно заявляла о своем усилении в регионе Северного Кавказа и Прикаспия. Большая

и Малая Ногайские Орды, Тарковское Шахмальсво и ряд иных государственных образований Северного Кавказа должны теперь были учитывать это, а лучше полностью добровольно войти в орбиту политики России и стать подданными московского царя. При этом у отдельных ногайских мирз возникало ощущение, которое всячески поддерживалось Москвой: в Мурад-Гирее они получили третейского судью и защитника их интересов. Он должен был донести до московского царя их чаяния. Они еще до приезда царевича в Астрахань нет-нет, да и назовут его царем²⁶. До этого Москва только всячески ограничивала свободу передвижения ногаев, ставя города на месте перевозов через Волгу и в центрах из бывших кочевков. К тому же русские власти ничего не делали для того, чтобы прекратить постоянные казачьи набеги.

Мы не знаем статуса крымского царевича в Астрахани. Возможно, его следует рассматривать как политического лидера (главу) всех мусульман региона. В таком случае здесь могла быть создана параллельная и полностью подконтрольная русской администрации структура, объединявшая мусульман, наподобие того, что в это время существовало в Касимове или же – в Темникове²⁷. В то же самое время для Крыма был дан однозначный сигнал о готовности к силовому водворению сыновей Мухаммед-Гирея II на престоле их отца. При этом в Бахчисарае к данной демонстрации силы отнеслись более чем серьезно. В Крыму численность войск, двигавшихся с царевичем, значительно преувеличивали. Ислам-Гирей II ожидал неминуемого похода и не надеялся удержаться на престоле. Говорили, что Мурад-Гирею с братьями было дано 25 или даже 50 тысяч стрельцов «с вогненным боем»²⁸.

Однако на самом деле события в ближайшие месяцы должны были развиваться по несколько иному сценарию. Ни о каком большом крымском походе не могло быть и речи. Царевичу следовало замирить, в том числе и путем совершения самостоятельного зимнего военного похода, бия Малой Ногайской Орды (Казыев улус) Якшисаата, после чего ранней весной нужно было быть готовым к «Польскому» походу. Мурад-Гирей должен был возглавить до 3 тыс. ногаев Большой Орды, до 3 тыс. ногаев Малой Орды и крымцев (речь, скорее всего, идет о ногаях Дивеева улуса – Ногайском улусе Крымского ханства, поддерживавших беглых царевичей и откочевавших в это время из Крыма на Северный Кавказ), а также до 200 человек черкесов (кабардинцев)²⁹. Также планировалось привлечь к походу и казачество. Однако этот элемент трудно поддавался контролю и управлению. Поэтому в случае их отказа от участия в походе их собирались оставить для установления контроля над Волгой.

Таким образом, судя по всему, отправляясь в Астрахань, царевич дал обязательства послу-

жить русскому царю в планировавшемся походе на Речь Посполитую прежде, чем ему с братьями будут даны военные силы для возвращения себе Крыма. Другой вопрос, собиралась ли Москва выполнять взятые на себя обязательства? Скорее всего, нет. Здесь прекрасно осознавали, что посадить на крымский престол своего ставленника не так трудно, как впоследствии контролировать его. К тому же подобный шаг, безусловно, нарушил бы сложившуюся расстановку сил в регионе и стал причиной затяжной войны, в которой против России могли единым фронтом выступить Османская империя и Речь Посполитая, которых, вполне возможно, поддержали бы и народы Северного Кавказа. Москва, только вышедшая из Ливонской войны, не была готова к этому. Однако отказываться от возможностей, которые давали помещение Гирея в Астрахани, не хотели. Тем более что благодаря этому планировалось усилить контроль над обеими Ногайскими Ордами, народами Северного Кавказа и по возможности приостановить или сократить хотя бы на время постоянные крымские набеги. Таким образом, Мурад-Гирей, не осознавая того, стал участником крупной политической игры, в которой ему была предоставлена скромная роль послушной марионетки, хотя сам он воспринимал себя как одну из главных сил в политическом раскладе. Для этого и понадобилась громкая акция с приездом царевича в Астрахань.

Но это было не единственное, хотя и самое пышное действие, спланированное в Посольском приказе. Помимо каравана стругов, медленно двигавшегося по Волге, в разные стороны направлялись многочисленные гонцы или же допускалась контролируемая утечка информации. Благодаря этому даже возможно просочившаяся в Крым информация о «польском» походе могла рассматриваться там как очередная дезинформация, призванная прикрыть подготовку крупномасштабного похода на Крым. Но запах войны, без различия какой, витал в воздухе. Именно на него и слетались казаки. Но для этого до них также следовало донести соответствующую информацию. Она, скорее всего, содержала обещание получить государево денежное и хлебное жалование. При этом нельзя не отметить, что подобные известия доходили до казаков задолго до появления официальных известий об отправлении Мурад-Гирея в Астрахань³⁰.

Здесь следует отметить, что привлекать в Астрахань казаков следовало с большой осторожностью. Дело в том, что между ними и Большими Ногаями существовала старая и непримиримая вражда. Незадолго до этого яицкие казаки совершили очередной набег на ногаев. Поэтому далеко не все яицкие казаки рискнули присоединиться к Мурад-Гирею. И, кажется, не напрасно. Один из них, Тимошка Пиздыш, в конечном итоге был повешен. Правда, это наказание постигло его не за прошлые «заслуги», а за бесчинства по отношению к ногаям уже в Астрахани³¹.

В Астрахани стало известно о посылке туда царевича 8 сентября. С сообщением об этом и с подробными инструкциями послали Степана Мишурина. Позднее к воеводам пришел Степан Мишурин с грамотами от царевича и сопровождавших его воевод³². С этого момента начинается активная переписка между Москвой, Мурад-Гиреем, его братьями, астраханскими воеводами и ногайскими мирзами, следы которой частично сохранились в ногайских и крымских посольских столбцах. Так, уже 30 сентября в пяти верстах ниже о. Балыклеи караван встретил Афанасия Ивантеева, отправленного из Астрахани с грамотами от астраханских воевод, Сеадет-Гирея к царю и Мурад-Гирею³³.

Царевич вынужден был сделать остановку за 15 верст до Астрахани на Долгом острове для того, чтобы в городе могли завершить приготовления для его торжественной встречи³⁴. Ранее астраханским воеводам велели построить для царевичей и его людей два двора добрых в остроге. Р. Пивову, М. Бурцеву, Ф. Мисюреву и переводчику С. Степанову дворы следовало построить недалеко от царевича. Для Мурад-Гирея выбрали дворы сотника казачьего Меншика Чемесова, Афанасия Рагозина и Ворошилки Торханова³⁵.

В Астрахань Мурад-Гирей торжественно въехал 15 октября. Ночью перед этим к царевичу на встречу послали: двух сотников и 300 человек стрельцов и казаков с «вогненным боем», трех пушкарей с тремя скорострельными пушками, 10 затынщиков с затынными пушками, большими атаманов с 75 казаками. Это было сделано для того, чтобы увеличить общую численность военного отряда посылаемого с Чингисидом, и произвести нужное впечатление на находящиеся в городе ногаев. Ногаи при въезде стояли на Старом Городище. Перед царевичем на стругах плыли стрелецкие головы Иван Змеев и Иван Калемин со стрельцами и волжские атаманы с казаками. Следом располагались астраханский сотник Василий Дурасов «с товарищи», артиллерией, астраханскими стрельцами и казаками. Далее в караване находилось судно с музыкальными инструментами: «с набаты и с накры, и с трубами, и с сурнами». С царевичем плыли воеводы, дети боярские и стрелецкие сотники. Потом шли суда с запасами и стрельцами с «рушницами». Астраханские воеводы вывели к пристани во главе со стрелецким головой Иваном Чегодаевым детей боярских, сотников на конях и «в наряде», 1000 стрельцов и казаков пеших «с вогненным боем» да 300 человек «юртовских татар». При встрече стреляли из ручниц с судов и берега «для ногайских людей», «а как царевича и воевод стрельба минулась», «велели по набатам и по нарком бити, и в суры играти для царевичева приезде и для иноземцев велел стреляти ис тритцати из одной пушки, а из большово наряду не стреляли». После этого Мурад-Гирею, его мирзам, воеводам, головам стрелецким и детям боярским были даны приготовленные лошади, на которых они и въехали в город. Царевич последовал на специально при-

готовленный для него двор. Вслед за ними туда последовали воеводы, по приезде в Астрахань Мурад-Гирею в этот день полагался почетный корм «перед поденным в полтора»³⁶.

Слухи о приезде царевича в Астрахань и его торжественной встрече распространились молниеносно. В город потянулись послы и сами мирзы из Больших Ногаев и Казыева улуса, а также гонцы с вестями из «Шевкал» и «Черкес» (Кабарды)³⁷. Казалось, планы Москвы и царевича начинают постепенно осуществляться. При этом первоначальный успех во многом зависел от грамотно проведенной информационной акции, сопровождавшей приезд царевича в Астрахань. Первые месяцы срабатывал эффект отложенных ожиданий, когда в Степи и на Северном Кавказе ожидали некоего положительного эффекта от самого факта появления Мурад-Гирея в городе. Дальнейшее развитие событий зависело от множества факторов, в том числе от реальных действий, как со стороны Гирея, так и московских воевод.

Примечания

- ¹ Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 222–223.
- ² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М., 1948. С. 33–34.
- ³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 3.
- ⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. М., 1977. С. 336.
- ⁵ О статусе «пожалованных» городов см.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 292–297.
- ⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 70.
- ⁷ Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 12.
- ⁸ Скорее всего, «подданство» по-разному трактовалось Москвой и царевичами. Если в столице оно рассматривалось как однозначное подданство, то Гирею, по-видимому, видели в нем только временный союз. Подробнее о различном восприятии подданства см.: Тренавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 134–197. Также мы можем наблюдать разную интерпретацию тех или иных пунктов договора различными сторонами. Так, обещание помощи волжских, терских, яицких и донских казаков на одном из пиров, данных Мурад-Гиреем в честь ногайских мирз, озвучил как: «государь деи меня пожаловал, отпустил для нашего дела в свою государеву отчину в Асторохан, да дал деи мне воевод своих и ближних и великих людей, да дал деи мне волю над Волгою и над Терком, и над Яиком, и над Доном, и казаком велел быти в моей воле» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 12).
- ⁹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 59, 99–100, 117, 212–217, 285–287; Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в 1570–

- 1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 274–279 ; *Он же*. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 5. М., 2011. С. 242–287 ; *Он же*. Посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов и дипломатические отношения русского государства с Крымским ханством в 70–90-х годах XVI в. // Исследования по источниковедению и истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. М., 2012. С. 187–199.
- ¹⁰ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 215.
- ¹¹ Описание архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. М., 1977. С. 79.
- ¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 25–30, 85; Описание архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. С. 400. Имеется документ, утверждающий, что волжский атаман Борис Татаринов (Татарин) во главе 95 казаков присоединился к царевичу по дороге, 30 сентября (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 61). Однако это могут быть два разных человека.
- ¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 121–123.
- ¹⁴ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 298–300.
- ¹⁵ Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006. С. 142.
- ¹⁶ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. I. С. 120–127.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1686 г. Д. 13. Л. 55, 59.
- ¹⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 1, 1586 г. Д. 1. Л. 118–120.
- ¹⁹ Там же. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13, Л. 69–70.
- ²⁰ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 225.
- ²¹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 342–347.
- ²² Там же. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13. Л. 49–54, 56–57, 58.
- ²³ Там же. Л. 31.
- ²⁴ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 264–265. Разночтения появились в результате округления полученных цифр. То же самое мы видим и при подсчете стрельцов. С царевичем отправили 400 московских, 200 новгородских, 30 нижегородских и 20 вассильгородских стрельцов. Всего получается 650 человек. Однако реально из-за недокомплекта было несколько меньше. Правда 30 сентября, в пяти верстах «ниже Балыклейского острова», встретили астраханского казачью голову Воина Аничкова, отправленного до Самары с четырьмя сотниками и четырьмя сотнями стрельцов сопроводить государевых гонцов (Семена Ушакова и Ивана Богданова) и «кладные струги» с казанским жильцом Араком Шумковым, Демидовыми людьми Черемисинова, торговых людей и тезиков. Восвода Р.М. Пивов велел до Самары отправить с караваном трех сотников (Салтана Вестанова, Никиту Зиновьева (Семена?)), Ушакова и 300 стрельцов. В. Аничкову с сотником и стрельцами (100) приказали сопроводить царевича до Астрахани (См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 41–44, 60, 65–66). 300 же стрельцов отправили к царевичу ночью, перед прибытием в город. Но тогда получается 1250 стрельцов (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 27–30, 32–36). Казаки продолжали прибывать и позднее. Всех их направляли в Астрахань (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13. Л. 38–40).
- ²⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 1–2, 100.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 1–2.
- ²⁷ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 265–278 ; *Он же*. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30 ; *Он же*. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения : 2006. Н. Новгород, 2007. С. 29–60.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 3 об.–4.
- ²⁹ Там же. Л. 11, 96–100.
- ³⁰ Поход, в конечном итоге, так и не состоялся из-за смерти Стефана Батория. Это событие оказалось абсолютно неожиданным для Москвы. Пришлось принимать срочные меры по отмене мероприятий по его подготовке. Это усложнялось тем, что данные события разворачивались в зимнее время, и гонцов следовало посылать через холодную заснеженную степь. Грамоту об этом послали 26 февраля 1587 г. При этом собранные войска велели не распускать. В Москве еще не решили, следует ли их использовать на каком-либо направлении (См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 1–7).
- ³¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 7. По сообщению Самарского воеводы кн. Г.О. Засекина, яицкие атаманы, Матюшка Мещеряк, Ермак Петров, Ортюка Болдырев и Тимошка Пиздыш, а с ними казаков по пятьдесят человек. Таким образом, в этом отряде собралось около 200 казаков. Их пригласил к Мурад-Гирею в своей грамоте царь Федор Иванович, обещая за это простить «великие обиды» – разорение улусов Большой Ногайской Орды, в котором, в частности, принимали участие и атаманы Матюшка Мещеряк и Богдаска Барбаш с товарищами. 28 октября прибывших в Самару отправили в Астрахань. При этом отмечалось, что другие атаманы (Богдан Барбаша, Нечай Шанцкой, Ямбулат Ченбулатов, Якуня Павлов, Никита Ус, Первшука Зязя и Иван Дуда), а также 250 казаков не поверили царскому обещанию и остались на Яике (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13. Л. 38–40). Нападение казаков на юрты Больших Ногаев можно интерпретировать двояко. С одной стороны, это действия лиц привыкших зарабатывать на жизнь саблями и вынужденных терпеть многомесячное бездействие. С другой – это могло быть внутреннее (и вполне обоснованное) ощущение того, что судьбу ногаев в Москве в принципе уже давно решили. Поэтому на эти казачьи злоупотребления закроют глаза так же, как и на более ранние. Но в данном случае расчет не удался. На настоящий момент для Москвы важнее были ногаи.
- ³² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 72, 85.
- ³³ Там же. Л. 64.
- ³⁴ Там же. Л. 31–36.
- ³⁵ Там же. Л. 69–76.
- ³⁶ Там же. Л. 27–30, 32–36.
- ³⁷ Там же. Д. 1.

УДК 94(47).044+94(47).045+908(470)|1590/1608|

ПЕРВЫЕ ВОЕВОДЫ ГОРОДА САРАТОВА (1590–1608)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет

E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы начальной истории Саратова. Впервые приведены имена некоторых воевод этого города.

Ключевые слова: Саратов, Григорий Осипович Засекин, Борис Владимирович Лодыгин, Михаил Григорьевич Вольнский, Григорий Федорович Елизаров, Борис Никифорович Давыдов, Степан Никифорович Чепчугов.

The First Saratov's Voivodes (1590–1608)

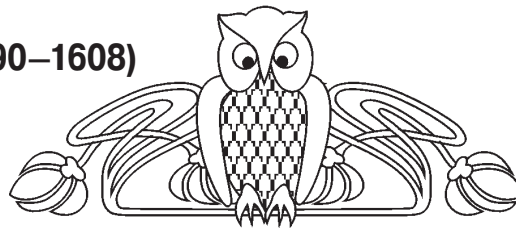
Ya. N. Rabinovich

The article describes the unknown pages of the early history of Saratov. First names of some of the voivodes of the city are given.

Key words: Saratov, Grigory Osipovich Zasekin, Boris Vladimirovich Lodygin, Michael Grigorevich Volinsky, Grigory Fedorovich Yelizarov, Boris Nikiforovich Davydov, Stepan Nikiforovich Chepchugov.

Что мы знаем об основании Саратова и о первых его воеводах? В результате кропотливой работы, проведенной историками-краеоведами, благодаря деятельности членов саратовской Ученой архивной комиссии, ученых Саратовского университета, археологов, историков из других регионов страны, совершенно разных людей, как профессионалов, так и любителей, которых всех объединяет любовь к нашей малой родине и её истории, было выяснено следующее. Определено точно время и ориентировочно место основания Саратова, а также его первый воевода: лето 1590 г., район с. Пристанное (есть и другие мнения), князь Григорий Осипович Засекин. Современные исследователи, Евгений Константинович Максимов и Эдуард Львович Дубман, составили подробную биографию основателя Саратова, князя Г. О. Засекина¹, в ряде городов ему поставлены памятники (в Самаре и Волгограде). Менее известно о его помощнике стрелецком голове Федоре Михайловиче Турове, ещё меньше мы знаем о другом воеводе первоначального Саратова Иване Григорьевиче Вольнском и абсолютно ничего неизвестно краеведам о его преемнике – Михаиле Григорьевиче Вольнском, а также о некоторых других воеводах Саратова, о которых речь пойдет далее.

Саратовский краевед Виктор Николаевич Семенов подробно рассказывает о биографии Григория Осиповича Засекина и сожалеет, что имеется мало сохранившейся информации в отношении других воевод самого раннего периода существования Саратова: «Объем этот минимальный в отношении ещё трех воевод и вовсе никакой – в отношении остальных. При этом

даже неизвестно, сколько их вообще было за первые 23 года существования нашего города». В. Н. Семенов считает, что «в декабре 1613-го завершилась первая глава в истории нашего города» Саратова, который был уничтожен, по его мнению, именно в это время (декабрь 1613 г.).

Но со всеми утверждениями В. Н. Семенова о биографии Г. О. Засекина можно согласиться.

1. Автор пишет, что «в 1575 году русские войска в городе Кореле нанесли поражение ливонцам» (на самом деле, поражение потерпели шведы, ибо Ливонский орден прекратил свое существование в 1561 г., а ранее ливонские войска никогда под Корелой не воевали).

2. Нельзя также согласиться с мнением автора, что в 1580 г. «при том же городке Кореле русские войска сумели нанести противнику ряд чувствительных ударов». Единственный «чувствительный удар» русские нанесли в это время польско-литовскому отряду Филона Кмиты недалеко от Смоленска, а на севере терпели одни поражения; именно в 1580 г. шведский военачальник Понтус Делагарди захватил Корелу.

3. В. Н. Семенов указывает, что «воинство Ивана Грозного в конце концов завладело Орешком» (на самом деле, русские в XVI в. ни разу не сдавали Орешек, а враги захватили эту крепость только в начале мая 1612 г. и удерживали 90 лет).

4. В 1589 г. после закладки Царицына Г. О. Засекин, по мнению В. Н. Семенова, «по сложившейся традиции как основатель города становится его первым воеводой и остается в новопоставленной крепости на зиму. Его отзывают с Волги уже в марте 1590 г., и 19 марта он участвует в штурме Нарвы». В действительности кн. Г. О. Засекин из отдаленного Царицына уехал на северо-западную границу осенью 1589 г., а штурм Нарвы, в котором он принял участие, состоялся 19 февраля 1590 г. Одна только дорога от Царицына через Москву и Великий Новгород до Нарвы должна была занимать больше месяца.

5. Соратника кн. Г. О. Засекина в Самаре «думного дьяка И. Ф. Страшнева» не существовало (известен дворовый дьяк И. Ф. Стрешнев, который находился в это время в Казанской ссылке). Можно указать и на ряд других неточностей: князь Р. В. Ахлябин (на самом деле – Охлябинин), «боярин» Ф. М. Туров и т. д.

Далее уважаемый краевед, ссылаясь на «Саратовскую летопись», составленную Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским, сообщает, что после кн. Г. О. Засекина следующий известный

воевода «Иван Григорьев сын Волынский» *«пребывал в Саратове только в 1597 году»*. Завершает В. Н. Семенов свой рассказ о Саратове первых десяти лет на грустной ноте: *«И всё. И добавить к этому абсолютно нечего»*. После этого он излагает некоторые сведения о воеводе Саратова Г. Ф. Елизарове, а затем – о Замятне Ивановиче Сабурове, который назван *«четвертым и последним известным нам воеводой в изначальном Саратове»*, о нем *«сведения анкетного характера отсутствуют»*². На самом деле, биография Замятни Ивановича Сабурова хорошо прослеживается по многочисленным записям в разрядных книгах.

Попробуем расширить круг *«известных нам воевод изначального Саратова»*.

Биографию помощника кн. Г. О. Засекина в Саратове стрелецкого головы **Федора Михайловича Турова** составить трудно: в то время было немало в России людей с таким распространенным именем. Костромской сын боярский, отправленный во время опричнины в казанскую ссылку, осадный голова в крепостях Остров и Порхов – вряд ли всё это относится к одному и тому же человеку, саратовскому стрелецкому голове Федору Михайловичу Турову. Кроме того, в ряде разрядных записей осадным головой в Острове назван Федор Иванович Туров. Всем известная запись об основании Саратова на странице старинного рукописного Евангелия, сделанная, по мнению В. Н. Семенова, *«поном Денисом Ивановым в 1590 году»*, гласит: «Лета 7098 году месяца июля во второй день на память положения пояса Пречистые Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити». В Книгах разрядных головой в Острове, Порхове и *«в новом городе на Саратове-острове»* показан *«голова Федор Туров»* (без отчества)³.

Федор Михайлович Туров недолго руководил городом Саратовом. Вскоре из Москвы в Саратов был отправлен воеводой **Борис Владимирович Лодыгин**. Автор этих строк случайно обнаружил запись о пребывании Бориса Лодыгина в Саратове в одной из Разрядных книг в НИОР РГБ в Москве (эти книги хранятся также в научной библиотеке СГУ).

Нелегко выяснить основные этапы биографии следующего воеводы Саратова **Ивана Григорьевича Волынского**, так как было два брата, два Ивана Григорьевича Волынских. Авторы Славянской энциклопедии считали, что воеводой «на Саратове-острове» в 1594–1596 гг. был Иван Меньшой, пятый сын Григория Савича Волынского⁴. Все же следует отдать предпочтение другой версии, что воеводой Саратова был его старший брат, Иван Григорьевич Волынский. В те времена не было принято отправлять на воеводство в один и то же город сначала младшего брата, а затем старшего, поэтому преемником Меньшого Волынского в Саратове не мог быть его старший

брат Михаил (о Михаиле Волынском разговор отдельный).

В Разрядных книгах четко разделяются Иван Григорьевич Волынский и Меньшой Григорьевич Волынский. В 1593/94 г., когда впервые Иван Григорьевич указан в Разрядах в качестве воеводы Саратова (а не в 1597 г., как считает В. Н. Семенов), его брат Иван Меньшой Григорьевич находился в Михайлове, куда был направлен из Рязьска для смены известного многим саратовцам князя А. Ф. Жирового-Засекина.

В 1595/96 г. Иван Меньшой Волынский был вторым воеводой далеко от Саратова, в Ивангороде (его старший брат Иван продолжал в это время находиться в Саратове). После Ивана Григорьевича Волынского (воевода Саратова 1594–1597) на воеводстве в этом городе был его младший брат, **Михаил Григорьевич Волынский (1597–1600)**, третий сын Григория Савича Волынского. О Михаиле Григорьевиче саратовские краеведы ничего не писали. В книгах Разрядных, опубликованных в 1966 г. (подготовка текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова), под 1596/97 г. записано, что *«на Саратове-острове воевода Иван Григорьев сын Волынской»*, а под 1597/98 г. запись стоит уже другая: *«На Саратове воевода Михайло Григорьев сын Волынской»* (слово «остров» здесь не указано)⁵. Некоторые сведения о воеводе Саратова Михаиле Григорьевиче Волынском привели авторы Славянской энциклопедии⁶.

Следующее известие о первоначальном Саратове относится уже к осени 1600 г., когда в городе вынуждены были остаться на зимовку персидские и русские послы, а воеводой в Саратове стал **Григорий Федорович Елизаров (1600–1603)**⁷.

Г. Ф. Елизаров приехал в Саратов в самом начале 7109 г. (1600/1601 г.), т. е. в сентябре 1600 г. Возможно, он находился на одном из судов каравана вместе с персидскими послами и русским послом князем А. Ф. Жировым-Засекиным. Этот караван потерпел крушение 24 октября 1600 г. возле Саратова. А. А. Гераклитов не совсем уверенно отмечает, что Елизаров, «очевидно, известный деятель Смуты»⁸.

В Смутное время были известны два Григория Елизарова. Подробные сведения о дьяке Григории Елизарове, который *не имел ничего общего с воеводой Саратова*, приведены у С. Ф. Платонова. Историк Смуты, говоря о событиях осени 1610 г., уже после присяги москвичей королевичу Владиславу и захвата Москвы поляками, называл Григория Елизарова старым дьяком, который *«убежал от притеснения Гонсевского в черницы в Троицу, а затем на Соловки»*. Этого дьяка, Григория Елизарова, С. Ф. Платонов считал предполагаемым автором «Новой Повести о Преславном Российском царстве», *«хорошо осведомленным московским дьяком»* (Григорий Елизаров был дьяком Новгородской чети)⁹. Именно его считал

А. А. Гераклитов, ссылаясь на С. Ф. Платонова, «известным деятелем Смуты».

Биография саратовского воеводы Г. Ф. Елизарова (о нем С. Ф. Платонов ничего не писал), который в самый разгар Смуты находился далеко от Москвы, будучи воеводой в сибирском Кетском остроге (1608–1612 гг.), нуждается в специальном исследовании. Некоторые попытки в этом направлении, и довольно удачные, были предприняты авторами «Славянской энциклопедии»¹⁰. Несмотря на ряд неточностей и неполноту (авторам неизвестно о пребывании Г. Ф. Елизарова в Сибири), это исследование заслуживает того, чтобы на него обратили внимание саратовские краеведы. В принципе, нашего саратовского воеводу, Г. Ф. Елизарова, тоже можно считать известным деятелем Смуты в период восстания Болотникова (1606–1607), когда он некоторое время возглавлял оппозицию царю Василию Шуйскому в Муроме¹¹.

В Разрядных книгах под 111 годом (1602/03) ещё упоминается «голова Григорей Федоров сын Елизаров», а уже под 112 годом (1603/04) указан другой воевода. Сменивший Г. Ф. Елизарова в Саратове **Борис Никифорович Давыдов** также неизвестен саратовским краеведам. В официальном Государевом разряде 7112 года (1603/04), который вошел в состав Разрядной книги 1598–1604 гг., имеется интересная запись: «На Саратове Борис Микифоров сын Давыдов да Иван Савостьянов»¹². Судя по этой записи, Борис Никифорович Давыдов в **1603 г.** был назначен воеводой в Саратов, а стрелецкий голова Иван Савостьянов был его помощником. А. А. Гераклитов сразу после Г. Ф. Елизарова, воеводство которого, по его мнению, закончилось в 1602 г. (фактически – в 1603 г.), называет воеводой Замятню Сабурова лишь в 1608 г. (фактически – уже в 1607 г.)¹³. А. А. Гераклитову не была известна разрядная запись о саратовском воеводе Б. Н. Давыдове (её обнаружил В. И. Буганов в РГАДА в портфелях Миллера уже в 1960-х гг., через десятки лет после кончины ученого).

Кто стал воеводой в Саратове после отъезда Б. Н. Давыдова в 1604 г. на Кавказ, неизвестно. **Летом 1607 г.**, когда началось знаменитое Саратовское осадное сидение, о котором часто упоминается в источниках, оборону Саратова от сторонников самозванца осуществляли Замятня Сабуров и Владимир Аничков¹⁴.

Известны многие их соратники в этот период (стрелецкий сотник Микита Муромцев, казанские жильцы Иван Брехов и Афанасий Соловцов, курмышские служилые люди Степан Евлашев, Юрий Шапилов, Матвей Долбилов, Федор Дубенский). В начале 1608 г. воеводой Саратова становится **Степан Никифорович Чепчугов**. Этот воевода также неизвестен саратовским краеведам. Он упоминается в источниках только однажды, в донесении Федора Ивановича Шереметева царю Василию Шуйскому¹⁵.

Последние сведения о первоначальном Саратове приводит Н. И. Костомаров, ссылаясь на

польские источники. Он сообщает, что 22 февраля 1609 г. «из отдаленного Саратова прибыли посадские к царю с изъявлением покорности. Оттуда доставил в Тушино князь Владимир Бахтеярович Ростовский с казаками двух самозванцев»¹⁶. Князь **Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский**, судя по этой записи, имел какое-то отношение к Саратову в конце 1608 г. после того, как вернулся из турецкого плена в мятежную Астрахань. Отъезд из Саратова мог состояться в начале января 1609 г., дорога по заснеженной степи из Саратова до Москвы занимала не менее месяца. Князь В. И. Бахтеяров-Ростовский стал «боярином» в Тушино, а после бегства последнего в Калугу – боярином при дворе Василия Шуйского¹⁷.

До настоящего времени история Саратова в период 1609–1617 гг. полна загадок и неясностей из-за отсутствия источников. После февральских сведений 1609 г. мы вновь встречаем краткое упоминание о Саратове в донесении самарского воеводы кн. Д. П. Лопаты-Пожарского, который в 122 году (1613/14 г.) прислал в Москву в приказ Казанского дворца «окладные книги прошлого 121 года» (1612/13 г.). В них записано, что на Самаре уже в **1612/13 г.** имелось «саратовских конных стрельцов 75 человек, да пеших 130 человек. И обоего саратовских стрельцов на Самаре 205 человек»¹⁸.

В другом донесении, которое было получено в Москве 25 марта 1614 г., самарский воевода кн. Д. П. Лопата-Пожарский сообщал, что в Самаре имеется саратовских конных стрельцов 77 человек и те люди разоренные, «ис Саратова пришли в Самарской душею да телом»¹⁹. Когда именно гарнизон Саратова покинул свой город и ушел в Самару, источники не сообщают. Это могло произойти и в 1610, и в 1611, и в 1612, и в начале 1613 г.

В ряде документов, связанных с походом весной 1614 г. войска князя И. Н. Одоевского к Астрахани против атамана Заруцкого, говорится уже о нежилом Саратовском городище, по-видимому, нового города Саратова в это время ещё не было. Однако в документах за 1616 г. Саратов уже упоминается как укрепленный пункт с гарнизоном, в котором имеется свой воевода. В «Памяти дьякам Петру Микулину с товарищи» от **20 мая 1616 г.** говорится о Саратове, как о существующем городе: «А идти государевым посланникам с Москвы на Нижней да на Казань, а в Казани сождався с шаховыми посланники и с гонцом, идти на Самару, на Саратов, на Царицын да на Асторохань....» Дьяку приказа Казанского дворца Петру Микулину было дано указание «послати на Самару и на Саратов и на Царицын к воеводам и к приказным людям государевы грамоты».

В этих грамотах воеводам упоминаемых городов, в том числе воеводе Саратова (имя не указано), ставилась следующая задача. В случае опасности для посольского каравана Федора Леонтьева от «всяких воинских людей и от воров»

воеводы должны были выделить из состава своих гарнизонов отряд стрельцов и детей боярских «в прибавку» к провожатым, которые были ранее отправлены из Казани, «сколько человек пригоже, смотря по вестем, чтобы государевым и шаховым посланникам проехать здорово»²⁰. После освобождения Астрахани от атамана Заруцкого движение по Волге стало оживленным, хотя и небезопасным. Дьяки в Москве **весной 1616 г.** хорошо знали о состоянии дел в поволжских городах, знали, что в Саратове в это время уже находится гарнизон, и воевода этого города в состоянии выделить часть стрельцов для охраны каравана.

Но это уже история левобережного Саратова, которая связана с именем воеводы князя Федора Тимофеевича Черново-Оболенского.

Примечания

- ¹ См.: Максимов Е. К. Григорий Засекин – основатель Саратова // Годы и люди : сб. Вып. 5. Саратов, 1990 ; Дубман Э. Л. Князь Григорий Засекин : Хроника жизни и деятельность строителя волжских городов. Самара, 1995.
- ² Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 18–23.
- ³ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 347, 389, 411, 436 ; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. 3, ч. 2. С. 12, 31, 61.
- ⁴ См.: Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия : в 2 т. Т. 1 А–М / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2002. С. 219.
- ⁵ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 486 (Иван Вольнский, 1593/94 г.). С. 494 (Он же, 1594/95). С. 504 (Он же, 1595/96 г.). С. 513 (Михаил Вольнский, 1596/97 г.) ; Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 86 (Михаил Вольнский, 1598/99 г.). С. 98 (Он же, 1599/1600 г.).
- ⁶ См.: Славянская энциклопедия. XVII век : в 2 т. Т. 1 А–М / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2004. С. 280.
- ⁷ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 116 (голова Григорий Елизаров, 1600/01 г.) ; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 341 (голова Григорий Елизаров, 1601/02).
- ⁸ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 64.
- ⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. : (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910. С. 447, 455, 590.
- ¹⁰ Славянская энциклопедия. XVII век . Т. 1. С. 429.
- ¹¹ Смирнов И. И. Восстание Болотников : 1606–1607. М., 1951. С. 356; Грамота царя Василия Шуйского о волнениях в Муромском и Нижегородском уездах. 1606, декабря 15 // Восстание И. Болотникова : документы и материалы / сост. А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М., 1959. С. 206–207.
- ¹² Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 151 (голова Григорий Елизаров, 1602/03); Там же. С. 175 (Давыдов и Савостьянов, 1603/04). Подробную биографию Б. Н. Давыдова см.: Рабинович Я. Н. Борис Никифорович Давыдов : страницы биографии // Актуальные проблемы истории российской цивилизации : сб. материалов 3-й межвуз. науч. конф. 26 февраля 2010 г. Саратов, 2010. С. 8–13.
- ¹³ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод... С. 64.
- ¹⁴ Биографию Владимира Аничкова см.: Рабинович Я. Н. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Изв. Саратов. ун-та. 2011. Т. 11. Сер. История, Международные отношения, вып. 1. С. 92–98.
- ¹⁵ Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. – 17.7.1610 г.) / собр. и ред. А. М. Гневушев : Отписки в посольский приказ Астраханских воевод Шереметева с товарищами по делам Нагайским // ЧОИДР. 1915. Кн. 2 (253), № 93. С. 161.
- ¹⁶ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII в. М., 1994. С. 452–453.
- ¹⁷ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия : Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 518.
- ¹⁸ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией : Посольство в Персию Михаила Никитича Тиханова. Т. 2 / под ред. Н. И. Веселовского // Тр. Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1892. Т. 21. С. 241.
- ¹⁹ Посольство в Персию Михаила Никитича Тиханова // Памятники... Т. 2. С. 229.
- ²⁰ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией : Посольство в Персию Федора Исаковича Леонтьева. Т. 3 // Тр. Восточного отделения... СПб., 1898. Т. 22. С. 144.

УДК 908 (470.44)

ИРГИЗСКИЕ И ЧЕРЕМШАНСКИЕ МОНАСТЫРИ И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ САРАТОВСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

И. В. Полозова

Саратовская государственная консерватория
E-mail: polozov@forpost.ru

Представленная статья освещает тему развития старообрядчества на территории Саратовской губернии и направлена на изучение истории Иргизских и Черемшанских старообрядческих монастырей во второй половине XVIII – первой трети XX в. Работа опирается на ряд неопубликованных архивных материалов и затрагивает проблему преемственности в старообрядческой практике.

Ключевые слова: старообрядческая культура, Иргизские, Черемшанские старообрядческие монастыри, история края.

Irgiz and Cheremshany Monasteries and Their Role in Saratov Old-believers' Life

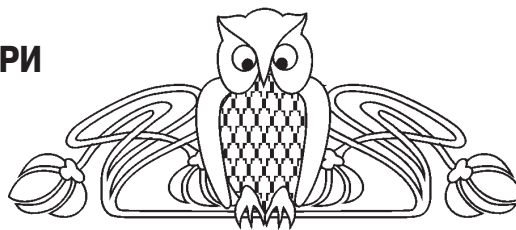
I. V. Polozova

The subject of this article is the development of old-believers' practice on the territory of Saratov region as well as the history of Irgiz and Cheremshany old-believers' monasteries in the second half of the 18th – the beginning of the 20th century. The article is based on a number of unpublished articles and highlights the aspect of continuity in old-believers' practice.

Key words: old-believers' culture, Irgiz and Cheremshany old-believers' monasteries, region history.

Со второй половины XVII в. – времени раскола Русской церкви – старообрядческая традиция создает свою ветвь монастырей. Выговское общежитие, обители на Ветке, Керженце, в Стародубье, а также многие другие скиты, развивающие традиции монастырского уклада средневековой Руси, в разное время выполняли функцию духовных и культурных очагов старообрядчества. Крупными монастырскими центрами обладала и Саратовская губерния. На ее территории располагались Иргизские и Черемшанские монастыри, которые являлись базисом в развитии и бытовании саратовского старообрядчества. На протяжении всего периода существования старообрядческих монастырей на р. Иргиз и ключе Черемшан (вторая половина XVIII – первая треть XX в.) старообрядчество Саратовской губернии, а также всего Поволжья и сопредельных территорий, окормлялось священниками и монахами этих монастырей, подпитывалось как богатыми духовными традициями, так и распространяемыми отсюда рукописными певчими и четкими книгами, иконами и др. атрибутами.

Иргизские старообрядческие монастыри. Иргиз – известный старообрядческий центр конца XVIII – первой половины XIX столетия.

Известно, что интенсивное заселение этого края начинается в XVIII в., вследствие издания правительственных указов 1716, 1718 и 1727 гг. о колонизации заволжских земель. Именно в это время появляются первые старообрядческие поселения на берегах р. Большой Иргиз. Важное значение для освоения этих земель старообрядцами имел манифест Екатерины II от 4 декабря 1762 г. В нем была обещана свобода богослужения и некоторые другие льготы старообрядцам, мигрировавшим из России от политики жестокого преследования «инакомыслящих». В надежде на многообещающие перспективы во второй половине XVIII в. происходит активное переселение старообрядцев на территорию Заволжья. Значительная часть прибывших староверов осваивает земли вдоль р. Большой Иргиз, и здесь образуется ряд старообрядческих поселений, в том числе слободы Балаково, Мечетная (ныне г. Пугачев), Каменка, Криволучье, Преображенка и др.

Большая часть переселенцев прибыла на Иргиз с Ветки¹, где в 1764 г. по распоряжению Екатерины II началась кампания, названная «вторая выгонка Ветки»². Именно выходцами из Польши были основаны старообрядческие монастыри на Иргизе. Уже в 1762 г. здесь селятся первые старообрядцы с Ветки, основавшие свои обители. Так, в 1763 г. образуется Авраамиев скит (с 1786 г. – Нижне-Воскресенский монастырь), в 1764 г. – Пахомиев (с 1788 г. – Средне-Никольский монастырь) и Исаакиев (с 1783 г. – Верхне-Успенский, в 1804 г. преобразован в Спасо-Преображенский монастырь), в 1765 г. – Маргаритин скит (с 1782 г. – Верхне-Покровский женский монастырь), в 1783 г. – Анфисин скит (впоследствии Средне-Успенский женский монастырь).

Иргизский край более всего подходил для замкнутой и обособленной жизни последователей старой веры: глухие непроходимые леса, извилистое течение Иргиза, непроторенные тропы, а также большая отдаленность от крупных населенных пунктов позволяли старообрядцам максимально отстраниться от мирской суеты и надзора со стороны правительства и господствующей церкви.

В период зарождения и развития Иргизских монастырей население скитов возрастало с потрясающей интенсивностью. Так, по переписи 1762–1765 гг. в Авраамиевом скиту проживало 17 человек, в Пахомиевом – 29, Исаакиевом – 37. К

1797 г., по официальным сведениям, в монастырях проживало уже 165 человек, а по седьмой ревизии 1827 г. – 209 мужчин и 154 женщины. В реальности проживающих в скитах было значительно больше, так как не все жители монастырей имели документы, которые следовало представить переписчикам: «слепых», т. е. беспаспортных, на Иргизе всегда было гораздо больше, чем «лицевых»³.

Статистические сведения, предоставляемые правительством, были явно занижены. По другим данным, в 1827 г. в Средне-Успенском монастыре проживало 128 инокинь и 174 послушницы, всего 302 человека; в Верхне-Покровском монастыре – 20 схимниц, 300 инокинь и 200 белиц, всего 502 человека⁴. По данным Н. Попова, только в Нижне-Воскресенском монастыре число всех жителей с временно проживающими приезжими старообрядцами доходило до 300 человек, Верхне-Покровском от 50 до 400, в Средне-Никольском от 500 до 700 монахов и послушников, в Средне-Успенском – до 600 монахинь и послушниц⁵. В 1828 г. в Спасо-Преображенском монастыре было 87 келий, в Верхне-Покровском – 100 дворов и 200 келий, в Средне-Успенском – 145 келий, в Средне-Никольском – 61 келья. Кроме того, в каждом монастыре имелись отдельные строения для библиотеки, общей трапезы, настоятелей и др. Увеличилось и число монашествующих, количество их колебалось по отдельным монастырям от 100 до 700 и в общем достигло 3 тыс.⁶

При этом следует учитывать, что в геометрической прогрессии увеличивалось и число старообрядцев в окрестных селениях. Практически все население округа за исправлением треб обращалось в Иргизские монастыри. Как значится в записках современника, в уезде проживало до 25 тыс. старообрядцев одного только беглопоповского согласия⁷. Эти сведения представляются тем более правдивыми, что официальная церковь вплоть до 1830-х гг. не уделяла краю необходимого внимания. Часто новообрядческие церкви находились друг от друга на расстоянии 70 км. Поэтому во многих прииргизских селах верующие жили в браке без венчания, умирали без покаяния, хоронились без отпевания. В результате со времени заселения этих мест старообрядцами, большая часть населения приняла старую веру. О процессе перехода в старообрядчество обитателей окрестных сел мы находим многочисленные свидетельства в архивных документах. В конце XVIII в. «жители различных губерний, начавшие переселяться в сей необжитый край, не имели у себя ни церквей, ни священников для исправления христианских треб, посему по необходимости должны были обращаться с требами в Иргизские монастыри»⁸. Практически все села Николаевского уезда, где располагались Иргизские монастыри, были «совращены к расколу»: Большой Красный Яр, Давыдовка, Каменка, Натальино, Порубежка и др.⁹ Приведем только некоторые имеющиеся факты проживания монахов и монахинь с Иргиза

в городах и селах губернии: с. Давыдовка, Пузановка, д. Большой Кушум, г. Вольск¹⁰ и др. Таким образом, старообрядчество являлось наиболее близкой и часто единственной религиозной конфессией на изучаемой территории, что, конечно, оказывало значительное идеологическое влияние на местное население.

В 1780 г. настоятель Верхне-Успенского монастыря Сергей Юршев получил официальное разрешение отправлять здесь богослужение по старым обрядам. С этого времени начинается активная публичная деятельность монастырей по окормлению старообрядческой паствы не только беглопоповцев Саратовской губернии, но и многих других территорий, населенных старообрядцами.

В 1782–1783 гг. в Успенском монастыре проходили Первый и Второй соборы, на которых решался вопрос о законности принятия беглых священников из господствующей церкви через миропомазание, с оставлением их в прежнем сане. В результате активных и грамотных действий иргизских монахов соборными постановлениями 1783 и 1792 г. Иргиз добивается монополии на право приема и «исправы» беглых священников. С этого периода беглопоповские старообрядческие общины России для исполнения церковных треб принимают только тех священников, которые получили «исправу» на Иргизе. Завоевание Иргизом права на единоличное поставление священников значительно способствовало росту авторитета монастырей среди приверженцев старой веры.

В начале 1790-х гг. из Иргизских монастырей стали рассылать исправленных попов, уставщиков, которые могли совершать повседневные службы, крестить, исповедовать и даже приобщать. Одновременно в мужских монастырях проживало до 40 священников, из которых одни находились на постоянной службе в монастырях, другие выполняли требы, посещая старообрядцев соседних уездов и губерний, а третьи проходили исправу и обучались традициям старообрядческого богослужения¹¹. По сведениям единоверческого архимандрита Платона, только в Нижне-Воскресенском монастыре при настоятеле Прохоре беглых попов было около 50, «из коих все, по справе, были разосланы по разным местам России к раскольникам»¹².

На Иргизе проживали и «исправлялись» священники со всех регионов Поволжья, основную группу которых составляли лица, прибывшие из Саратовской, Симбирской и Казанской губерний. Кроме того, значительное количество беглого священства приезжало и из других районов России: Астрахани, Вятки, Калуги, Костромы, Пензы, Сингиля, Сызрани, Тамбова, Чистополя, Ярославля и др.¹³

Историки приводят многочисленные примеры прошений жителей Саратовской губернии о дозволении им принимать с Иргиза «исправлен-

ных» священников. Так, в Вольске старообрядцы пригласили с Иргиза «двух священников и диакона, которые в 1817–1818 гг. открыто служили и даже совершали торжественные крестные ходы с колокольным звоном»; в 1828 г. прихожане с. Сухой Отрог, Кормежка, слободы Кривоулицкой и д. Большой Кушум обратились с прошением к князю Волконскому о дозволении им исправлять требы у священников Иргизских монастырей; в 1851 г. священник господствующей церкви Вольска сообщает: «есть слухи, что требы у беглопоповцев исправляет вышедший из бывших раскольников иргизских монастырей, вольский мещанин, называет себя о. Исакием». Кроме того, учение иргизских старообрядцев достигло и отдаленных сел губернии: Салтыково Аткарского уезда, Алексеевка, Болтуновка Хвалынского уезда и др.¹⁴

Старообрядцы разных регионов посылали на Иргиз многочисленные письма с просьбой прислать им исправленных попов. В 1803 г. такое прошение поступило от жителей г. Городец Нижегородской губернии, в 1811 г. от старообрядцев Ярославской губернии, в 1812 и 1816 гг. – Владимирской, в 1818 г. – Екатеринбургской, Оренбургской, Тобольской и Томской губерний. Иргизские миссионеры часто путешествовали с Иргиза на Дон и обратно. В Пермскую губернию «толпами посылались беглые попы с Иргиза, а постриженники Иргизские заводили скиты и часовни»¹⁵.

Довольно быстро роль Иргизских монастырей в мире старообрядчества становится очень значительной, что дало повод исследователям истории Саратовского края сравнивать их со знаменитыми православными центрами, такими как Киев и Афон. «Весть о формальном разрешении для Иргиза богослужения по старому обряду быстро разнеслась по России. С Урала, Дона, Волги, из отдаленной Сибири, с гордой Невы – отовсюду потянулись сюда вереницы богомольцев. Одни шли на поклонение святыням, веря легенде, будто места для построения Иргизских скитов указаны были основателям самим Богом и будто на Иргизе, как и на Керженце, почивают нетленные мощи подвижников; другие шли сюда для получения запасных даров»¹⁶. Герои романа П. И. Мельникова говорят об Иргизских монастырях как о столице православия: «Как по падении благочестия в старом Риме Царьград Вторым Римом стал, так и по падении благочестия во святой Афонской горе второй Афон на Иргизе явился... Поистине царство иноков было... Жили они беспечно и во всем изобильно...»¹⁷

Монастыри поддерживали тесные контакты со всем старообрядческим миром России. Так, на освящение вновь выстроенной деревянной церкви во имя Преображения Господня в Спасо-Преображенском монастыре 9 июня 1804 г. прибыли гости из разных губерний страны: «иеромонахи 2 и 2 иеродьякона, 10 попов, 6 дьяконов и старообрядцы различного звания, а именно:

уральского войска старшин, имеющих штаб и оберофицерские чины 27; рядовых казаков 500, донского войска старшин 10, рядовых 35; сибирских купцов: екатерининских – 27, пермских – 30, иркутских – 20, казанских – 35, саратовских – 45, саратовских – 260, вольских – 120, хвалынских – 80, астраханских – 30, из различных губерний земледельческих крестьян и прочего звания мужеска пола до 4000, а всего 5537 человек»¹⁸. Если доверять указанным в документе цифрам, то значительное количество монастырских гостей свидетельствует не только об обширных контактах старообрядцев, но и о внушительном авторитете монастырей. Влиятельные и могущественные покровители старообрядческих обителей прилагали много усилий для того, чтобы слава Иргизских монастырей преумножалась.

Иргизские единоверческие монастыри. Расцвет Иргизских старообрядческих монастырей, их значительно усилившееся влияние на жителей губернии и всей России не могли не волновать официальную власть. В связи с этим губернское правительство неоднократно пыталось ограничить рост их авторитета. 2 августа 1828 г. последовал Высочайший указ о подчинении этих монастырей губернскому начальству и их подготовке к переходу в единоверие. После передачи Иргизских обителей в ведение губернского начальства был запрещен прием в них новых насельников, а жившим там до ревизии 1827 г. – свободное передвижение монахов по территории России.

Реорганизация монастырей привела к тому, что большая часть старообрядцев, не пожелавших принять единоверие, вынужденно покинула свои обители. Основная масса иргизских насельников была направлена в места их прописки, а остальные старообрядцы насильственно высланы в отдаленные регионы страны. Так, в 1829 г. после перехода Нижне-Воскресенского монастыря в единоверие, из числа почти 60 насельников, воспротивившихся его принятию, одни были отданы в солдаты, другие сосланы в Сибирь. Некоторые из монахов реорганизованных монастырей отправились на поиски лучших мест для проживания, где можно было бы без пристального надзора властей следовать своим обычаям и обрядам. «Большая часть населения иргизских монастырей после их обращения немедленно разбрелась не только по Среднему Поволжью, но по губерниям всей России, преимущественно по московской, тамбовской, тверской, вятской, владимирской, нижегородской, смоленской, оренбургской и др. Так велико было нравственное притяжение иргизских общин, что к ним притекали разнородные и едва ли не самые крепкие силы раскола из всех концов России»¹⁹. Странствующие иргизские монахи вызывали со стороны населения к себе большое сочувствие, «их считали мучениками за веру, имели с ними сношение и благоговели перед ними»²⁰. Тем самым правительство не только не способствовало борьбе со старообрядчеством,

но, наоборот, неосознанно помогало ему распространять старую веру и «сеять плевела раскола» по всей территории страны.

После реорганизации Иргиза, в 1829–1841 гг., из пяти монастырей осталось всего три: Нижне-Воскресенский, Спасо-Преображенский и Средне-Никольский. Первоначально они были мужскими, но в 1839 г. губернатор И. М. Бибиков представил проект «О преобразовании Средне-Никольского мужского монастыря в таковой же единоверческий женский». В результате в 1843 г. насельники Средне-Никольского монастыря были переведены в соседние мужские единоверческие монастыри, а на их место заселили монахинь из Максаковского единоверческого монастыря Черниговской губернии.

И в дальнейшем иргизские обители, просуществовавшие до 1920-х гг., развиваются как единоверческие. Здесь последовательно развиваются традиции и уклад старообрядческих монастырей, о чем свидетельствуют некоторые факты. Во-первых, все, принявшие единоверие, имели старообрядческое прошлое и были «обращены из раскола». Следовательно, для новых единоверцев уклад старообрядческого монастыря общежительного типа (каковой был и на Иргизе) являлся наиболее органичным. Кроме того, часто единоверие признавалось только на словах, тогда как в реальной жизни верующие во всем следовали старообрядческим традициям. Во-вторых, уклад старообрядческих монастырей разных регионов обладал значительной общностью. На близость монастырских традиций старообрядцев указывают как исследователи разных регионов и конфессий, так и сами старообрядцы: «а пение и обряд неизменно во всех показанных церквах производится»²¹. В-третьих, о продолжении и развитии уклада старообрядческих обителей на единоверческом Иргизе свидетельствуют и многочисленные факты развития тех видов монастырской деятельности, которые были основаны первыми поколениями насельников: обучение детей в школах чтению и знаменному пению, интенсивная работа по переписке и переплету рукописей, миссионерская деятельность и т. п. Насельники-единоверцы последовательно придерживались обрядовых правил староверия. Охранительная тенденция в следовании старообрядческим традициям распространялась на все богослужебные аспекты, в том числе на знаменное пение, создание рукописных книг (что подтверждает анализ певческих рукописей монастырей середины – второй половины XIX в.) и церковной утвари.

Вероятно, различия в богослужебной практике Иргизских старообрядческих и единоверческих монастырей были весьма незначительными. Этому мы находим подтверждение в рассуждениях насельника Спасо-Преображенского единоверческого монастыря Федора Парфеньева²². Он во время существования Иргизских старообрядческих

монастырей подолгу в них находился, хорошо знал обычаи и традиции, как богослужебные, так и общежительные. В указанной рукописи Ф. Парфеньев подчеркивает мысль о том, что «богослужение в (единоверческих. – И. П.) монастырях отправляется все по старому чину и Уставу...» (л. 111) и приводит примеры, подтверждающие соблюдение монахами-единоверцами традиций старообрядческих обителей. Таким образом, изменение статуса Иргизских монастырей не привнесло радикальных перемен в их уклад, на протяжении всего XIX в. в них сохранялась преемственность традиций Иргизских старообрядческих монастырей.

Черемшанские старообрядческие монастыри. Другим важным очагом старообрядческой монастырской культуры на территории Саратовской губернии в середине XIX – первой трети XX в. были монастыри, располагавшиеся на ключе Черемшан в Хвалынском уезде.

История Черемшанских старообрядческих монастырей ведет свое начало с 1830-х гг., когда произошел процесс реорганизации Иргизских обителей. Насельники «второго Афона», отказавшиеся перейти в единоверие, были высланы из монастырей, поэтому многие староверы вновь искали места, где им предоставлялась возможность проводить богослужения по старым обрядам. В результате большая часть монахов переселилась с Иргиза в Хвалынск и его окрестности, находившийся в глухих местах, в значительном отдалении от губернских властей. По донесению хвалынского благочинного, в 1845 г. в воскресные и праздничные дни в часовне «на градской площади... собирается от 1000 и более человек из окрестных сел Николаевского и Хвалынского уездов... Наставник – хвалынский мещанин Семен Никифоров, прежде бывший Верхнего монастыря Иргизского раскольнического настоятель по-иночески Силуян»²³.

Таким образом, старообрядческие скиты, основанные на Черемшане вблизи Хвалынска, – это «ветвь от корени» знаменитых Иргизских монастырей. Кроме того, Хвалынск со времен своего основания был населен в основном людьми старообрядческого происхождения. По замечаниям современника, старообрядческое население в городе настолько доминировало, что в 1860-е гг. на 15 тыс. его жителей приверженцев господствующей церкви здесь оставалось всего около семи дворов²⁴.

Во второй половине XIX в. значение Хвалынска в глазах старообрядцев резко возрастает. Новые старообрядческие обители замещают реорганизованные Иргизские монастыри и становятся лидером в среде старообрядцев поповского толка всего Поволжья. Синодальный миссионер отмечает, что «Хвалынск и Черемшан – это два священных места для раскольников нашего Поволжья. Это та же Палестина, тот же Иерусалим, куда стекаются старообрядцы на поклонение

своим святыням и пред которыми местами они благоговеют до обожания их», о монастырях «знала каждая старообрядческая семья, живущая при широкой реке, начиная от Нижнего Новгорода и кончая Астраханью»²⁵.

К началу XX в. на Черемшане существовало восемь обителей (шесть белокрыницкого, по одному беглопоповского и федосеевского согласий), которые в 1908 г. получили статус монастырей. Самым значительным и крупным был Верхний Свято-Успенский (Серапионов) мужской монастырь (1861–1918 гг.), который являлся главой Черемшана. Именно он претендовал на роль лидера не только среди белокрыничников Поволжья, но и конкурировал с Рогожским кладбищем в Москве. Здесь проводились епархиальные соборы Саратовской, Астраханской, Тамбовской и Пензенской епархий в 1905 и 1913 гг., на которых рассматривались актуальные проблемы старообрядцев, утверждался устав «Саратовского благотворительного общества старообрядцев, приемлющих Иерархию Белокрыницкой Митрополии», решались вопросы об учреждении старообрядческих школ, свечного завода и пр.²⁶ С лета 1911 г. Свято-Успенский монастырь стал официальной резиденцией епископа Саратовского и Астраханского. В 1918 г. монастырь был упразднен, храм закрыт, хотя старообрядческая Успенская община белокрыничников продолжала существовать вплоть до 1924 г. К белокрыницкому согласию также относились пять женских обителей²⁷: Фелицатин (Введенский) монастырь на Мамонтовом ключе (1860-е–1929 гг.), Платонидин (Знаменский) монастырь (1892–1924 гг.), Маргаритин (Верхний Христорождественский) монастырь (1890–1920-е гг.), Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, или Верхний Енафин монастырь (1908–1918 гг.), Повольгин монастырь. Кроме того, на Черемшане находился женский скит Проезжающих беглопоповского согласия и Нижний Елесин монастырь федосеевского согласия.

Итак, Черемшанские старообрядческие монастыри перенимают от Иргиза эстафету лидерства среди старообрядцев всего Поволжья. Их авторитет был значителен в белокрыницких общинах Урала, так как именно с Черемшан уральские старoverы получали священников и, в свою очередь, оказывали внушительную материальную поддержку монастырям²⁸. «Слава о Черемшане распространилась по всему Поволжью и далеко в стороны: не говоря уже о ближайших городах, о. Серапиона знала Астрахань, Кавказ и Зауралье, старообрядческая Москва и богатая Сибирь, и отовсюду к нему стекались щедрые пожертвования»²⁹. По свидетельству православного миссионера К. Попова, в 1880-е гг. с Черемшана поставляются «несчетное множество попов, диаконов и др. клириков на все Поволжье, от Казани до Астрахани. Отсюда рассылаются разного рода указы, распоряжения, здесь происходят соборы.

Нередко тут поставляются и поповские епископы (Амвросий, Алексий). Сами раскольники говорят, что это рай небесный, к наслаждению в который должен стремиться душою и сердцем...»³⁰

При изучении культуры Черемшанских монастырей следует учитывать, что черемшанские насельники последовательно стремились к сохранению и развитию традиций, сложившихся в Иргизских старообрядческих монастырях. Значительная часть черемшанских старообрядцев (по крайней мере, начального этапа бытования монастырей) – выходцы с Иргиза. Поэтому кажется вполне естественным, что на Черемшане за богослужением опирались на книги, привезенные с Иргиза, алтари были уставлены иконами иргизского происхождения, постоянно воспроизводились обрядовые традиции Иргиза, что подтверждается рядом исторических свидетельств и сохранившимися певческими памятниками в собрании Хвалынского краеведческого музея.

Уклад Иргизских и Черемшанских монастырей был характерным для старообрядческих поселений второй половины XVII – начала XX в. Так, по мнению одного из первых исследователей Иргиза, Д. Дубакина, в быту мужские и женские Иргизские монастыри «представляли собой полное смешение монастырских и мирских порядков. На этот смешанный строй прежде всего указывает самый способ построения и расположения келий в монастырях... Иргизские монастыри не подходили ни к типу общежительных православных русских монастырей, ни к типу православных скитов. По внешнему своему расположению они больше всего походили под тип современного русского посада, или зажиточного села»³¹. Действительно, судя по сохранившимся постройкам, монастыри напоминали посад, в котором перемежались храмы, часовни, колокольни, хозяйственные постройки, дома и кельи монахов и послушников, помещения для гостей, сады и т. п. Здесь проживали семьи некоторых клирошан, исправленных священников и покровителей. Кроме того, иргизские и черемшанские насельники находились в тесных контактах с жителями соседних сел и городов, исправляя у них все необходимые требы, а также ведя с ними взаимовыгодную торговлю и общаясь по хозяйственным вопросам. «Венчание браков, крещение младенцев, при оном кумовство обоих полов умножило, приятельство и знакомство Монастырских жителей с деревенскими»³². Весьма ярко аналогичный тип монастырского уклада описывает П. И. Мельников в своих произведениях, посвященных нижегородским старообрядческим скитам, а также И. Филиппов в описании истории Выговской старообрядческой пустыни.

Основные принципы общежительности изложены в монастырских уставах, принятых на Иргизе в 1805 г. и Черемшане в 1884 г., где по типу уставов других старообрядческих обителей

описаны не только правила монастырского быта, но и обязанности руководителей богослужения. Управляли деятельностью монастырей настоятели с помощью двенадцати так называемых «соборных монахов», совместно решающих наиболее важные вопросы в жизни монастыря. Как отмечали сами старообрядцы, их уставы следовали аналогичным уставам обителей на Ветке, Керженце, Стародубье, Рогожском кладбище и др. Тем самым насельники подчеркивали преемственность своих традиций правилам общежития важнейших старообрядческих общин XVII–XIX вв.

На Иргизе и Черемшане большое внимание отводилось чинности и торжественности *отправления богослужений*. Суточный круг служб был максимально полным. Чинопоследование в мужских и женских монастырях имело свою специфику, что было связано с отсутствием в женских обителях постоянно проживающих священников, а также наличием в них не церквей, а часовен. Суточный круг богослужений в мужских монастырях на Иргизе охватывал отправление вечерни с правильными канонами, повечерия, отпустом и вечерними молитвами (до ужина); потом служили полунощницу, утреню, часы и литургию (до обеда). Чин всенощного бдения сохранялся в праздничных монастырских службах. Этот обряд длился всю ночь и продолжался вместе с литургией около 10–12 ч.³³ В Черемшанских монастырях развивалась практика всенощного бдения и сохранялась полнота певческого корпуса. На богослужения у монастырских насельников уходило до 12 ч: «утреня от 2 часов ночи до 6 утра; часы служатся вместе с вечерней от 8 до 12 часов дня; павечерница и “правильные каноны” (ирмосы, стихиры, тропари, акафисты и проч.) с 3 до 7 вечера... Кроме этого каждый обязан в течение суток келейно исполнить 10 лестовок, т. е. пройти по четкам 1030 шариков с молитвами и поклонами»³⁴.

В женских монастырях также наблюдалось стремление монахинь к сохранению полного круга служб. Здесь в целом была та же последовательность суточных служб, за исключением литургии. Известно, что на Иргизе церковную службу в женских обителях иногда отправляли священники, дьяконы или иеромонахи из соседних мужских монастырей, а некоторые женские скиты на Черемшане имели своих «штатных» священнослужителей (как, например, Введенский монастырь)³⁵. В женских монастырях была весьма распространена традиция отправления богослужения самими монахинями, а также практика келейного моления, когда некоторые из старших монахинь, а иногда и сами настоятельницы, отправляли помимо общих богослужений в часовнях еще и службы в так называемых крестовых кельях, соблюдая монастырский устав, но исключая литургию, которая заменялась часами и канонами. Как правило, отправление старшими монахинями служб приходилось на рядовые дни, а во время

праздников службы проходили по полному чину и со священством.

Таким образом, иргизские и черемшанские насельники совершали полный суточный круг богослужений, кроме того, они сохранили всенощное моление под праздники (еженедельно с субботы на воскресенье и в ночь на праздники в будние дни). Вероятно, на протяжении всего времени существования саратовской старообрядческой традиции практика отправления богослужений в исследуемых монастырях не претерпевала каких-либо значительных изменений и прочно следовала уставным требованиям монастырского чинопоследования.

Помимо основного суточного круга богослужений, на Иргизе и Черемшане совершались все христианские таинства и обряды, особенно часто – исповедь и причащение. Кроме того, здесь венчали, служили молебны, погребения и поминовения усопших. Известно, что в Иргизских старообрядческих монастырях такого рода таинства и требы отправлялись в огромном количестве. Как уже было отмечено выше, эти монастыри окормляли практически все окрестное население, бывшее старообрядческим, и на каждый монастырь в среднем приходилось от 1500 до 2 000 прихожан. Более того, сюда стекались старообрядцы со всех уездов Саратовской губернии, а также из других регионов России. В результате, в преддверие больших церковных праздников в монастырях скапливалось огромное количество паломников. Как свидетельствует Н. Попов, «в великий пост весьма многие из дальних и ближних старообрядцев приобщались в Иргизских монастырях, иногда до 700 и более в одну литургию»³⁶. Аналогичная ситуация с исправлением треб сложилась и в Черемшанских обителях. Значительная часть старообрядцев, не сумевшая посетить монастыри, заказывала исправление тех или иных треб заочно.

Во время монастырской службы строго соблюдались уставные правила поведения прихожан и насельников. Монастырские традиции предписывали сохранять «благочиние как в чтении, так и в пении согласно церковного устава... не нарушая благопристойности. – И чтобы входящие в церковь стояли бы с подобающим приличием и со страхом Божиим, и на клиросах – в особенности – стояли бы смиренно...»³⁷ На службах молящиеся обязаны были хранить полное молчание, не нарушая порядок: «Все верующие стоят в безмолвии, стройными рядами, поклоны творят в положенное время и притом все вместе»³⁸. Суровый уклад и аскетичное поведение во время богослужения и в быту характеризовало не только мужские скиты, но и женские. Более того, как отмечали современники, на Черемшане «в женских монастырях порядок держится более твердый, местами даже железный»³⁹.

На богослужениях в старообрядческих обителях всегда присутствовало большое количество

прихожан, поэтому настоятели монастырей и руководители клиросов стремились к торжественному проведению службы. Многие из современников, посетившие эти монастыри, не могли оставаться равнодушными к благолепию и торжественности богослужения. Так, А. Ф. Леопольдов, будучи приверженцем господствующей церкви, побывав в Иргизских монастырях, невольно с большим уважением отзывается о характере отправления службы и поведении на ней старообрядцев. «Войдите в раскольный монастырь... вы увидите множество иноков, чинно одетых в древнее монашеское одеяние, с степенно-суровым видом, низко кланяющихся, выставяющих вперед иноков-стариков, покрытых сединами, нередко называемых уважительным именем схимников, нередко приветливых, войдите в монастырскую церковь во время богослужения, и особенно во время всеобщего бдения, — и чувство благоговения обмет вас. Пред вами богатый иконостас, пред вами десятки горящих лампад и сотни возженных свечей; в алтаре иерей смиренно, стройно священнодействующий; на правом и левом клиросах по 25 громогласных певцов, чинно поющих; сотни иноков по правую и левую сторону в настоящей церкви и в трапезе стоят степенно на вытяжку, дряхлые старики впереди с костылями; тчецы читают неспешно, внятно, благоговейно, — вся сия масса людей крестится один-в-один и в одно время, и также кладет поклоны: стройно, чинно, благоговейно. К сему прибавьте, что Богослужение продолжается четыре и пять часов кряду; невольно убеждающее в терпении, могущим сделать честь истинным подвижникам отшельнической жизни обнаруживающее благоговейное уважение к порядку и благолепию Божественного церковного служения»⁴⁰.

Итак, старообрядческие монастыри во второй половине XVIII — начале XX в. были важнейшими духовными и певческими центрами Саратовской губернии и всего Поволжья. Они являлись средоточием просветительской деятельности среди православного населения губернии, а также центрами идеологической жизни старообрядцев. В их стенах создавались и переписывались рукописи и полемические сочинения; здесь существовали школы, откуда вышла плеяда образованных и высоко нравственных последователей старой веры; находились сильнейшие и многочисленные старообрядческие хоры губернии, а потому в этих монастырях полно представлена культура «ревнителей старины».

Для старообрядцев, приемлющих священство, эти монастыри всегда почитались как святыни. Н. Оглоблин, побывав на Черемшане, писал: «Немало на своем веку мне пришлось повидать всякого рода православных монастырей, богатых и бедных, столичных и захолустных, мужских и женских, русских и инородческих... Но ни один из них никогда не производил такого глубокого и обаятельного впечатления, которое получилось

в известных черемшанских старообрядческих скитах. Впечатление было поразительное, никогда не забываемое. В нахлынувшей неожиданно новизне настроений сразу почуялось что-то давнишнее знакомое и такое милое, трогательное... Здешние иноки главным образом из крестьян и мещан низового поволжья, затем из купцов и разночинцев, в общем люди простые, скромные, отнюдь не “изуверы”, как утверждают сторонние лица, близко не знакомые со скитами. Скитники ведут жизнь правильную, скромную, совсем не похожую на распущенную и пьяную жизнь православных иноков... И дай Бог, чтобы все наши монастыри, хотя бы немного походили на старообрядческие обители, в чистоте блюдущие лучшие идеалы аскетической жизни и постоянно к ним стремящиеся»⁴¹.

Примечания

- 1 Ветка — остров на р. Сож, а также слобода, основанная старообрядцами в 1685 г. неподалеку от г. Гомель и получившая свое название по имени острова. В дальнейшем Веткой стала называться вся эта обширная местность, населенная старообрядцами. В XVIII в. данная территория находилась в юрисдикции Польши.
- 2 Первая «выгонка» Ветки состоялась в 1735 г. по повелению Анны Иоанновны.
- 3 *Соколов Н. С.* Раскол в Саратовском крае. Поповщина до 50-х гг. настоящего столетия. Саратов, 1888. С. 41.
- 4 См.: Иргизские монастыри // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 82 т. СПб., 1890–1904. Т. 25. С. 310.
- 5 См.: *Попов Н.* Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе с 1762–1866 гг. // Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. Т. II, вып. IV. Старообрядческие монастыри. М., 1866. С. 46, 97, 144, 158.
- 6 См.: *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Кн. 8, дополнительная. История распоряжений по расколу. СПб, 1863. С. 213 ; Иргизские монастыри // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 25. С. 310 ; *Попов Н.* Указ. соч. С. 152.
- 7 См.: *Попов Н.* Указ. соч. С. 49.
- 8 Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 1895. Л. 2 об.
- 9 См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 2037. Л. 38.
- 10 См.: ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 138. Д. 79; ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 138. Д. 14; Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1888. Т. I, вып. V. С. 556, 557.
- 11 См.: *Дубакин Д.* Иргизские раскольниковы монастыри // Самарские епархиальные ведомости. Самара, 1882. № 11. С. 242.
- 12 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1774. Л. 8 об.
- 13 См.: *Мордовцев Д. Л.* Последние годы Иргизских раскольничьих общин. Исторический очерк // Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений : в 50 т. Т. XXI. СПб., 1901. С. 11.
- 14 См.: Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

- С. 126; Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1888. С. 550; ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2259. Л. 1–3; Попов К. Раскол и его путеводители. М., 1901. С. 39.
- ¹⁵ Попов Н. Указ. соч. С. 33., 142; Соколов Н. С. Указ. соч. С. 104, 112.
- ¹⁶ Последние годы Иргизских мнимо-старообрядческих (раскольничьих) монастырей // Самарские епархиальные ведомости. Самара, 1875. № 5. С. 66.
- ¹⁷ Эта цитата свидетельствует о переосмыслении концепции «Москва – III Рим», которая интерпретируется старообрядцами в свете преемственности традиций древнего благочестия именно их конфессией. Тем самым старообрядчество отводит себе роль лидера в наследовании истинно православного вероучения. См.: Мельников П. И. В лесах // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений : в 8 т. М., 1976. Т. 3. С. 192.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 956. Л. 1.
- ¹⁹ Мордовцев Д. Л. Борьба с расколом в Поволжье // Мордовцев Д. Л. Собр. соч. СПб., 1901. Т. XXI. С. 32.
- ²⁰ Мельников П. И. Указ. соч. С. 462.
- ²¹ Цит. по: Последние годы... Самара. 1872. № 16. С. 296.
- ²² См.: «О правой вере, и церкви православной...». ОРК ЗНБ СГУ. № 1590.
- ²³ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 10055. Л. 10 об.
- ²⁴ См.: Ливанов В. Ф. Раскольнические Хвалынские большаки // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов, 1868. № 22. С. 134.
- ²⁵ Церковный Вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1888. С. 205.
- ²⁶ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10843. Л. 1–4.
- ²⁷ Количественное превалирование на Черемшане женских монастырей над мужскими в целом отражает типичную для этого времени картину, связанную с процессом феминизации монашества в России.
- ²⁸ См.: Ливанов В. Ф. Указ. соч. С. 134.
- ²⁹ Мизякин Л. Т. Черемшан (В старообрядческих скитах). Саратов, 1909. С. 14.
- ³⁰ Попов К. Миссионерские сведения о расколе // Истина. Псков, 1872. С. 54.
- ³¹ Дубякин Д. Указ. соч. 1882. № 16. С. 239.
- ³² См.: «О правой вере...». ОРК ЗНБ СГУ. Л. 108.
- ³³ См.: Соколов Н. С. Указ. соч. С. 267.
- ³⁴ Мизякин Л. Т. Указ. соч. С. 44.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 82–90.
- ³⁶ Попов Н. Указ. соч. С. 139.
- ³⁷ «Устав к руководству общежителства братии в обители приюта больных и престарелых, на Черемшане». ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 143.
- ³⁸ Соколов Н. С. Указ. соч. С. 268.
- ³⁹ Мизякин Л. Т. Указ. соч. С. 21.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1774. Л. 4.
- ⁴¹ Оглоблин Н. Н. В черемшанских скитах (Из путевых заметок) // Исторический вестник : историко-лит. журн. СПб., 1911. Т. 126. С. 223.

УДК [94:33] (574.11)

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

П. В. Панькин

Саратовский государственный университет
E-mail: 213pankinp@mail.ru

В статье рассматривается социально-экономическое развитие Уральского казачьего войска в начале XX столетия. Цель исследования – проанализировать и обозначить некоторые особенности, которые были характерны для экономики самобытного во всех отношениях хозяйства уральских казаков.

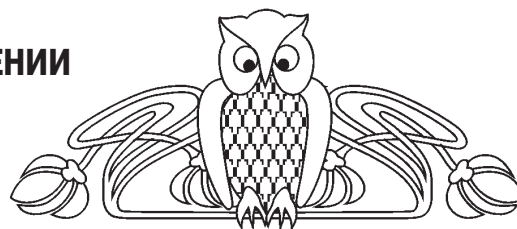
Ключевые слова: Уральское казачество, экономика, община, рыболовство, промышленность, железная дорога, нефтедобыча.

About the Economic Situation of the Ural Cossack Army in the Early Twentieth Century

P. V. Pankin

The article says about the socio-economic progress of the Ural Cossacks army at the beginning of XX century. The purpose of study is to analyze and designate some features that were typical for economics of the own Ural Cossacks' economy.

Key words: Ural cossack army, economy, community, fishing, industry, railway, oil production.

Земли Уральского казачьего войска на начало XX в. представляли собой весьма своеобразный регион России. По многим параметрам внутренней жизни населения, его быта, культуры, менталитета данная область представлялась посещавшим её крайне архаичной. Причиной этому было почти безраздельное господство старообрядчества, которое, несмотря на неодобрительное к нему отношение властей, прочно обосновалось в местной казачьей среде. Однако не только местный быт и нравы населения были особенными. Экономический уклад уральских казаков вплоть до революции 1917 г. также представлял собой интересное явление, имеющее ряд особенностей. Данная работа является некоторой попыткой рассмотреть их.

«Начиная от Гурьева городка, там, где-то далеко у Каспийского моря, и кончая средним течением Урала и его притоками, от теряющихся в песках Узеней на западе и до киргизских (т. е. казахских. – П. П.) степей на востоке – вся эта земля не знает ни частной собственности, ни даже русских общин-

ных переделов. Все её обитатели – как бы одна семья, каждый член которой имеет одинаковое право на родной клочок этой земли, раскинувшейся от края и до края горизонта, неделимой, немежеванной и никем не захваченной в личное владение...»¹ Такой была первая заметка В. Г. Короленко, приехавшего в 1900 г. в Уральск для знакомства с местной историей и бытом населения. То, что писатель сразу же отметил это в своём повествовании, неслучайно, так как общинное владение землёй у казаков было фундаментом, основой всей хозяйственной жизни. К началу XX в. (и далее, до 1917 г.) важнейшей особенностью данного региона империи было то, что вся земля его представляла собой одну большую общину. Это обстоятельство имело два важных значения. Первое – любой казак, даже самый бедный, имел право использовать ресурсы своей земли, что положительно сказывалось на общем уровне жизни населения. Второе – общинный характер землепользования приводил к значительному отставанию области в сфере развития сельского хозяйства и промышленности, так как любой человек, не входящий в казачье сословие («иногородний») и желавший заняться экономической деятельностью, связанной с сельским хозяйством, сталкивался со своеобразным местным «национализмом»: казачество неохотно уступало свои общинные земли. Люди, которые не принадлежали к войсковому сословию, обязаны были платить особые налоги. К примеру, даже в смете доходов войсковой казны на 1916 г. присутствуют следующие статьи: поземельный акциз с «иногородних» за право строиться и за места, занятые их строениями и дворами, акциз за выпас их скота на войсковых землях, сбор с лиц невойскового сословия за право охоты². Поэтому рассматривая экономическое положение Уральских казачьих земель, не следует забывать об общинном факторе, имевшем огромное значение в хозяйственном срезе местной жизни.

В начале XX в. рыбная ловля, старейшее занятие уральцев³, продолжала занимать одно из передовых мест в экономике войска. Уральское рыболовство продолжало быть главным «брендом» казаков. Исключительное право казаков на пользование богатыми речными ресурсами (на тех же общинных основах) было одним из главных их богатств. Более того, данное положение было подтверждено на самом высоком уровне. За верную службу Отечеству уральцам была дарована специальная царская грамота, в которой отмечалось: «...объявляем доблестному Нашему Уральскому казачьему войску особое монаршее Наше благоволение и подтверждаем Императорским словом Нашим право Уральского казачьего войска на пользование для рыболовства рекою Уралом, в пределах течения его по войсковым землям на существующих ныне основаниях»⁴. Более того, через некоторое время царское заверение было значительно и принципиально расширено: «Озабочиваясь ныне укреплением за Уральским казачьим войском предоставленных ему земель и рыболовных вод

на реке Урал и по побережью Каспийского моря, должествующих служить в будущем источником для поддержания и развития войскового благосостояния, Мы признали за благо, в воздаяние за означенную службу, пожаловать названному войску настоящую Нашу грамоту на укрепление в вечное его владение указанных земель и рыболовных вод в беспорочных их границах...»⁵. Право казаков превратилось в вечное владение, по всей видимости, в качестве поощрения за то, что казаки, фактически, не участвовали в революции 1905 года. Однако если для власти это было всего лишь поощрение, для казаков это являлось важным подтверждением незыблемости их исконного владения Уралом.

Несмотря на то что рыболовство к началу XX в. было серьёзно потеснено хлебопашеством, позиции его в экономике края (а значит, и в жизни населения) оставались высоки. Казаки по-прежнему обязаны были на свои средства приобретать экипировку, вооружение, лошадей для службы. Во многом благодаря именно рыбному промыслу многие из них могли себе позволить эти приготовления. Кроме того, Н. А. Бородин, выдающийся уральский ученый конца XIX – начала XX в., указывал, между прочим, что рыболовство «...является важным подсобным промыслом, особенно выручающим население в случае неурожая хлебов. В эти годы количество участников в осеннем рыболовстве сильно увеличивается, и недостаток хлеба компенсируется заловом рыбы, дающей возможность иметь и хлеб»⁶. Однако нельзя сказать, что вылов и вывоз рыбы увеличивался. Скорее, этот промысел был постоянной и необходимой константой для казаков. К тому же рыбные запасы реки медленно, но верно истощались. В качестве иллюстрации этого утверждения можно сравнить данные о рыболовстве на Урале за несколько лет. В 1900 г. из области вывезли 2 048 450 пудов черной рыбы, 79 362 пуда красной рыбы и 6 060 пудов красной икры. Общая сумма вывезенного товара составила 6 млн руб.⁷ В 1904 г. цифры соответственно были следующими: 1 239 069 пудов черной, 124 001 пуд красной рыбы и 4 712 пудов икры. Общая ценность вывезенного – 3,086 млн руб.⁸ Данные 1911 г. говорят о следующем: вывезено 450 524 пуда черной и 224 735 пудов красной рыбы, 3 140 пудов ценной икры на общую сумму 4 199 981 руб.⁹ Стоит заметить, что со временем количество вывезенной красной рыбы увеличивалось. Непосредственно сама войсковая казна от вывозимой рыбы имела доход в среднем 130 тыс. руб.¹⁰

Нужно иметь в виду, данный промысел целиком строился на общинных основах, что выражалось в общих для всех сроках и порядке вылова, в количестве допустимых снастей и работников. Исследователи однозначно оценивали это явление: «...нельзя не согласиться <...>, что такого, сравнительно справедливого по возможности способа пользования рыболовными водами нигде, кроме Урала, не существует»¹¹. Примечательно, что даже в советской историографии признавалось, что все казаки имели равные права на речные ресурсы, хотя

и не все из них могли позволить себе иметь необходимый инвентарь (снасти, лодки и т. д.)¹². В период бурного капиталистического развития России этот общинный порядок представлялся устаревшим и показывал, насколько живучими были устои казачьей жизни.

Вмешательство в уральное рыболовство со стороны «иногородних» не приветствовалось и всячески пресекалось. Один из поборников неприкосновенности казачьих прав писал с возмущением: «...по всем войсковым угодыям, пользуясь полной беззащитностью казачьего населения, рыщут голодные и подчас обнаглевшие иногородцы... Кто выловил в каком-нибудь озере сетью рыбу? – иногородец. Кто ловит, вернее, ворует, ту же рыбу удочкой в озёрах и по реке Уралу, не имея на это никакого права, обирая у казака единственный у него кусок хлеба? – тысячи иногородцев, заполняющих в праздничное время берега всех луговых озёр и реки Урала»¹³. Это мнение, видимо, разделялось большинством населения. Поводом к таким мыслям было то, что для многих казаков рыболовство было единственным средством к существованию. К этому прибавлялась давняя неприязнь уральцев к «мужикам», то есть русским из соседних губерний, приходивших в казачьи пределы в поисках заработка.

Другой особенностью местной экономики было её крайне слабое промышленное развитие. «Фабрик в Уральской области нет...», сообщалось в областной памятной книжке за 1913 г.¹⁴ Однако производство не отсутствовало полностью. Скорее, вплоть до революции, оно находилось в своеобразном зачаточном состоянии. Существовали мельницы, небольшие заводы, кузницы и т. д., но количество рабочих на них не превышало полторы тысячи человек¹⁵. Доход от этих предприятий не мог сравниться с доходом, получаемым областной казной от рыболовства. К примеру, в 1910 г. доход от мукомольных мельниц, кузниц, мыловаренных, кожевенных, салотопенных, клееваренных, пивоваренных, водочных, кирпичных заводов составлял вместе 18 389 рублей, тогда как прибыль от рыбной ловли – 201 957 руб.¹⁶

Почти весь небольшой промышленный сектор области находился в руках «иногородних». Историк Н. И. Фокин подсчитал, что в канун мировой войны на войсковой территории из 75-ти крупных предприятий только 4 принадлежали уральцам-казакам, а их капиталы были в 100 раз меньше производственных средств владельцев-«иногородних»¹⁷. Главное объяснение этого – исконный казачий уклад жизни. Издавна казаки имели главными своими занятиями службу государству и рыболовство. Другие виды деятельности многие из них считали ниже своего достоинства. В связи с этим производственные ниши, которые казаки не занимали, но без которых просто невозможно нормальное функционирование экономической жизни края (торговля, сельское хозяйство, промышленность), занимались приезжими предпринимателями. Поэтому, собственно, капиталистов-казаков на Урале было немного. Всё

производство от кустарных промыслов до мельниц и предприятий можно было назвать тут «иногородним». Любый приезжий мог найти здесь достойное применение своим навыкам и предложить нечто новое для местного населения. Деятельность таких ремесленников была интересна населению, поэтому до нас дошли свидетельства о подобных людях: «Один из переселенцев, малоросс Екатерин. губ., приехавший в Уральск поздно осенью, занимается на своей квартире в Новосёлках, в доме казака К-ва, выделкой черепицы для кровли домов... Сам хозяин квартиры, казак К-в, как говорят, намерен покрыть свой дом этой черепицей. Поступают заказы на эту черепицу и со стороны переселенцев, строящих свои дома в киргизской степи... По словам их, крыша из такой черепицы бывает очень прочна и обходится сравнительно дешевле, чем железная, и выходит очень красивая, особенно когда собрана из разноцветных плит...»¹⁸

Даже невзирая на свою небольшую значимость в местной жизни, уральская промышленность не смогла стоять особняком от общегосударственных тенденций и испытала влияние общероссийских монополистов. Любопытные факты по этому поводу сообщали «Уральские войсковые ведомости»: «...уральскому потребителю приходится особенно часто иметь дело с двумя российскими синдикатами: «Кровлей» и «Продаметом». В силу чисто тарифных условий местная железная торговля не может обойти данных синдикатов. С образованием их посредники постепенно начали чувствовать тяжёлую руку организованного капитала»¹⁹. К тому же, местные производители пытались создать подобные, хотя и ориентированные только на местные условия объединения: «У нас имелись, да и теперь появляются, временные соглашения мукомолов и скупщиков икры красной рыбы. Целью первых является повышение цен при продаже, вторых – понижение их при скупке икры у рыбопромышленников»²⁰. Тем не менее не следует полагать, что влияние синдикатов (и местных объединений) играло большую роль. Автор заметки, завершая свои размышления по поводу влияния монополий на промышленность области, справедливо констатировал: «...общественного мнения об этих синдикатах ещё не составилось, так как местное общество едва ли подозревает, что кроме разве стачки мучников и купцов на багренье (разновидность рыболовства на Урале. – П. П.), у нас существуют синдикаты, а о «Кровле» и «Продамете» большинство, вероятно, имеет самое смутное представление и в первый раз услышит, что он злодействует в Уральске»²¹. Тишину местной жизни не смогли преодолеть даже общероссийские синдикаты.

Но несмотря на отсутствие фабричной промышленности, область имела две перспективных особенности: железную дорогу на севере и южные прикаспийские нефтеносные районы.

Уральск был конечной станцией Рязано-Уральской железной дороги, доведённой до казачьей

столицы ещё в 1894 г. Железнодорожное хозяйство области было крайне бедным. Начиная от Семиглавого Мара (первая, самая западная станция Уральской области) и до Уральска за дорогой следили всего несколько станционных начальников. В самом же Уральске весь штат работников также состоял из нескольких человек. Уральский краевед Н. Г. Чесноков даёт исчерпывающее описание уральской «тупиковой станции»: «...вагонное депо на один вагон, локомотивное депо на три станка для паровозов <...> водокачка, два больших склада для товаров и великолепный вокзал с рестораном»²². Общая длина железной дороги на территории области составляла 110 вёрст. Тем не менее само наличие железной дороги дало импульс к развитию обрабатывающей промышленности в Уральске, так как город стал своеобразным транзитным центром, в который стекались продукты животноводства и земледелия со всей округи. Отсюда по железной дороге их можно было отправлять в Центральную Россию круглый год, тогда как грунтовые дороги функционировали только зимой и летом. Основой экспорта из области был хлеб, рыба и продукты животноводства (как казаков, так и казахов, сбывавших здесь свой многочисленный скот). Ввозили по железной дороге фабрично-заводские изделия, керосин, нефть, чай, сахар²³. Для понимания важности железной дороги, следует обратиться к простому примеру: после появления этого вида транспортировки через Уральск стали вывозить из области 88% всей свежей рыбы и 68% всего рыбного улова²⁴. Развитие железнодорожной торговли было прервано революцией.

Второй перспективной отраслью экономики были нефтедобывающие промыслы. С 1911 г. образуются несколько нефтедобывающих обществ, базирующихся, главным образом, в Гурьеве: «Нобель», «Уральско-Каспийское», «Колхида», «Эмба»²⁵. Добытую нефть на месте перерабатывали в керосин и бензин. Нефтедобыча стала самой молодой отраслью местной добывающей промышленности, вследствие чего она не успела в предреволюционный период дать серьёзных экономических выгод казачьему краю.

Подводя итог, можно отметить следующее. Экономика казачьего края начала XX в. имела некоторые отличающие её особенности. В первую очередь это сохранившийся общинный уклад, который во многом повлиял на то, что в области не произошло заметного поступательного развития промышленности. Градация населения на казаков и «иногородних» чётко зафиксировала разделение труда между ними: казаки, в основной массе, продолжали заниматься рыболовством, тогда как приезжие жители края, которые не входили в войсковое сословие, сосредоточили в своих руках промышленность области. Наличие же железной дороги и нефтеносных районов в регионе по причине слабого развития местного хозяйства не смогли переломить ход экономического развития Уральской области. И если железная дорога хотя бы увеличила вывоз товаров в центр

страны, то нефтедобывающая промышленность в связи с революцией не успела серьёзно повлиять на краевую экономику.

Примечания

- 1 Короленько В. Г. У казаков // Полное собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1914. С. 132.
- 2 См.: Перечень подразделений сметы доходов общего войскового капитала Уральского казачьего войска на 1916 год // Приложение к официальному отделу Уральских войсковых ведомостей. № 10 за 1916 г. С. 1–3.
- 3 См.: *Бородин Н. А.* Уральские казаки и их рыболовства. СПб., 1901. С. 5.
- 4 *Бородин Н. А.* Копия грамоты 1906 года (26 февраля) // В защиту уральского рыболовства. СПб., 1910. С. 64–65.
- 5 *Бородин Н. А.* Копия грамоты 1906 года (6 апреля) // В защиту уральского рыболовства. С. 65–66.
- 6 Там же. С. 18.
- 7 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1902 год. Уральск, 1901. С. 89.
- 8 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1906 год. Уральск, 1906. С. 75–76.
- 9 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1913 год. Уральск, 1913. С. 24.
- 10 См.: *Бородин Н. А.* В защиту уральского рыболовства. С. 21.
- 11 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. С. 269.
- 12 См.: *Москалёв Г. Е.* Хозяйственный облик дореволюционного Яицка-Уральска. (Научные записки Зап-Каз. отделения географического общества СССР, вып. 7). Уральск, 1956. С. 38.
- 13 *Уралец.* Почему казаки обеднели // Великая Россия. Кн. 2. М., 1911. С. 210.
- 14 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1913 год. С. 31.
- 15 Там же.
- 16 См.: Перечень подразделений сметы доходов общего войскового капитала Уральского казачьего войска на 1910 год // Приложение к официальному отделу Уральских войсковых ведомостей. № 15 за 1910 г. С. 2–3.
- 17 *Фокин Н. И.* Уральск православный. Уральск, 2010. С. 195.
- 18 Уральские войсковые ведомости. 1910. № 22. С. 4.
- 19 Там же. № 19. С. 6.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 *Чесноков Н. Г.* Исторический провал. Уральск в гражданской войне. Уральск, 2010. С. 6.
- 23 См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. С. 306.
- 24 См.: Итоги вывоза рыбы и её продуктов из пределов Уральского казачьего войска за время 1886–1911 гг. Уральск, 1912. С. 31.
- 25 Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1915 год. Уральск, 1915. С. 76–77.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

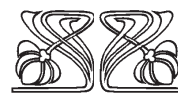
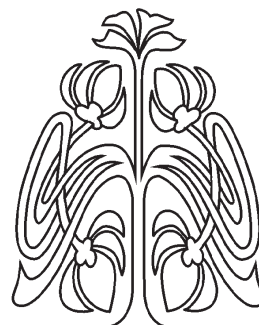
Рецензия на кн.: Погосян В. А. В окружении историков (сборник статей и рецензий). Ереван: Изд-во «Эдит Принт», 2011. 264 с.

С автором этой книги, прочитанной с большим и неослабевающим интересом, мы познакомились в начале 80-х гг., в аспирантской «столице» советских времён – Москве. Ныне Варужан Арамаздович Погосян – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета. Уже не одно десятилетие он известен на родине и за рубежом как учёный-франковед, автор серии оригинальных работ по истории и историографии Французской революции конца XVIII столетия. Его путь к вершинам науки был тернист и сопровождался нелёгкими испытаниями. Достаточно вспомнить развал СССР, трагические события которого резко ограничили творческий потенциал многих представителей научного сообщества. Впрочем, «смутные времена» не сумели подорвать у коллеги (теперь зарубежного) интереса к своей профессии. Из-под его пера продолжали появляться статьи, рецензии и даже монографии, свидетельствующие о преданности ремеслу историка, верности избранной научной специальности.

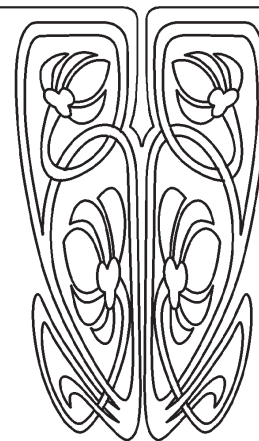
В постсоветский период В. Погосян приступил к разработке новой темы, актуальность которой быстро преодолела границы родной для него страны. Это геноцид армян на территории Османской империи, охватывающий период конца XIX – начала XX в. По итогам напряженной работы В. Погосян опубликовал ряд книг, две из которых, на французском и английском языках, включали подборку тематических архивных материалов.

Другой вектор его новейших изысканий – популяризация национальной истории. В этой области учёный подготовил и осуществил адаптированную публикацию ряда исследований зарубежных специалистов по истории геноцида армян. В наши дни, находясь на пике научной карьеры, историк имеет в своей творческой копилке более ста печатных работ, изданных в Армении, России, Франции, Италии, Австрии, Венгрии, Ливане и Сирии. Большинство из них приобрели самую широкую известность в международных научных кругах.

Как уже отмечено выше, путь моего коллеги в «большую историческую науку» начинался в Москве. Мне, пока также не остепенённому аспиранту, В. Погосян запомнился как пунктуальный посетитель столичных библиотек и активный участник научных конференций (в этом качестве он побывал и на историческом факультете Саратовского государственного университета). Вне всяких сомнений, быстрому творческому росту молодого ученого-историка из Армении в немалой степени способствовал статус аспиранта Института всеобщей истории АН СССР. Следует напомнить, что в течение 1977–1980 гг. В. Погосян являлся аспирантом профессора В. М. Далина (1902–1985), известного историка, специалиста в области общественно-политической мысли Франции. Именно в это время, оказавшись в эпицентре столичной академической жизни, молодой исследователь получил возможность системного, «направляющего общения» с корифеями отечественной исторической науки. В их числе В. Г. Трухановский, А. В. Адо, В. А. Дунаевский, М. А. Барг, Е. Б. Черняк, Н. Н. Молчанов, А. О. Чубарьян, Г. С. Кучеренко, А. С. Кан, Г. С. Черткова. Одновременно ему удалось установить, а впоследствии и расширить, собственные научные контакты с наиболее яркими представителями исторического сообщества Франции, которые имели возможность посещать советскую столицу. Среди них А. Собыль, Ж. Дюби, Ж. Тюлар, П. Тубер, Ж. Ле Гофф, Э. Леруа Ла-

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

дюри, Ф. Фюре, М. Вовель. Даже этот перечень выдающихся имен, причем далеко не полный, привлекает к автору книги особое внимание. Это и понятно, поскольку речь идет об удачно прокомментированных «живых» подробностях, характеризующих творчество и личность представителей «высокой» науки.

Новая книга В. А. Погосяна состоит из двух разделов. В первый включены биографические очерки, большая часть которых уже была опубликована в ведущих российских научных журналах. Однако в настоящем издании они существенным образом дополнены и переработаны, а два – об академике АН Армении М. Г. Нерсисяне и перипетиях переиздания книги Е. В. Тарле «Наполеон» – увидели свет впервые.

С особой теплотой автор отзывается о Викторе Моисеевиче Далине. Неслучайно именно ему в книге посвящены два многостраничных очерка. Не остается сомнений, кто сыграл весомую, если не определяющую роль в научном становлении автора книги. Не вдаваясь в детали весьма обстоятельной, многогранной характеристики творчества и личности маститого столичного ученого, полностью соглашусь с такими словами благодарного ученика: «В. М. Далин был очень доброжелательным, всегда готовым протянуть руку помощи тем, кто находился рядом». В этой связи с признательностью вспоминаю об участии этого человека и в моей судьбе. Избрав темой кандидатской диссертации общественно-политические взгляды Пьера-Сильвена Маршала (1750–1803), я, по дружеской протекции научного руководителя, Д. М. Туган-Барановского, который активно переписывался с Виктором Моисеевичем, получил возможность увидеться с мэтром. Разговор патриарха-профессора и начинающего аспиранта состоялся на квартире, в незабываемо теплой обстановке. Я бережно храню письма этого удивительно деликатного человека, в которых он давал советы по теме моего исследования.

Из общего перечня биографий, включенных в книгу В. Погосяна, хотелось бы также выделить содержательный очерк, посвященный памяти профессора Геннадия Семеновича Кучеренко (1932–1997). И вновь хочется поддержать уважительную оценку автора, отмечающего желание и способность крупного столичного ученого вовремя поддержать молодых исследователей. Это его стремление распространилось и на саратовскую молодежь. Как признанный знаток творчества С. Маршала, которым я занимался, Г. С. Кучеренко выступил в роли официального оппонента на защите моей кандидатской диссертации. Впоследствии он оказал такую же любезность другому саратовскому коллеге.

Разумеется, даже предельно краткий обзор книги В. Погосяна не может обойтись без упоминания имени Жака Годшо (1907–1989). Памяти этого выдающегося французского историка,

который в 80-е гг. поддерживал с автором книги научную переписку, посвящено и само издание. На страницах пространный очерка Ж. Годшо предстает перед читателями в качестве «олицетворения пунктуальности» и поистине новаторского отношения к ремеслу историка.

Биографические очерки В. Погосяна изобилуют массой деталей и подробностей, которые в то же время предельно деликатно характеризуют личности упоминаемых здесь историков, а также противоречивые коллизии эволюционного развития современной исторической науки. С учетом этой специфики содержание книги ни в коем случае не следует воспринимать лишь в качестве субъективно-мемуарных зарисовок. На мой взгляд, авторское слово здесь в равной степени привлекательно, как в формате событийного анализа, так и в контексте корпоративных «наставлений», закономерно обращенных к сознанию нового поколения историков.

Во втором разделе книги В. Погосяна размещены более двух десятков научных рецензий на советские и российские издания по истории, историографии Французской революции и наполеоновской эпохи. Подчеркну, что первые три из них были написаны в далёком 1990 г. Важно отметить, что большинство включенных в книгу рецензий опубликовано на страницах журнала французского Общества робеспьеристских исследований «Исторические анналы Французской революции» (*Annales historiques de la Révolution française*). Среди них отклики на монографии Л. А. Пименовой, Б. С. Итенберга, П. П. Черкасова, Д. М. Туган-Барановского, А. В. Чудинова, Д. Ю. Бовыкина, А. В. Гордона и других историков². Благодаря публикации рецензий в столь авторитетном издании, многие работы отечественных специалистов стали более известны зарубежной научной аудитории. Немаловажно и то, что в поле зрения моего коллеги регулярно попадали выпуски «Французского ежегодника». Этот интерес был подкреплён сохранившимися творческими контактами с группой московских франковедов. В частности, в рецензируемом издании размещены пространные аналитические обзоры (на французском языке) альманаха за 2000 и 2002 гг. В книге также впервые размещены содержательные франкоязычные рецензии на монографии Н. А. Троицкого (Саратовский государственный университет) и С. Ф. Блуменау (Брянский педагогический институт)³, а также некоторые другие заметки, по разным причинам не опубликованные автором во Франции⁴.

Книга В. А. Погосяна производит самое благоприятное впечатление. Она написана с душой и для души. Её содержание полностью соответствует фразе выдающегося французского историка XIX столетия Жюль Мишле, которую автор использовал в качестве эпиграфа: «Моя жизнь в этой книге, она прошла через неё». Новая работа моего коллеги рассчитана на про-

фессиональных историков, а также на студентов исторических факультетов, специализирующихся по Новой истории. Нет сомнений, она займёт заслуженное место среди лучших образцов новейшей научно-исторической литературы.

Примечания

- ¹ См.: *Погосян В. А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004; *Он же.* Армяне – сподвижники Наполеона : история и мифы. Ереван, 2009.
- ² См.: *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; *Дунаевский В. А., Цфасман А. Б.* Николай Михайлович Лукин. М., 1987; *Итенберг Б. С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988; *Черкасов П. П.* Лафайет. Политическая биография. М., 1991; *Смирнов В. П., Посконин В. С.* Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции, 1789–1989.

М., 1991; *Туган-Барановский Д. М.* Наполеон и власть. (Эпоха консульства). Балашов, 1993; *Чудинов А. В.* Размышления англичан о Французской революции. Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996; *Он же.* Французская революция. История и мифы. М., 2007; *Бовыкин Д. Ю.* Революция окончена? Итоги термидора. М., 2005; *Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

- ³ См.: *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994; *Блуменау С. Ф.* Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов. Брянск, 1994.
- ⁴ См.: Луи Антуан Сен-Жюст. Речи. Трактаты. СПб., 1995; Французский ежегодник-2000. 200 лет Французской революции 1789–1799 гг. : Итоги юбилея. М., 2000; Французский ежегодник-2002. Историки Франции. К 100-летию В. М. Далина (1902–1985). М., 2002; *Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо : образ и память. Саратов, 2007.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета
С. Е. Киясов

ХРОНИКА

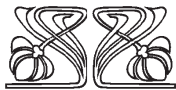
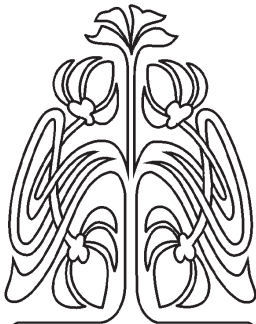
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОРОХА (1922–1999)

26 апреля 2012 г. состоялось научное заседание кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета и музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского, посвященное 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Игоря Васильевича Пороха.

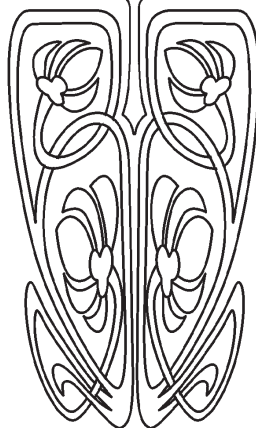
Видный представитель отечественной исторической мысли, последователь научной школы, представленной именами таких ученых-гуманитариев, как Ю. Г. Оксман и Л. А. Дербов, И. В. Порох обладал ярко выраженной индивидуальностью лидера трудового коллектива. Жизнь и труды ученого были и поныне остаются эталоном творческой энергии и отношения к науке для нескольких поколений российских историков. Этому способствовали его дар архивиста-исследователя, глубокая эрудиция в вопросах общественно-политической истории России XIX в. и, конечно, отличавшиеся новизной подходов и неизменным полемическим накалом научные труды – 8 книг и публикаций источников, свыше 200 статей, заметок, рецензий и учебно-методических пособий. Круг научных изысканий И. В. Пороха был достаточно широк: история декабризма, взгляды и деятельность А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, различные проблемы общественного движения, общественной мысли и правительственной политики России XIX в., история исторической науки и историческое краеведение.

Научное заседание открыла директор музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского Г. П. Муренина, говорившая о И. В. Порохе не только как о ярком ученом, плодотворном исследователе, оставившем след в отечественной исторической науке и в истории Саратовского университета, но и как о большом друге музея Н. Г. Чернышевского, который для его сотрудников был научным наставником и консультантом по многим вопросам, связанным с общественным движением 60-х гг. XIX в. Она отметила, что И. В. Порох являлся редактором многих изданий музея и принимал самое активное участие в организации научных конференций и образовательной деятельности на базе музея. Именно поэтому, подчеркнула Г. П. Муренина, было справедливо провести научное заседание, посвященное 90-летию И. В. Пороха, в стенах музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

Ведущий научного заседания В. А. Соломонов (Саратовский государственный университет) рассказал об основных вехах жизненного пути и научной деятельности И. В. Пороха. Семнадцатилетним юношей он поступил в 1939 г. на исторический факультет Саратовского университета. В ноябре 1940 г. был призван в Красную армию, и уже на срочной службе застала его начавшаяся Великая Отечественная война. Спустя год после окончания войны, награжденный боевыми орденами и медалями, в звании капитана, Порох вернулся на истфак для продолжения учебы. В 1951 г. Игорь Васильевич блестяще окончил университет и был оставлен в аспирантуре при кафедре истории СССР досоветского периода. Его дальнейшую судьбу в науке во многом определило общение с выдающимся литературоведом и историком, пушкинистом и декабристоведом Ю. Г. Оксманом. Главной исследовательской темой И. В. Пороха стало движение декабристов. Выбор всех последующих научных занятий в значительной мере предопределялся ею. В 1953 г. И. В. Порох защитил кандидатскую диссертацию на тему «Восстание Черниговского пехотного полка (К вопросу о тактике

ПРИЛОЖЕНИЯ

Южного общества декабристов)». Дальнейшая работа ученого была сосредоточена на кафедре, в то время она называлась кафедрой истории СССР досоветского периода, впоследствии и до наших дней – кафедрой истории России. Не переставая заниматься декабристской тематикой, И. В. Порох с конца 1950-х гг. обратился к изучению публицистического наследия А. И. Герцена, жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. В 1977 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «А. И. Герцен в русском освободительном движении 50-х гг. XIX в.». Среди научных трудов И. В. Пороха монографии «Герцен и Чернышевский» (Саратов, 1963), «История в человеке: Н. А. Мордвинов – деятель общественного движения в России 40–80-х годов XIX в.» (Саратов, 1971), подготовленные им к публикации издания мемуаров Н. В. Басаргина, А. В. Поджио, И. Д. Якушкина, фундаментальное исследование – публикация документальный сборник «Дело Чернышевского» (Саратов, 1968). В. А. Соломонов обратил внимание на то, что Игорь Васильевич стал образцом для своих детей, которые также посвятили жизнь истории. Безвременно ушедшие из жизни Василий Игоревич Порох и Татьяна Игоревна Гражданова стали кандидатами исторических наук, а присутствовавший на заседании Владислав Игоревич Порох защитил докторскую диссертацию.

С воспоминаниями о И. В. Порохе выступили историки и филологи Саратовского университета и других высших учебных заведений города *А. И. Аврус, А. А. Демченко, В. И. Порох, М. В. Булычев, А. В. Воронихин*. Все выступавшие подчеркнули, что И. В. Порох был одним из тех, кого можно считать символом университета, символом отечественной исторической науки, образцом бескорыстного служения ей, вспоминая о нем как о человеке, полностью отдававшем себя направлениям научной, педагогической и общественной деятельности. А. А. Демченко подчеркнул, что И. В. Порох наиболее ярко как личность раскрывался в научной полемике. Воспоминания М. В. Булычева и А. В. Воронихина касались различных аспектов педагогической деятельности ученого, выступавшие отметили его никогда не угасавшую искреннюю заинтересованность руководством научной работой студентов и аспирантов.

Яркими и интересными личными воспоминаниями поделился *А. И. Аврус* (Саратовский государственный университет), который знал Игоря Васильевича со студенческих лет. Он подчеркнул такие особенности его личности, как открытость, доброжелательность, остроумие, увлеченность наукой, преподавательской деятельностью, спортом, умение полемизировать, упомянул, что последняя прижизненная публикация И. В. Пороха была написана в сотрудничестве с ним. И. В. Порох и А. И. Аврус подготовили статью о научных связях Саратовского и С.-Петербургского универ-

ситетов, которую буквально за неделю до ухода из жизни Игорь Васильевич в последний раз просмотрел и расписался на ней.

С сообщениями о различных сторонах научной деятельности И. В. Пороха выступили А. А. Демченко, В. Н. Данилов, А. С. Озерянский, О. В. Кочукова. *А. А. Демченко* (Саратовский государственный университет) отметил, что в год 200-летия А. И. Герцена важно и уместно говорить о И. В. Порохе как об одном из авторитетнейших исследователей его жизни и творчества. Автор монографии «Герцен и Чернышевский» впервые, соединяя эти два имени, так глубоко научно, интересно, увлеченно, рассказывал о взаимоотношениях двух великих людей, оставивших глубочайший след в истории России, русского освободительного движения. А. А. Демченко упомянул также об активной работе И. В. Пороха в редколлегии учрежденного в 1958 г. сборника «Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования, материалы», подчеркнув, что его замечания, точное проникновение в позицию автора, присылавшего статьи, всегда помогали правильно оценить работу и принять решение о ее включении в сборник.

Научный вклад И. В. Пороха в изучение роли А. И. Герцена в общественном движении России получил освещение в сообщении *О. В. Кочуковой* (Саратовский государственный университет). Она обратила внимание на то, что многие наблюдения и выводы И. В. Пороха – исследователя герценианы – сохраняют свою актуальность и по сей день. Среди них постановка вопроса о факторе общественного мнения в 1850–1860-х гг., в том числе об «обличительстве» как инструменте интеллектуального и политического давления на власть, обоснование существования герценовской программы «мирной революции сверху», широкая трактовка понятия «освободительное движение» как совокупности различных проявлений деятельности радикально-демократической и либерально-оппозиционной интеллигенции. Личность А. И. Герцена была для И. В. Пороха центральной фигурой исторического процесса той эпохи, изучению которой он посвятил жизнь, и научный путь историка в значительной степени был внутренним диалогом с его героем. О. В. Кочукова отметила, что для И. В. Пороха первостепенное значение имели такие стороны личности Герцена, как гуманистическая основа мировоззрения, обращенность к проблемам прав человека, политический темперамент, нестандартность и образность мышления.

А. С. Озерянский (музей-усадьба Н. Г. Чернышевского) затронул еще один аспект научных изысканий И. В. Пороха, связанный с изучением либерального движения в России. Он подчеркнул, что в те годы, когда И. В. Порох размышлял над этой темой, по идеологическим причинам к ней надо было относиться с известной долей осторожности. Поэтому интерес саратовского историка к взглядам деятелей либерально-оппозиционного

спектра общественного движения способствовал плодотворному развитию советской исторической науки. Одним из таких деятелей для И. В. Пороха был А. Н. Пыпин. А. С. Озерянский сообщил о деятельности И. В. Пороха в качестве научного редактора переиздания «Моих заметок» А. Н. Пыпина, подробно остановившись на характеристике тех требований, которые ученый предъявлял к публикации исторических источников и их научному комментированию.

В. Н. Данилов (Саратовский государственный университет) отметил, что И. В. Порох вписал свою страницу не только в изучение общественного движения и в целом истории России XIX века, но и в организацию научной работы по региональной истории. Истоки интереса И. В. Пороха к истории Саратовского края восходят к изучению им научного наследия саратовской школы историков. В 1960 г. под его редакцией вышло издание избранных статей С. Н. Чернова по истории декабризма (под названием «У истоков русского освободительного движения») и статья в «Ученых записках Саратовского университета», посвященная отражению истории общественного движения в работах саратовских исследователей. Впоследствии под руководством И. В. Пороха было подготовлено и издано в 1990-е гг. многотомное исследование «Очерки истории Саратовского Поволжья». В. Н. Данилов подчеркнул, что, читая те разделы в этом труде, которые написаны И. В. Порохом, нельзя не заметить его стремления на основе регионального материала показать и решать многие вопросы общеисторического плана.

В адрес саратовских историков и участников научного заседания поступили обращения от коллег, друзей и единомышленников И. В. Пороха, ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Нижне-

го Новгорода Е. Л. Рудницкой, В. А. Китаева, Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, А. Н. Цамутали, В. Г. Чернуха, В. Н. Плешкова, Б. Б. Дубенцова, В. А. Нардовой, В. В. Лапина, Б. Ф. Егорова, Т. В. Андреевой, С. К. Лебедева, Б. С. Кагановича, И. В. Лукоянова, М. М. Сафонова, С. В. Ярова, В. И. Мусаева. В обращении сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН сказано: «В день рождения Игоря Васильевича Пороха мы хотим вместе с вами вспомнить о нем, талантливым и ярком исследователе, настоящем товарище, прекрасном педагоге и замечательном человеке, а также о саратовской школе истории общественного движения в России, в создании и развитии которой ему принадлежит важнейшая роль. Игорь Васильевич редким образом сочетал в себе истинный профессионализм с твердым демократическим характером своих убеждений... Сделанное Игорем Васильевичем в науке выдержало строгую проверку временем». В своем обращении к участникам научного заседания Е. Л. Рудницкая подчеркнула: «В отношении И. В. Пороха к науке в какой-то мере выявлялся его характер: целеустремленность, энергичность, все захватывающая увлеченность. В этих чертах нашел свое преломление его научный почерк: архивный поиск, критическая, независимая позиция, самоотдача подлинного педагога, талант организатора науки». Историки особо отметили обширный вклад И. В. Пороха в ставшие легендарными саратовские издания «Освободительное движение в России» и возглавлявшийся им на протяжении многих лет «Историографический сборник».

В музее Н. Г. Чернышевского была развернута выставка, посвященная жизни и творчеству И. В. Пороха, на которой показаны его фотографии, письма и документы, научные труды.

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Саратовского государственного университета
О. В. Кочукова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афони́на Екатерина Александровна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ekaterina.afonina@list.ru

Беляков Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса, туризма и межкультурных коммуникаций Рязанского филиала Московского психолого-социального университета. E-mail: feb@ru.ru

Блосфельд Евгения Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: genhist@mail.ru

Болдырева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры философии и гуманитарной подготовки Воронежской государственной медицинской академии имени Н. И. Бурденко. E-mail: boldyrevairi@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ybartho@mail.ru

Васильченко Максим Анатольевич, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: maks-vasilchenko@mail.ru

Герасимов Василий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва). E-mail: gerasimov-moravia81@yandex.ru

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Креленко Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: krelenkon@mail.ru

Лапырёнок Роман Викторович, кандидат исторических наук,

докторант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: lapyrionok@mail.ru.

Луконин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Lukonin@info.sgu.ru

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: malovnm@mail.ru

Назаров Владилен Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета. E-mail: nvv1975RSB@mail.ru

Панькин Павел Владимирович, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: 213pankinp@mail.ru

Полозова Ирина Викторовна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры истории музыки Саратовской государственной консерватории. E-mail: polozov@forpost.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Симонов Анатолий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Старков Олег Александрович, аспирант кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета. E-mail: olegstarkov87@mail.ru

Феллер Виктор Валентинович, соискатель кафедры философии культуры и культурологии Саратовского государственного университета. E-mail: feller-vv@mail.ru

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России (секция истории культуры и искусства) Саратовского государственного социально-экономического института Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: iyelfond@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aphonina Ekaterina Alexandrovna, graduate student of International Relations and Russian Foreign Policy at the Institute of History and International Relations. E-mail: ekaterina.afonina@list.ru

Belyakov Andrey Vasilyevich, The candidate of Historical Science. The senior lecturer of chair of Welfare service, tourism and intercultural communications Moscow Psychological-Social University, Ryazan Branch. E-mail: feb@ru.ru

Blosfeld Evgenia Grigorjevna, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the General History chair of Volgograd State Social and Pedagogical University. E-mail: genhist@mail.ru

Boldyreva Irina Ivanovna, History PhD, teacher of philosophy and humanities training of N. I. Burdenko Voronezh State Medical Academy. E-mail: boldyrevairi@mail.ru

Feller Viktor Valentinovich, competitor of the chair of philosophy of culture and cultural science of Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: feller-vv@mail.ru

Gerasimov Vasily Leonidovich, History PhD, Senior Research Associate of the Institute (of Military History) of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia, Moscow. E-mail: gerasimov-moravia81@yandex.ru

Elfond Iryna Yakovlevna, History Doctor, Professor of the Chair of Economic and Political History of Russia, Saratov State Social and Economic University. E-mail: iyelfond@mail.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, History PhD, assistant professor of the chair of Russian civilization and teaching methodology of history in the institute of History and international Relation of Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: kochukovs-gu1974@yandex.ru

Krelenko Denis Mihailovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of History and International Relations of N.G. Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: krelenkon@mail.ru

Lapyrionok Roman Viktorovitch, PhD; University of Saratov; PostDoc; department of ancient history; address: 410012, Saratov, ul. Astrakhanskaya 83, 523; call number: (8452) 21-06-27; personal call number: 89873890331. E-mail: lapyrionok@mail.ru.

Lukonin Dmitriy Evgenyevich, History Ph.D, assistant professor of the chair of Tourism and Cultural Heritage of the Institute of History and International Relations of Saratov State University named after N. G. Chernyshevskiy. E-mail: Lukonin@info.sgu.ru

Malov Nikolay Mihailovich, Associate professor at the Chair of

historiography, regional history and archaeology Saratov State University/ E-mail: malovnm@mail.ru

Nazarov Vladilen Viktorovich, a History PhD, a senior lecturer, the Head of chair of Economics and Law in Balashov Institute of Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: nvv1975RSB@mail.ru

Pankin Pavel Vladimirovich, a post graduate student of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: 213pankin@mail.ru

Polozova Irina Victorovna – Doctor of Art Criticism, associate-professor, professor cathedra of history of music Saratov Conservatory. E-mail polozov@forpost.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, documentologists of the cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations, Saratov State University by N. G. Chernyshevskiy. E-mail RabinovichYN@yandex.ru

Simonov Anatoly Aleksandrovich, History PhD, Associate Professor of the Chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Starkov Oleg Aleksandrovich, postgraduate student of Philosophy and Political Science chair of Saratov State Social and Economic University. E-mail: olegstarkov87@mail.ru

Tsyplin Vitaly Gennadievich, PhD, Professor of International Relations, Department of International relations and Russian foreign policy Saratov Chernyshevskiy State University. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, a History Doctor, Professor of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: ybartho@mail.ru

Vasilchenko Maxim Anatolevich, a postgraduate student of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: maks-vasilchenko@mail.ru

Kiyasov Sergey Evgenievich. Dr. Sc. (Hist.), Professor of Modern and Contemporary History Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Kochukova Olga Viktorovna, History PhD, assistant professor of the chair of cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations, Saratov State University by N. G. Chernyshevskiy. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Подписка на I полугодие 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

